АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

КАЗАЧЕСТВО В ВЕЛИКОЙ СМУТЕ

От Гришки Отрепьева до Михаила Романова

АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

ЯУЗА

Annotation

При всем обилии книг по истории казачества одна из тем до сих пор остается «белым пятном». Это — роль казаков в Великой Смуте конца XVI — начала XVII века, то есть в единственный в истории казачества период когда оно играло ключевую роль в судьбе России.

Смутное время — наиболее мифологизированная часть отечественной истории. При каждом новом правителе чиновники от истории предлагают народу очередную версию событий. Не стало исключением и наше время.

В данной книге нарушаются все эти табу и стереотипы, в ней рассказывается о казачестве как об одной из главных движущих сил Смуты.

Откуда взялись донские, запорожские и волжские казаки и почему они приняли участие в Смуте? Как появились новые «воровские» казаки? Боролся ли Болотников против феодального строя? Был ли Тушинский вор казачьим царем? Какую роль казаки сыграли в избрании на царство Михаила Романова и кто на самом деле убил Ивана Сусанина?

- Александр Широкорад
  -
  - Глава 1. Происхождение вольного казачества
  - Глава 2. Вооружение и нравы вольного казачества
  - Глава 3. Заводчики Смуты
  - Глава 4. Первые успехи самозванца
  - Глава 5. Кромы — казачья Троя
  - Глава 6. Казаки входят в Москву
  - Глава 7. Царь Василий Шуйский
  - Глава 8. Казаки с Болотниковым и без него
  - Глава 9. Польско-казацкое царство в деревне Тушино
  - Глава 10. Вторжение королевских войск
  - Глава 11. Казаки в Первом ополчении
  - Глава 12. Кузьма Минин и князь Пожарский против ляхов и казаков
  - Глава 13. Казацкий мятеж в Москве
  - Глава 14. Как Иван Сусанин казакам под руку попал
  - Глава 15. Звездный час атамана Ивана Заруцкого
  - Глава 16. Казаки на русском Севере[98]
  - Глава 17. Казаки-лисовчики

- Глава 18. Поход Владислава
- Глава 19. «Воровские казаки»
- Глава 20. Царь Михаил и вольное казачество
- Список использованной литературы
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111

- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124

Александр Широкорад

КАЗАЧЕСТВО В ВЕЛИКОЙ СМУТЕ

От Гришки Отрепьева до Михаила Романова

АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

КАЗАЧЕСТВО В ВЕЛИКОЙ СМУТЕ

От Гришки Отрепьева
до Михаила Романова

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2007

Глава 1. Происхождение вольного казачества

У нас о казаках не только обыватели, но и люди с высшим образованием знают слишком много и одновременно слишком мало. В первую очередь это объясняется заидеологизированностью истории казачества. Дореволюционные историки делали основной упор на образцовое служение казаков царю-батюшке, а все противоречившее этой идеологической схеме выбрасывали. Когда же сделать это было невозможно, они писали о затмениях разума простых казаков, сбитых с пути истинного чудовищными злодеями или колдунами типа Стеньки Разина и Емельки Пугачева.

Советские же историки, наоборот, главный упор делали на активное участие казачества в классовой борьбе, выпячивая фигуры вождей «крестьянских войн» — Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева. Ко всему этому, большую эмоциональную, но не всегда верную составляющую в наши знания о казачестве внесли поэты и писатели — от Гоголя и Шевченко до Степана Злобина и Василия Шукшина, а также художники — вспомним Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» или Сурикова «Степан Разин».

Поэтому, прежде чем говорить об участии казаков в Смуте, надо выяснить, кто они такие и откуда взялись. Ключевые слова в теме «казачество» — казак и атаман. Причем первое — тюркского происхождения, а второе — немецкого, от слова гауптман (начальник). С переводом с тюркского слова «казак» (гузак, козак) дело обстоит иначе. Одни считают, что это — легковооруженный воин, другие — «бродяга», а третьи — «киргиз». И действительно, до 1917 г. многие киргизские племена называли себя казаками.

К началу XVII века уже существовало три основные группы казаков — запорожские, донские и волжские. Происхождение всех казаков у царских и советских историков описывается единообразно — это крестьяне, бежавшие от гнета помещиков. Увы, на самом деле все не так просто, и каждая ветвь казачества образовалась по-своему.

Начнем с запорожцев. Все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы — потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков

запорожского казачества Д.И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман»[1].

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV — началу XVI веков. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течении Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как не соответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что запорожское казачество составляли… местные жители.

Сразу же оговорюсь, что документальных свидетельств этого нет, но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, опровергающих мое утверждение.

Начнем по порядку. Вспомним о таинственных бродниках, трижды упомянутых в русских летописях. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 году, когда они в очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу.

По мнению академика В.В. Мавродина: «Бродники — это тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы — Плоскиня, звучащее по-русски». Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название — берладников, выгонцев и. др. Бродников было не так уж мало, ибо иначе нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах»[2].

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

После Батыева нашествия на Киев в 1240 г. и до конца XIV века история Киевской земли — сплошная черная дыра. Историк М.С. Грушевский писал: «Остается сказать еще об одном обстоятельстве — об отсутствии сведений о Киевской земле за вторую половину XIII в. и почти

весь XIV в.»[3].

Данных о существовании местного летописания у нас нет, а ни князей, ни летописцев Владимиро-Суздальской Руси Киев абсолютно не интересовал.

Как же управлялась Киевская земля? По косвенным источникам, в том числе по сообщениям итальянского путешественника Плано Карпини, проезжавшего через эти места в 1246 г., южнее и западнее Киева вообще не было князей, а местным населением управляли атаманы (ватманы), выбираемые вечем.

Периодически приезжали татарские баскаки, которым атаманы сдавали дань.

Итальянский путешественник Джованни дель Плано Карпини писал: «Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов (Канев. — *А.Ш.*), которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства»[4].

Плано Карпини не очень разбирался в делах русских княжеств, поэтому потребуется расшифровка его записей. «Под непосредственной властью Татар», то есть там русские князья не имели никакой власти над местным населением. Ну а имя Михей мало похоже на татарское или аланское. Видимо, имя местного атамана городка, расположенного на Днепре ниже Канева, было Михаил, а провожатые итальянцев обзывали его Михеем.

Михей не понравился путешественникам, так как требовал слишком много подношений за дальнейшее их сопровождение. «После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четыредесятницы, и он проводил нас до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди»[5].

Таким образом, Плано Карпини и его спутники покинули Киев 4 февраля 1246 г., проехали Канев, 19 февраля выехали из городка, где атаманом был Михей, и, наконец, 23 февраля впервые встретились с заставой татар.

Судя по всему, путешественники ехали по льду Днепра. Если они двигались со скоростью 20–30 км в сутки, что не так уж много для того времени, то, даже сделав 3–4 дневки (дневные остановки), они прошли бы 350–400 км до встречи с татарской заставой.

Таким образом, записки Плано Карпини свидетельствуют о том, что почти до нынешнего Запорожья берега Днепра были заселены местными жителями, то есть бродниками, плативши дань татарам.

Первые документальные свидетельства о деятельности казаков на юге России относятся к концу XV века. До этого ни о военной активности, ни вообще о жизни жителей Нижнего Днепра и его притоков ничего не известно.

Однако из византийских, генуэзских и венецианских исторических хроник и деловых документов следует, что с конца XIII до начала XV веков на Черном море активно действовали пираты. Так, венецианским и генуэзским купеческим судам, плававшим в Черном море, запрещалось выходить в море без балистариев — стрелков из арбалетов, аркбаллист и катапульт, а с XV века — и пороховых бомбард. Часто купеческие суда были вынуждены ходить в составе конвоев, охраняемые боевыми галерами.

Правда, в документах упоминаются в основном корсары — подданные Венеции, Генуи или турецкого султана. Это и понятно — было к кому предъявлять претензии, отвечать контрмерами и т. п. Жаловаться на пиратов, принадлежащих к племенам, не имеющим государственности, бесполезно, и купцы не отражали это в деловых бумагах. Утверждать же, что все население Северного Причерноморья от Дуная до берегов Кавказа не занималось пиратством, поскольку оные племена не упомянуты конкретно в делах о нападениях на купцов, мягко выражаясь, некорректно.

Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что жители Приднепровья, подобно своим предкам, спускались к Черному морю «добывать зипуны».

По известию летописца XVI века Мартина Бельского в 1489 г, во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном короля Казимира IV Яном Альбрехтом, впереди литовского войска шли до притока Буга реки Савраны казаки, хорошо знавшие местность Побужья.

Это сообщение можно считать первым официальным сообщением о приднепровских казаках. Я говорю так осторожно, поскольку есть и косвенные сведения. Так, А.В. Стороженко упоминает о греческой надписи, найденной в Судаке (Сугдейская приписка в греческом Синаксаре): «В тот же день (17 мая 1308 г.) скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками»[6]. Тут нам остается лишь гадать, где убили бедолагу Альмальчу — на суше или на море, и был ли тот казак татарином или русским.

В 1508 г. казаки под начальством брацлавского и виленского старосты князя Константина Ивановича Острожского разгромили наголову отряд

татар, грабивших пограничные области Литовской Руси. Другая часть казаков под начальством «славного казака Полюса-русака» уничтожила другой отряд татар.

Формально создателем Войска Запорожского считается князь Дмитрий Вишневецкий, потомок великого князя Литовского Ольгерда. И если Ольгерд до самой смерти оставался язычником, то все предки Дмитрия Вишневецкого приняли православие. Сам Дмитрий был блестящим и талантливым авантюристом своего времени. Его постоянно тянуло на подвиги и постоянно хотелось быть на первых ролях. Поначалу он был старостой Черкасским и Каневским, то есть правил на границе литовских владений и Дикого поля. На службе у него состояло несколько сот малороссийских (запорожских) казаков. Поссорившись с польским королем Сигизмундом I, Вишневецкий ушел вместе с казаками на службу к турецкому султану, затем король переманил его обратно.

Но, повторяю, Вишневецкому всегда хотелось играть самостоятельную роль. И вот он весной 1556 г. со своей «частной армией» отправился за пороги, там заложил укрепления (сечь) на островах Малая Хортица, известном также как остров Верхнехортицкий, Канцеровский, Вырва и, что наиболее интересно, остров Байда. Именно на этом острове археологи обнаружили остатки укрепления XVI века, а также ружья, обломки сабель, топоры, наконечники стрел и копий, монеты, относящиеся ко временам Дмитрия Вишневецкого.

Дальнейшая история жизни Вишневецкого похожа на приключенческий роман. Сначала он отправляется на службу к царю Ивану Грозному, затем к польскому королю Сигизмунду-Августу и, наконец, пытается захватить власть в Молдавии, но кончает жизнь на крюке в Стамбуле.

Для нас же важно, что с 1556 г. начинает непрерывно действовать Запорожская Сечь (хотя местонахождение ее несколько раз меняется) и провозглашается официальное существование Войска Запорожского.

Кроме запорожцев в районах Киева, Канева и даже выше по Днепру, к середине XVI века было много поселений и других казаков, более привязанных к земле, женатых и т. д. По существу, многие из них были наполовину крестьяне, наполовину казаки.

После принятия Люблинской унии в 1569 г. малороссийские казаки оказались лишним сословием в Речи Посполитой, где доселе существовало лишь три сословия — шляхетское, мещанское и холопское. Дворяне и слышать не хотели о принятии казаков в их сословие, а идти в холопы или мещане не хотели сами казаки.

В 1578 г. польский король Стефан Баторий определил жалованье шести сотням казаков и разрешил им разместить в городе Трахтомирове свой госпиталь и арсенал. За это казаки согласились подчиняться назначенным королем офицерам-дворянам и воздерживаться от самовольных нападений на татар, сильно осложнявших проведение внешней политики Речи Посполитой. По заведенным правилам все 600 казаков были занесены в специальный список — реестр. И с тех пор эти зарегистрированные, «реестровые», казаки стали использоваться не только дня охраны границ от татар, но и для контроля за «нереестровымй» казаками.

В 1589 г. количество реестровых казаков достигло уже 3 тысяч. В основном это были оседлые, семейные, хорошо устроенные казаки, часто обладавшие значительной собственностью. К примеру, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, леса и пастбища, 120 ульев и 3 тысячи золотых слитков (из них тысяча в закладе под большие проценты). Нереестровые городовые казаки были существенно беднее реестровых.

С 90-х годов XVI века в Малороссии идет ожесточенная борьба казачества, да и всего местного населения, за увеличение числа реестровых казаков.

Тема эта особая, но к 1603 г. в Малороссии существовало как бы два казачьих войска: реестровое войско с большим резервом нереестровых казаков и Запорожское. Если реестровое войско формально числилось на королевской службе, то Запорожское войско практически было независимым. Польские чиновники прибывали в Сечь только в качестве послов. Польский король выдавал жалованье запорожцам, когда они были нужны в войне. Аналогично действовали и московские цари. Запорожцы ходили на татар, турок, ляхов и русских как с польскими, так и с московскими воеводами, а в большинстве случаев — самостоятельно.

А теперь перейдем к волжскому казачеству. Откуда взялись волжские казаки, как царские, так и советские историки дружно умалчивают. О волжских казаках глухо вспоминают лишь в связи с сибирским походом Ермака.

На самом же деле историю волжского казачества надо начинать с середины XIV века. Именно тогда на Волгу вышли первые отряды вольницы Господина Великого Новгорода. По названию больших, но быстроходных лодок — ушкуев — этих молодцев окрестили ушкуйниками. С 1360 г. ушкуйники чуть ли не ежегодно громили татар на Волге и Каме. Причем это были не шайки разбойников, грабившие купеческие караваны,

а крупные отряды от тысячи до трех тысяч человек, которые неоднократно брали ордынские города, как, например, оба Сарая, Увек, Казань, Булгар, Жукотин (Джукетау) и др. Как минимум два раза они брали Хазторакань (Астрахань).

Отношение московских князей к ушкуйникам разоблачает миф официальных историков о том, что-де Иван Калита и его потомки действовали в интересах всей Русской земли и мечтали освободить ее от татарского «ига». В этом случае они должны были помогать ушкуйникам хотя бы тайно. Ну а заставит хан бороться с ушкуйниками, так погонялись бы за ними для виду московские воеводы. Они и всерьез гонялись, да проку не было. А ведь при надлежащей поддержке ушкуйники могли бы если и не совсем разорить Орду, то, во всяком случае, создать ей такие проблемы, что золотоордынским ханам стало бы совсем не до Руси.

Но разорение Орды в XIV веке стало бы страшным бедствием для… Москвы. Еще ни один историк не попытался хотя бы приблизительно посчитать, сколько фирма «Калита и К°» содрала в виде дани с Руси, сколько выплатила в Орду и сколько прилипло к рукам жадных московских князей. В любом случае, суммы огромные. Зачем ломать батог, возвышающий Москву? Я уж не говорю о том, что успехи ушкуйников возвышали Господин Великий Новгород, на который постоянно, начиная с Ивана Даниловича, покушались московские князья.

Не следует забывать, что каждый поход ушкуйников на целую навигацию парализовывал судоходство на Волге и, соответственно, наносил большой ущерб московским купцам и самому князю. Таким образом, злодеи-ушкуйники били господина Калиту по самому бальному месту — по калите[7].

Москва не столько по окрику из Орды, сколько по своей инициативе начала борьбу не на жизнь, а на смерть с ушкуйниками. Причем сладить с дружинами ушкуйников московским воеводам было не под силу, и они действовали в стиле современных рэкетиров. Устроят ушкуйники погром в Орде, а москвичи схватят во Владимирской Руси какого-нибудь новгородского боярина или богатого купца и требуют выкуп, а то и пойдут в новгородские земли грабить мирных жителей.

Вот, к примеру, в 1386 г. Дмитрий Донской решил наказать Новгород за очередные походы ушкуйников на Волгу и Каму, а заодно пополнить свою казну, и пошел на Новгород войной. Большая рать подошла к Новгороду и стала грабить окрестности, «…много было убытку новгородцам и монашескому чину, — говорит летописец, — кроме того, великокняжеские ратники много волостей повоевали, у купцов много

товару пограбили, много мужчин, женщин и детей отослали в Москву». Дело кончилось тем, что новгородцы выплатили Дмитрию 8 тысяч рублей, только чтобы он оставил их в покое.

Тем не менее, несмотря на шантаж московских князей, ушкуйники продолжали свои походы. В 1392 г. они опять взяли Жукотин и Казань. В 1409 г. воевода Анфал повел 250 ушкуев на Волгу и Каму.

Между тем в начале 70-х годов XIV века опорным пунктом ушкуйников сделался Хлынов[8] — крепость на реке Вятке. Высшая власть в Хлынове принадлежала вечу. В отличие от Новгорода и Пскова хлыновское вече никогда не приглашало к себе служилых князей. Для командования войском вече выбирало атаманов (ватманов). Географическое положение Хлынова облегчало его жителям походы как в Предуралье и за Урал, так и на булгар и Золотую Орду.

«Малочисленный народ Вятки, — писал Карамзин, — управляемый законами демократии, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самих единоплеменников, за то что стяжал себе не особенно почетное название — хлынские воры».

Надо ли говорить, что золотоордынские ханы мечтали стереть Хлынов с лица земли. В 1391 г. по приказу хана Тохтамыша царевич Бекбут разорил вятские земли и осадил Хлынов. После ухода татар новгородские ушкуйники вместе с устюжанами напали на принадлежавшие татарам булгарские города — Казань и Жукотин и разорили их. Следствием этого стало новое нападение на Хлынов со стороны татар.

Посылаемых на Вятку с ратью московских воевод вятчане старались подкупить добрыми «поминками», давая в то же время крестное целование быть на всей воле московских князей, но это крестное целование им было нипочем: они не раз ему изменяли.

Поскольку московские воеводы не могли покорить Хлынов, то в дело шли московские митрополиты, которые слали в Хлынов грозные послания, где пугали вятчан геенной огненной, бесами и прочей нечистью. Но напугать ушкуйников было непросто.

Окончательно покончить с Хлыновым Москве удалось лишь в 1489 г., когда Иван III двинул на Вятку 64-тысячное войско под началом воевод Данилы Щени и Григория Морозова. Были в войске и казанские татары под предводительством князя Урака. 16 августа московская сила появилась под Хлыновым. Сопротивляться было невозможно. Вятчане попробовали прибегнуть к прежнему средству — подкупить воевод и заискать их милость. С этой целью они выслали воеводам хорошие поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали лишь день отсрочки штурма города.

Уже после начала штурма вятчане вступили в переговоры о капитуляции. Это позволило бежать значительной части осажденных. По приказу Ивана III с Хлыновым поступили, как раньше с Новгородом: большая часть жителей была выселена в московские города, а вместо них поселены жители московских городов, а главных «крамольников» казнили.

1 сентября 1489 г. повезли пленное население Хлынова в московские пределы. Великий князь велел их расселить в Боровске, Алексине и Кременце, где им были даны усадьбы и земли, торговых же людей поселили в Дмитрове.

Часть вятчан была поселена даже в подмосковной слободе: нынешнее московское село Хлыново свидетельствует об этом поселении.

Так было покончено с последним оплотом ушкуйников. Однако спасшиеся из Хлынова ушкуйники обосновались на Волге в районе современного города Камышина.

Иван III, зная предприимчивый характер этой удалой вольницы, поселившейся за пределами его владений, вблизи окраин враждебного ему княжества Рязанского, зорко следил за движениями этой горстки людей, не пожелавших ему подчиниться. Чтобы предупредить сношения рязанцев с этой вольницей, Иван III напоминал своей сестре, вдовствующей рязанской княгине Агриппине, не пускать ратных людей дальше Рясской переволоки, «а ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Агриппина, велела казнити»[9].

Московские цари, их дьяки, а позже «служивые историки» сделали все, чтобы русский народ забыл о славных чудо-богатырях — ушкуйниках. И действительно, Куликовская битва и «стояние на реке Угре» затмили в памяти русского народа историю борьбы с татарами в XIV–XV веках. Однако об ушкуйниках никогда не забывали… татары. Понятно, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но вот с 1991 г. практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий по адресу ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со злодеями ушкуйниками. Вот, к примеру, монография Альфреда Хасановича Халикова («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария», Академия наук Татарстана, Казань, 1994). Ох как не нравятся автору «разбойные походы новгородских ушкуйников, например, в 1360, 1366, 1369, 1370, 1371 гг… 1391–1392 гг. — массированный поход новгородцев и устюжан на Вятку, Каму и Волгу, взятие ими Жукотина и Казани».

«Грабительские походы русских ушкуйников, начиная с 1359 года постоянно снаряжаемые против Булгарского улуса, привели булгарские

земли на грань опустошения и разорения. Так, на надгробии 55-летнего Инука, найденном в Булгаре, хотя и невозможно разобрать, от чьей руки он погиб, но вряд ли вызывает сомнение, что это были ушкуйники. Такие камни характерны и для времен Казанского ханства, там прямо указано, что покойник был убит во время „нашествия русских“»[10].

На реке Каме татарские археологи обнаружили город Катан, состоявший из двух городищ. Кто его разрушил? Конечно, ушкуйники в 1391 г., как утверждает тот же Халиков.

Из трудов казанских историков можно составить длинный список булгарских городищ, уничтоженных русскими в XIV веке.

Почитаешь казанских историков — и видишь, что ушкуйники просто жить не давали миролюбивым труженикам Золотой Орды.

Итак, первыми волжскими казаками стали потомки «хлыновских воров». Естественно, к ним бежали и все те, кого не устраивала жизнь при московских владыках. Но, думаю, что на Волгу посуху бежали единицы, а большинство шло водным путем по Волге, Оке и Каме.

Увы, мы ничего не знаем о том, что происходило на Нижней и Средней Волге. Известно лишь о передвижениях больших орд, а о казаках — ни слова.

Но вот в 1552 г. вместе с Иваном Грозным Казань брали 2500 волжских казаков. Лучший знаток истории XV–XVII веков Руслан Скрынников пишет: «После занятия Казани московские власти уведомили властителей Ногайской Орды князей Юсуфа и Измаила, что намерены пресечь разбойные нападения волжских казаков и обеспечить свободный путь из России в Орду. Посол Н. Бровцын заявил ногайцам: „А которые казаки на Волге гостей ваших грабили и били, и мы тех казаков перед вашими послы велели казнити, а которые вперед учнут на Волге стояти и послам и гостем лихо делать, а мы тех также вели казнить“»[11].

Тут же сказано и о волжских казаках: «В 1556 г. воевода Л. Мансуров бежал от татар в казачью станицу Зимьево. В 1569 г. царский посланник С. Мальцев видел два казачьих городка на Волге „добре блиско“ к Переволоке…

В мае 1572 г. отряд в 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из путешествия в Персию и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть напавших на них людей, но отбить их яростный натиск так и не смогли. Капитан и команда сдали корабль с грузом и были отпущены в Астрахань»[12].

Любопытную деталь я обнаружил в интересной книге саратовских

краеведов В.М. Цыбина и Е.А. Ашанина[13]. На странице 24 они утверждают, что в 80-х годах XVI века царские стрельцы поселились на месте, где в 1590 г. будет основан Саратов, и разгромили «татарское селенье Увек». Но ордынский город Увек, находящийся в данный момент в черте города Саратова, по данным археологов, прекратил свое существование в конце XV века, и больше там никто не селился. Авторы об этом не знали, но зато они хорошо изучили предания волжских казаков. Возникает вопрос, а может, это смещенный в хронологии рассказ о разгроме ушкуйниками Увека в XV веке? В нашем эпосе подобное бывало не раз. Вспомним, как в былинах об Илье Муромце князь Владимир Ясное Солнышко сражается со злыми татарами. Тут смещение на два с половиной века, а в случае с Увеком — всего на век-полтора.

Так, в 1591 г. царю Федору бил челом (то есть написал грамоту) волжский казацкий атаман Болдырь. Он жаловался, что в 1589 г. его отряд (видимо, на стругах) на Волге был побит черкасами. Самого Волдыря держали в плену шесть недель. Но в конце концов ему с товарищами удалось бежать, да еще захватить с собой трех «воров» черкас, которых он сдал воеводе в Переволочне (на Волге). Затем Волдырь и его отряд выполнял функции спецназа — царь послал их из Царицына за воровскими атаманами и казаками Андрюшкой Голощапом с товарищами. Болдырь Голощапа поймал. Затем Волдырь был послан на реку Медведицу за воровскими казаками, поймал четырех человек. Посылали Волдыря из нового города Саратова, и он поймал воровского атамана Щеголева. Волдырь просил государя за службу пожаловать «как его (то есть царя) бог известит». Бог или Годунов известили Федора, что особо много Волдырю давать не следует, и тот был награжден сукном на один рубль денег.

С Волги казаки перешли на Дон. Сделать это было легко: у Переволочны от Волги до Дона всего 70 км, и волок там существовал с незапамятных времен.

Замечу, что я не первый пишу о связи ушкуйников с волжскими и донскими казаками. Так, еще в 1915 г. известный историк казачества Е.П. Савельев писал: «Вот в этих-то местах, согласно памяти народной, выраженной в песне волжско-донской вольницы — „Как пониже-то, братцы, было города Саратова, а повыше-то было города Камышина, протекала Камышинка река…“ — и нужно искать первые становища хлыновцев, бежавших от порабощения московских князей. Торговые караваны давали случай этой вольнице приобретать „зипуны“, а пограничные городки враждебных Москве рязанцев служили местом сбыта добычи, в обмен на которую новгородцы могли получать хлеб и порох…

Казаки-новгородцы на Дону — самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Казаки этого типа высоки на ногах, рослы, с широкой могучей грудью, белым лицом, большим, прямым хрящеватым носом, с круглым и малым подбородком, с круглой головой и высоким лбом. Волосы на голове от темно-русых до черных; на усах и бороде светлее, волнистые. Казаки этого типа идут в гвардию и артиллерию.

Говор современных новгородцев, в особенности коренных древних поселений, во многом сходен с донским, жителей 1-го и 2-го Донских округов… Новгородцы лучше, чем москвичи, знали древние сказания о начале Руси и ее славных витязях-богатырях. Язык их деловых бумаг, как и старых донских казаков, чище московского и отличается от последнего как чистотой, так и образностью выражений»[14].

Следует заметить, что зачастую невозможно отличить волжских от донских и даже от запорожских казаков. Они совершали походы в одни те же области и могли подолгу жить у другой ветви казаков.

Характерный пример. В 1580 г. запорожские казаки ходили походами не только на Черное море, но и на Волгу и Каспий. К сожалению, об этих походах осталось крайне мало данных. Так, в 1580 г. хан Большой Ногайской Орды Урус жаловался Ивану Грозному на нападения казаков на ногайцев на Нижней Волге. Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев с товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят. И литовский король с вами ссорити. И мы велели послати из Астрахани на Дон. И на Волгу тех воров сыскивати. А сыскав, велели их казнити».[15].

Поскольку ни хан, ни сам царь точно не знали, чьи казаки Федьки Безстужева, Иван счел за лучшее «повесить» разбой на «литовских», то есть запорожских казаков.

И действительно, в конце XVI — начале XVII веков разбои на Волге периодически приводили к параличу торговли на целые навигации. Недаром среди казаков ходила поговорка: «На Волге быть — ворами слыть!».

В 1572 г. отряд волжских казаков разгромил город Сарайчик на реке Яик (переименованной Екатериной II в Урал) — столицу Ногайской Орды. В 1577 г. отряд стрельцов под началом стольника Мурашкина разгромил «воровское гнездо» волжских казаков. Часть казаков вместе с атаманом Ермаком Тимофеевичем подалась к купцам Строгановым, другие с атаманом Андреем двинулись на Терек, а третьи под началом атамана

Нечая вновь разгромили Сарайчик.

В 1585 г. атаман Матвей Мещеряк вывел 700 казаков на реку Яик в район устья реки Илек и на острове Кош-Яик построил городок. Так возникло яицкое казачество.

Пока речь шла о казаках, селившихся на берегах больших рек — Днепра, Волги, Дона и Яика. Но в XV–XVII веках существовали и казаки, не связанные с реками. Первое упоминание о таких казаках относится к 1444 г., когда рязанские казаки вырезали татарский отряд султана Мустафы.

Рязанские, а затем и московские князья на своих южных границах для защиты от нападений татар основывают укрепленные линии, узлами которых становятся небольшие крепости (городки). В них, наряду с детьми боярскими (одна из категорий дворян) и стрельцами, несли службу так называемые городовые (городские) казаки. Городовые казаки подчинялись своим атаманам, а те — воеводам городков.

Следует заметить, что в городках дети боярские сближались с казаками, а то и часто переходили в казаки. Важно отметить, что к 1603 г. служба в пограничных с Литвой и Диким полем городках стала подлинной мукой для посылаемых туда княжеских и дворянских детей.

У каждого княжича или сына боярина (не путать с детьми боярскими), посылаемого на городовую службу, было лишь два варианта. Или он прослужит несколько месяцев, максимум пару лет, там сотником, а затем будет вызван в Москву, где получит чин стольника и должность при дворе, ну, в крайнем случае, воеводы в малом городишке. Для таких городовая служба была лишь первой ступенькой в карьере. Большинство же оседало в городках, а в Москве царь забывал о них или чаще всего не желал слушать просьб их родни.

Шансов выслужиться и перевестись из городка практически не было. В итоге сотник или погибал в бою, или умирал в захолустье. Его сын в лучшем случае мог стать сотником, а чаще всего переходил в дети боярские или казаки, а затем — в однодворцы[16], то есть в крестьяне, не находившиеся в крепостной зависимости.

В первой половине XIX века историки отметили несколько курьезных случаев в Тульской, Тамбовской и Харьковской губерниях. Провинился чем-то мужик-однодворец, и начальство решило его немного посечь. Оголили мужику филейную часть, розги мочат, а тут бежит с воплем жена однодворца и бумажками какими-то машет. Поглядел исправник — а это грамота древняя, согласно которой оный однодворец — потомок князя Рюриковича или Гедиминовича. Делать нечего, велят однодворцу штаны без порки натягивать.

Городовых казаков конца XVI — начала XVII веков не следует путать с Городецкими казаками. Тут совсем другая история.

7 июля 1445 г. в битве у Суздаля московский князь Василий II был наголову разбит двумя татарскими царевичами — сыновьями хана Улу-Мухаммеда. Сам Василий попал в плен и со страху пообещал татарам за свое освобождение огромный выкуп и владение несколькими русскими городами. Обрадованные татары отпустили князя. Однако часто города вообще не были переданы татарам, из каких-то городов татар удалось позже изгнать, и в результате лишь Мещерский городок на Оке стал наследственным владением хана Касима, сына Улу-Мухаммеда.

Любопытно, что московские владыки платили дань касимовским ханам. Нет, я не шучу! Вот, к примеру, завещание Ивана III (умер 27 октября 1505 г.): «В ордынские выходы: в Крым, Казань, Астрахань, Царевичев городок (Касимов), для других царей и царевичей, которые будут в Московской земле, на послов татарских назначена тысяча рублей в год: из этой суммы 717 рублей платит великий князь, остальное доплачивают удельные»[17].

Выходит — это дань. Таким образом, через 25 лет после освобождения от ига Русь платила дань Крыму, Казани, Астрахани и Царевичему городку (Касимову)! Риторический вопрос: если это не дань, а жалованье касимовского правителя, то тогда и казанские, и крымские ханы должны были состоять на службе московского князя.

Следует заметить, что в XVI — начале XVII веков как в быту, так и в официальных документах Мещерский городок назывался то Касимовым, то просто Городком.

И вот в начале XVI века большую активность проявляют Городецкие казаки (по другим документам «мещерские казаки»). Первое упоминание о городецких казаках относится к 1491 году. Это были касимовские татары, в числе которых, возможно, имелись и этнические русские. Так, в конце 30-х годов XVI века ногайский хан Шийдяк упрекал Ивана IV за набеги и просил унять «мещерских казаков».

История городецких казаков еще ждет своих исследователей. А для нас они интересны не сами по себе, а как активные действующие лица Смутного времени. Любопытный момент: 20 марта 1600 г. царь Борис Федорович «пожаловал Царевича казачые Орды Бурмамета (Урус-Мухаммеда) посадил его на царство Касимовское и даде ему град Касимов с волостьми и со всеми доходы»[18].

Глава 2. Вооружение и нравы вольного казачества

Прежде чем говорить о боевых действиях казаков, надо сказать хотя бы вкратце об их вооружении. Естественно, первоначальная ассоциация значительной части читателей, что вооружение у казака — вострая сабля да длинная пика.

Действительно, казак без сабли — это не казак. Казацкие сабли в начале XVII века употреблялись не особенно кривые и не особенно длинные, средней длины пять четвертей, но зато очень острые: «…как рубнет кого, то так надвое и рассечет, — одна половина головы сюда, а другая туда». Лезвия сабель вкладывались в деревянные обшитые кожей или обложенные металлом пихвы (от слова «пихать») или ножны, часто украшенные на конце рукоятки каким-либо вырезанным из дерева зверем или птицей. А сами лезвия украшали золотые насечки.

Сабли носились у левого бока и привязывались узеньким ремнем под пояс посредством двух колец, одного вверху, другого ниже средины. Сабля столь необходима была для казаков, что в песнях запорожцев она называется всегда «шаблей-сестрицей, ненькою-ридненькой, панночкою молоденькою».

Ой, панночка наша шаблюка!
З бусурменом зустривалась,
Не раз, не два цилувалась.

Как истинные «лыцари», казаки саблю предпочитали любому другому оружию, особенно пуле, и называли ее «честным оружием». Келепа, или боевые молотки, чеканы — ручное оружие, состоявшее из деревянной, длиной в аршин (около 71 см) ручки с железным молотком на верхнем конце, имевшем с одной стороны тупой обушок, а с другой — острый нос.

А козак козачий обычай знае —
Келепом по ребрах торкае.

Копья, они же списы (позднее — пики), они же ратища, делались из

тонкого и легкого древка длиной в пять аршин и окрашивались спирально красной и черной краской. Копья имели на верхнем конце железный наконечник и на нижнем — две небольшие, одна ниже другой, дырочки для ременной петли, надеваемой на ногу. На некоторых древках копий делалась еще железная пластинка для того, чтобы проткнутый копьем враг сгоряча не просунулся по копью до самых рук казака и не схватился бы снова драться с ним, так как были случаи, когда противнику и живот распорют, а у него кровь не брызнет, он даже не слышит и продолжает лезть в драку. Некоторые копья делались с остриями на обоих концах, которыми можно было и сюда класть врагов и туда класть. Иной раз у казаков копья служили во время переходов через болота вместо мостов: когда дойдут они до топкого места, то кладут один за другим два ряда копий — в каждом ряду копье и вдоль и поперек, и по ним и переходят. Когда пройдут через один ряд, то сейчас же станут на другом, а первый снимут и из него поместят третий. Да так все и переберутся.

Понятно, что в экипировку казака входил нож (самой разнообразной конструкции), или ятаган, или кинжал.

Для борьбы с вражеской конницей казаки использовали якирьци (якорьки), они же рогульки. Это оружие внешне было похоже на уменьшенный противотанковый еж времен Второй мировой войны. Якирец состоял из четырех толстых железных гвоздей, к концу сильно заостренных и соединенных в центре. Якирьцы делались из продолговатого куска железа, до самой середины расщепленного на три части, и потом отдельно ручным способом выкованного.

Троицкие монахи во время осады монастыря казаками в 1608 г. называли якирьци железным (или троицким) чесноком.

Назначение рогулек — ранить копыта лошадей. Их разбрасывали на пути движения вражеской конницы: «…как не положить его, а все рожок якирьци будет торчать вверх и непременно вонзится в копыто лошади».

Луки и стрелы издавна служили казакам, а позже, до самого конца XVII века, состояли на вооружении казачества наряду с огнестрельным оружием.

Говоря о любви к «честному оружию», то есть к сабле, казаки малость лукавили. На самом деле и запорожцы, и донцы, и волжские казаки большое внимание отводили «огненному бою». И, как ни странно звучит, но по огневой мощи вольные казаки, особенно запорожцы, в большинстве случаев превосходили московское дворянское войско или польскую шляхту.

Подобный парадокс определялся тем, что запорожцев, донцов и волжских казаков с некоторым основанием можно назвать морской пехотой

XVII века. Подсчитать соотношение судовых и конных походов казаков с середины XVI века по середину XVII века (без Смутного времени) практически невозможно, но не менее половины походов были судовыми.

При встрече с вражескими судами казаки, естественно, стремились пойти на абордаж Но если предварительно не подавить огонь противника, то потери казаков будут крайне велики. А что делать, когда за казаками на Волге гонялись царские струги, а на Черном море — турецкие галеры? Опять же, надо чем-то отстреливаться.

Казацкие суда тяжелых пушек не выдерживали из-за их большого веса, а главное, сильной отдачи при выстреле. Это сейчас в Музее Запорожской Сечи на острове Хортица выложены 8—12-фунтовые чугунные пушки весом 800—1200 кг. Гиды с важным видом утверждают, что это-де подлинные пушки запорожцев XVII века, поднятые из воды недалеко от острова. Святая правда! Действительно, пушки найдены у Хортицы, но принадлежали они русским судам флотилии Миниха 1736–1737 гг.

Казакам же из-за размеров своих судов приходилось довольствоваться длинными тяжелыми мушкетами (пищалями) и малой артиллерией — пушками и фальконетами калибра 0,5–3 фунта и легкими мортирами калибра до 4—12 фунтов. Кроме того, на вооружении казацких судов были медные, железные кованые и чугунные пушки, а также медные и чугунные мортиры.

Каждый состоятельный казак брал с собой в судовой поход одну саблю и две пищали.

Практически все казаки были великолепными стрелками. Кроме того, они старались добывать дорогие и точные пищали, или мушкеты. Ведь качество выделки гладкоствольного оружия существенно влияет на точность и дальность стрельбы. Поэтому казаки могли вести эффективный огонь из ружей в два и более раз дальше, чем польская, шведская и русская регулярная пехота, снабженная ружьями серийного производства.

Меткость стрельбы казаков и качество их пищалей подтверждает эпизод в 1709 г., когда делегация запорожцев приехала к королю Карлу XII под Полтаву. Группа казаков во главе с кошевым Гордиенко в сопровождении шведов проходила в нескольких сотнях метров от полтавского вала. Оттуда полетели русские ядра. Кошевой в ответ приказал сотне казаков приблизиться к городу. «Сотня казаков приблизилась на расстояние 500 шагов и выстрелила в москалей. Выстрел этот оказался столь метким, что 40 человек русских солдат свалились замертво. В это же время один из запорожцев, заметив на башне русского офицера в мундире с галунами, пустил в него один выстрел и тем выстрелом свалил замертво

несчастного офицера»[19].

В ходе судового боя ручные пищали, а также небольшие пушки и мортиры казаков наносили серьезный урон командам вражеских кораблей. Понятно, что казаки попытались использовать это оружие и на суше.

В конный поход состоятельный казак брал две-три запасные пищали, которые перевозились на конных вьюках или в конных повозках. Аналогично перевозились мортирки (при этом деревянные поддоны их отделялись), а также легкие пушки и фальконеты на вертлюжных установках.

Пушки на колесных лафетах казаки в первой половине XVII века возили с собой и использовали в полевых боях крайне редко. При осаде же крепостей казаки обычно пользовались осадными орудиями, как захваченными в боях, так и переданными союзниками.

В конном бою казаки применяли пистолеты и легкие мушкеты (пищали). Но вот казаки занимают оборону и быстро строят табор (вагенбург), состоящий из нескольких десятков, а то и сотен повозок Повозки соединялись веревками или цепями — получалась эдакая деревянная крепость. На повозках легко монтировались вертлюжные установки малых пушек или Фальконетов, ну а мортиры ставились за возами. Те же повозки служили упором для тяжелых пищалей казаков.

Взять табор с налета практически невозможно — противника встретит шквал ружейного и артиллерийского огня.

Замечу, что повозка с вертлюжной установкой могла стрелять даже в движении, так как величина отдачи ее при выстреле была невелика. В чем-то такая система была прообразом кавалерийской тачанки.

Есть упоминание, что у казаков имелись и многоствольные, в конкретном случае семиствольные пищали. Их стволы крепились на досках, а те устанавливались на телегах или земляных укреплениях.

Московские ратники и польские шляхтичи широко применяли «малую артиллерию» при обороне и осаде крепостей, но в полевых сражениях ее использовали редко.

Казацкое изобретение — малая артиллерия в полевой войне — изжило себя лишь во второй половине XVIII века с введением эффективных шрапнельных выстрелов и конной артиллерии.

Нравы казаков — тема обширного исследования. Здесь же я остановлюсь лишь на основных проблемах вольного казачества.

К началу XVII века считалось, что настоящий казак должен быть неженатым. А запорожцы, так вообще «уси женок не имели». Это и правда, и неправда. В саму Сечь действительно нельзя было приводить женщин

под страхом смертной казни. Но зато вокруг Сечи в паланках (хуторах) жили тысячи сидней (гнездюков), то есть женатых казаков. Сидни имели несколько худший статус, чем сечевые казаки, но наряду с ними регулярно ходили в походы.

Мало того, в паланках, пасеках и т. п. вблизи Сечи у зажиточных сечевых казаков жили любовницы, а то и законные жены. Сечь была местом службы, а пасека — местом отдыха и развлечений.

На Дону к этому времени имелось довольно много женатых казаков, не менее 20–30 процентов. Однако венчание их происходило в большинстве случаев не в церкви, а «вокруг ракитового куста».

Данных по волжским казакам нет, но, думаю, что процент женатых у них был не меньше, чем у донцов.

Главным источником пополнения казачьих рядов был приход добровольцев. Большинство их были уроженцами Малороссии и Великороссии. Но среди казаков встречались и поляки, болгары, волохи, татары, турки, евреи, немцы, французы и т. д. В Сечи и на Дону брали людей всех национальностей, но при выполнении следующих условий: быть вольным и неженатым человеком, говорить по-русски и исповедовать православие.

В ряде источников говорится об испытаниях, которые проходили добровольцы, прежде чем стать полноправными казаками. Иногда подобные случаи имели место, но в целом казакам крайне были необходимы рекруты, и они брали всех подряд. Естественно, что хилые и больные люди в казаки не подавались. Некоторые же виды испытаний представляют собой плод неуемного воображения беллетристов и историков. Так, к примеру, многие пишут, что кандидату в запорожцы нужно было на челне пройти все пороги. Это было невозможно по двум причинам. Во-первых, процесс длительный, и казаки не стали бы тратить время на подобные забавы, ну а во-вторых, в определенное время года пройти через пороги мог любой хлопец или даже дивчина, а в иное время сей трюк стал бы смертельным и для опытного казака.

Прошлое кандидата в казаки тоже не играло никакой роли, ему всегда верили на слово. Требования русских и польских властей выдать преступника, приговоренного к смерти, но бежавшего в казаки, успеха не имели.

В XIX веке ряд наших историков и публицистов, близких к народничеству, объявили запорожских и донских казаков «природными социалистами». Естественно, что в 20—30-е годы XX века эту теорию вовсю подхватили советские историки. На самом деле идеи равенства,

товарищества среди «лыцарей» уживались с довольно существенным имущественным неравенством.

Формально вся власть в войске принадлежала общему собранию казаков — Кругу у донцов или Раде у запорожцев. Но в большинстве случаев все решали казачий старшина и войсковые писари.

На Дону уже в конце XVI века появляется большая прослойка голытьбы (голутвенных казаков). Их противостояние с зажиточными казаками на Дону зачастую переходило в кровавые распри, вспомним времена Стеньки Разина и Кондрата Булавина.

О Сечи, где вроде бы царило полное равенство «лыцарей», Яворницкий писал: «Как велико было у запорожских казаков количество лошадей, видно из того, что некоторые из них имели по 700 голов и более… Однажды кошевой атаман Петр Калнишевский продал разом до 14 000 голов лошадей, а у полковника Афанасия Колпака татары, при набеге, увели до 7000 коней…

…В одинаковой мере с коневодством и скотоводством развито было у запорожских казаков и овцеводство: у иного казака было до 4000 даже по 5000 голов овец: „рогатый скот и овцы довольно крупен содержат; шерсти с них снимают один раз и продают в Польшу“»[20].

Может ли один человек без жены и детей, пусть даже не занятый регулярными походами и беспробудным пьянством, обслуживать 700 лошадей или 5000 овец? Понятно, что нет. Кстати, и Яворницкий пишет: «…овечьи стада назывались у запорожеских казаков отарами, а пастухи — чабанами, — названия усвоены от татар; чабаны, одетые в сорочки, пропитанные салом, в шаровары, сделанные из телячьей кожи, обутые в постолы из свиной шкуры и опоясанные поясом, с „гаманом“ через плечо, со швайкой и ложечником при боку, зиму и лето тащили за собой так называемые коши, т. е. деревянные, на двух колесах, котыги, снаружи покрытые войлоком, внутри снабженные „кабицей“: в них чабаны прятали свое продовольствие, хранили воду, варили пищу и укрывались от дурной погоды»[21].

Увы, в трех томах «Истории запорожских казаков» Яворницкого (всего 1671 страница!) не говорится о социальном статусе «чабанов». То, что они не казаки, ясно из текста. А тогда кто? Тут может быть только два варианта: или рабы, или крепостные, принадлежавшие, скорей всего, богатым сечевикам, а в отдельных случаях — работавшие на все Запорожское войско.

Весьма экзотической была казачья Фемида. Главными преступлениями

казаки считали убийство, воровство, неплатеж денег, взятых взаймы, слишком завышенную цену на товары или вино — вопреки установленной цены, а также гомосексуализм или скотоложство.

Но вернемся к казачьей Фемиде. «Убийцу живого кладут в один гроб вместе с убитым и зарывают в землю; освобождается от такой казни разве весьма уважаемый казак, — его всенародно избавляют от смерти и наказывают большим штрафом. За воровство привязывают к столбу, на площади, где держат до тех пор, пока укравший не заплатить всего украденного; непременно трое суток продержат его на столбе даже и в том случае, если он скоро заплатить за все украденное, а попадавшегося несколько раз в воровстве или вешают, или убивают до смерти. Наказание привязывания к столбу увеличивается потому, что всякий проходящий имеет право не только бранить, но и бить привязанного, сколько кому вздумается. Иногда при этом выходит такая история. Несколько пьяниц, проходя мимо столба, пристанут к привязанному и станут угощать его горилкою; когда же тот не захочет пить, они приговаривают: „Пый, скурвый сыну, злодею! Як не будешь пыть, будем скурвого сына быть“. Как скоро тот напьется, пьяницы скажут ему: „Дай же мы, брате, трохи тебе побьем“, и хотя тот просит у них милости, пьяницы, не обращая внимания на его просьбу и мольбу, говорят: „А за щож, скурвый сыну, мы тебя поили? Як тебе треба поить, то треба и быть“, и часто случается, что привязанный к столбу умирает чрез сутки. — Участвующий в воровстве и скрывающий украденное подвергаются одинаковой участи с вором. Не желающего уплачивать взятого в долг — взаймы — приковывали к пушке и держали до тех пор, пока не выплатит займа. — За самую тягчайшую вину считается мужеложство и скотоложство; впадшего в какое-нибудь из этих преступлений привязывают к столбу и убивают до смерти, а имущество и богатство его берут на войско»[22].

Что же касается донцов, то они, как и запорожцы, за особые грехи любили сажать людей на кол, но чаще всего действовали упрощенно: запихивали в куль — и в воду.

За воровство рыболовных снастей в прорубях на Дону вора раздевали догола. Затем его обливали водой и отпускали. Добежит до ближайшего жилья — повезло, не добежит — такова божья воля.

Как видим, и по вооружению, и по нравам ветви вольных казаков были достаточно близки, хотя имелось и много различий в силу специфики их места обитания и окружения.

Основным способом производства вольного казачества была война. Захваченные за один поход деньги, драгоценности, скот и другие товары, а

также работорговля и выкупы за знатных пленников в несколько раз превышали по стоимости то, что могли им дать двадцать лет хлебопашества в Великой или Малой России. Кроме того, если казачий поход соответствовал текущим интересам Московского государства или Речи Посполитой, то те выплачивали запорожским или донским казакам жалованье деньгами, порохом, свинцом и хлебом.

Забегая вперед, скажу, что «литвин Свирский», приехавший на Дон из Самбора поднимать казаков против царя Бориса именем Лжедмитрия I, прибыл не с пустыми руками. А вот сколько «подъемных» выделили донцам ясновельможные паны Мнишек и Ко, мы, к сожалению, никогда не узнаем.

Обычно казаки совершали походы по всей акватории Черного моря, несколько реже ходили на Каспий, ну а на Волге-матушке разбои не переводились со времен походов руссов (норманно-славян) в VIII–IX веках.

Казаки в начале XVII века не занимались хлебопашеством ни на Дону, ни в запорожских плавнях, и тем более на Волге. Поэтому казаки крайне зависели от хлебного жалованья, которое им поставляли польские короли и русские цари. Ну а недостающая часть хлеба поступала от купцов.

Важной статьей экспорта казаков была соль. Кстати, с XV по XVIII век постоянно происходили стычки донцов и запорожцев из-за соляных озер в Северном Причерноморье.

Великолепные рыбные и охотничьи места на Дону и Днепре предоставила казакам матушка-природа. В XVII веке, по словам Боплана[23], в реках и озерах Запорожского края (Пселское и Воскальское, Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др.) водилось множество рыбы и раков. Так, в Орели в одну тоню[24] рыбаки вытаскивали по две тысячи рыб, каждая размером не меньше фута. В Самоткани и смежных с ней озерах водилось такое количество рыбы, что она «от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана казаками святою рекою; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем божьим на земле, а всю землю около реки — землей „дуже гарною, кветнучею и изобилующею“, самый город Самарь — „истинно новым и богатым Иерусалимом“»[25].

116-летний старик Иван Росольда рассказывал в середине XIX века: «Пойдешь косить, косою травы не отвернешь, погонишь пасть лошадей, за

травой и не увидишь их; загонишь волов в траву, — только рога мреют. Выпадет-ли снег, настанет-ли зима, никакой нужды нет: хоть какой будет снег, а травы надолго не закроет. Пустишь себе коней, коров, овец, то они так пустопаш и пасутся, только около отар и ходили чабанцы; а как загонишь и увидишь; зато уже тогда около них работы — тирсу выбирать, которая поналезет им в волну!.. А что уж меж той травой да разных ягод, то и говорить нечего: вот это бывало как выйдешь в степь, да как разгонишь траву, то так и бери руками клубнику. Этой поганги, что теперь поразвилась, овражков да гусеницы, тогда и слышно не было. Вот какие травы были! А пчелы той? А меду? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурлюгах — так и стоит в липовых кадках: сколько хочешь, столько и бери, — больше всего от диких пчел: дикая пчела везде сидит, и на камышах, и на вербах: где буркун — в буркуне, где трава — в траве; за ней и прохода не было: вырубывают, бывало, дупла, где она сидит. А леса того? Бузины, сведины, вербы, дуба, груш — множество. Груш, как понападает с веток, так хоть бери грабли да горни в валки: так и лежат на солнце, пока не попекутся…

А что уже птицы было, так Боже великий! Уток, лебедей, дрохв, хохотвы, диких гусей, диких голубей, лелек, журавлей, тетерок, куропаток — так хо-хо-хо! Да все плодющие такие!

Одна куропатка выводила штук двадцать пять птенцов в месяц, а журавли, как понаведут детей, то только ходят да крюкают. Стрепетов сельцами ловили, дрохв волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били…

Теперь нет и того множества рыбы, что была когда-то. Вот эта рыба, что теперь ловят, так и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы да осетры за все отвечали; в одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало»[26].

Глава 3. Заводчики Смуты

Переходя непосредственно к событиям Смутного времени, я повторю, что уже сказал об истории казачества, — мы знаем о Смуте слишком много и слишком мало. Советская мифология громоздилась на мифах XIX века, а сейчас «в муках» рождается новая мифология. Согласно последней версии, Смута в Московском государстве произошла из-за «смуты в умах» людей. Польско-литовское вторжение отходит на второй план, подвиг Кузьмы Минина и князя Пожарского — тоже. А вот, мол, собрались русские люди в конце 1612 г. на Собор, примирились между собой, и оная Смута сама собой рассосалась.

Нет нужды объяснять, для каких политических целей и для каких политических партий создается эта «наивная» версия, даже не соответствующая временным рамкам Смутного времени. Ведь Смута началась в октябре 1604 г. вторжением польских войск Лжедмитрия I, а закончилась не в конце 1612 г., а в декабре 1618 г. подписанием Деулинского перемирия с поляками. Да и масштаб боевых действий в последние шесть лет Смуты, то есть в 1613–1618 гг., и районы, ими затронутые, были куда больше, чем в первые шесть лет Смуты (1604–1609 гг.).

Объем работы не позволяет мне останавливаться на событиях Смутного времени, непосредственно не связанных с действиями казаков. Но понять роль казачества без объяснения узловых моментов Смуты, особенно замалчиваемых «служивыми историками», невозможно.

Итак, 15 мая 1591 г. в Угличе погиб царевич Димитрий, сын Ивана Грозного от седьмой жены — Марии Нагой, то есть незаконный сын с точки зрения канонов православной церкви. С вероятностью 99 процентов царевич в приступе эпилепсии закололся, играя с ножом в «тычку».

Увы, примитивная версия убийства Димитрия по приказу Бориса Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский «Борис Годунов», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А.К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца — тема, щекочущая нервы обывателя.

Лучшим доказательством самоубийства Димитрия служит поведение семейства Нагих, по приказу которых были перебиты все предполагаемые участники убийства. Понятно, что в интересах Нагих их следовало пытать

и узнать все обстоятельства убийства. Единственное разумное объяснение — или сами Нагие хотели спрятать концы в воду, или царевич сам закололся.

Версия подмены царевича не выдерживает никакой критики. Смерть наступила днем, тело видели сотни жителей Углича, прекрасно знавших Димитрия в лицо. А затем был внимательный осмотр тела компетентной комиссией из Москвы. Есть и чисто медицинское доказательство. Царевич страдал «падучей болезнью» — эпилепсией. Этот факт не оспаривается никем. Но эпилепсия неизлечима и не проходит сама собой. Между тем никто из будущих самозванцев не страдал этой болезнью и даже не пытался симулировать эпилептические припадки. Это понимали и современники. По прибытии самозванца в Польшу канцлер Ян Замойский на заседании сейма сравнил версию подмены с «Плавтовой комедией».

Отбросив версию о подмене, надо назвать и имя первого самозванца. Это был Юрий Отрепьев. Отрепьевы считались захудалым дворянским родом, пошедшим от приехавшего в Москву польского шляхтича Владислава Нелидова (Неледзевского). Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Один из представителей рода Нелидовых Данила Борисович в 1497 г. получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию. Согласно «Тысячной книге» 1550 года, на царской службе состояли пять Отрепьевых.

Отец Юрия Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юшка остался сиротой, воспитала его мать.

Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Выбор Юшки не был случайным — детство он провел в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в десяти верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке.

6 января 1598 г. умер Федор Иоаннович — последний царь из рода московских князей. Никаких иных родственников у него не было. Дело в том, что московские правители Иван III, Василий III и Иван Грозный, действуя в стиле татарских ханов, старательно вырезали всех без исключения своих родственников мужского пола, а женщин в виде особой милости иногда оставляли в живых и отправляли в монастырь.

С 862 г. на Руси правили исключительно князья — потомки Рюрика[27]. Ни один боярин или воевода, пусть даже женатый на дочери князя

Рюриковича, ни разу не садился на княжеский стол.

И в 1598 г., согласно 700-летнему русскому порядку, на престол должен был сесть князь Василий Иванович Шуйский, старший в роде князей Шуйских, имевших, в свою очередь, старшинство среди других ветвей Рюриковичей.

Однако к власти рвались и еще два рода — Годуновы и Романовы. То, что Годуновы вели свое происхождение от татарского князя Чета, приехавшего в Москву в 1330 г., являлось не недостатком, а достоинством. Ведь по легенде, Чет был Чингисидом (потомком Чингисхана), а Чингисиды в былые времена стояли выше Рюриковичей. Другой вопрос, что сведения о Чете были слишком неопределенны.

Основных же аргументов в пользу Бориса Годунова четыре:

— во-первых, его родная сестра Ирина была замужем за Федором Иоанновичем;

— во-вторых, в царствование Федора страной фактически правил Борис Годунов;

— в-третьих, именно Годунов ввел в России патриаршество, и патриарх Иов был до конца предан ему;

— и, наконец, в-четвертых, командирами всех московских стрелецких полков Годунов поставил своих людей.

Что же касается бояр Романовых, то они были до неприличия неродовиты. Их официальным прародителем считался Андрей Кобыла — дружинник московского князя Симеона Гордого. В летописи Кобыла упомянут всего один раз: в 1346 г. он был в эскорте невесты Симеона. И всё! Тем не менее в XIX веке свыше пятидесяти аристократических семейств претендовали на происхождение от оного Кобылы. Разумеется, у всех, включая Романовых, каких-либо документальных доказательств этого родства не имелось.

Зато Романовы (Кошкины, Захарьины) были всегда рядом с московскими князьями, хотя и на вторых ролях. За ними не числилось ни блестящих побед, ни громких опал. Они отличились лишь тем, что в ходе каждого поворотного момента русской истории отхватывали огромный куш. Так, Романовы сказочно обогатились на гражданской войне в XV веке, на разгроме Новгорода Иваном III в конце XV века, на опричнине Ивана Грозного.

Позже апологеты Романовых сделают их наследниками и ближайшими родственниками династии Калиты только потому, что Анастасия Романова была первой женой Ивана Грозного. Анастасия умерла в 1560 г., и о ней к 1600 г. практически все забыли, благо жен у столь благочестивого царя

было семь. Федору Никитичу Романову Анастасия приходилась теткой, а его сыну Михаилу — двоюродной бабкой. Но дело даже не в этом. Московские властители брали себе в жены дворянских дочерей, но это не делало их родственников равными Рюриковичам или Гедиминовичам. Они могли получить лишь чины до боярина включительно, но не наследственный титул князя. Тот же род Чета (Годуновы и Сабуровы) поставил дому Калиты двух цариц (Соломонию, жену Василия III, и Ирину, жену Федора Иоанновича) и одну царевну (Александру, жену царевича Ивана Ивановича, убитого Грозным).

Но, увы, в те времена происхождение было важнее богатства. А всего выше были «большие батальоны», как говорил генерал Бонапарт. В итоге царем стал Борис Годунов.

Богатый и плодовитый клан Романовых затаился. В сентябре 1598 г. царь Борис пожаловал боярство Александру Никитичу Романову, а также романовской родне Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и князю Василию Казы Кардануковичу Черкасскому. Формально Романовым не на что было жаловаться, и мирное сосуществование Романовых и Годуновых длилось до 1600 г.

В конце 1599 г. — начале 1600 г. Царь Борис Годунов тяжело заболел. К осени 1600 г. состояние здоровья царя настолько ухудшилось, что он не мог принимать иностранных послов и даже самостоятельно передвигаться — в церковь его носили на носилках.

Братья Романовы решили, что настал их час, и начали подготовку к перевороту. Из многочисленных романовских вотчин в Москву стали прибывать дворяне и боевые холопы. Несколько сот вооруженных людей сосредоточилось на Варварке в усадьбе Федора Никитича. Среди них был и молодой дворянин Юрий Богданович Отрепьев.

Однако Борис Годунов не дремал. По приказу царя в ночь на 26 октября 1600 г. несколько сот стрельцов начали штурм усадьбы на Варварке. Несколько десятков сторонников Романовых были убиты при штурме, а многие казнены без суда и следствия.

Обвинять Романовых в организации государственного переворота Годунову было нецелесообразно, поскольку это произвело бы невыгодное для новой династии впечатление как внутри страны, так и за границей. Поэтому Романовым было поставлено в вину колдовство. Братья Никитичи были отданы на суд Боярской думы. Титулованная знать — Рюриковичи и Гедиминовичи — ненавидели безродных выскочек, как Годуновых, так и Романовых. Надо ли говорить, что сочувствия в думе Романовы не нашли.

Колдовские процессы над знатью в Западной Европе обычно

кончались кострами, и лишь в единичных случаях плахами и виселицами. Однако Годунов поступил с Романовыми относительно мягко. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев-Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов. Ее мать сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича — в Пермь, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского — на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

В царствование Михаила пребывание Романовых в ссылке стало обрастать сказочными подробностями. На Руси всегда любили дураков и мучеников. Поэтому официальная пропаганда тиражировала душераздирающие подробности мучений опальных Романовых. На самом деле условия, в которых содержались Романовы, были более сносными, чем для остальных ссыльных. Тем не менее Василий и Иван Никитичи умерли в ссылке[28].

К лету 1602 г. здоровье царя Бориса Годунова улучшилось, и все ссыльные Романовы и их свояки были возвращены, причем многие получили назначения на государеву службу. Остался в монастыре лишь заводчик всего дела Федор Никитич, теперь уже монах Филарет.

Однако обиженные опальные во главе с честолюбивым Федором Никитичем не только не унялись, но и плели паутину нового заговора.

Как уже говорилось, Юрий Отрепьев активно участвовал в бою с царскими стрельцами, защищая усадьбу Романовых. Ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно о его пребывании в суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре и монастыре Иоанна Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории московского Кремля, и поступление в него обычно сопровождалось крупными денежными вкладами.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятни (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье Замятни он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было — не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное, как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

Итак, версию о том, что до самозванства Отрепьев дошел сам, я вынужден отбросить как абсурдную. Отсюда единственный вариант — инока Григория наставили на «путь истинный» в Чудовом монастыре. Кремлевский Чудов монастырь давно был источником различных политических интриг. Там приняли постриг многие представители знати, и не всегда по доброй воле. Само расположение монастыря под окнами царских теремов и государственных приказов делало неизбежным вмешательство монахов в большую политику. Царь Иван Грозный желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Значительная часть монахов была настроена оппозиционно к царю и патриарху.

К сожалению, наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере виноват Пушкин, точнее, не Пушкин, а царская цензура. Как у Александра Сергеевича решается основной вопрос драмы — решение монаха Григория стать самозванцем? Вот сцена «Келья в Чудовом монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Дмитрия. И всё… Следующая сцена — «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Дмитрием.

Можно ли поверить, что восемнадцатилетний мальчишка, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое? И дело совсем не в неизбежности наказания — дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом — Гришка стал первым в истории России

самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVII века не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 г. эту тему никто не поднимал. А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то, не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка.

Но начнем по порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 г. К концу декабря — началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее — не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 г. Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». Позвольте, возмутится внимательный читатель, какая еще «Ограда монастырская», да нет такой сцены в пьесе. Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения на 3–5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации смуты, но поднимала опасный вопрос — кто еще стоял за спиной самозванца. Поэтому Жуковский, готовивший в 1830 г. первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 г. в немецком журнале, издававшемся в Дерпте.

На поиски «злого чернеца» автор потратил более 5 лет. Им оказался сам архимандрит Чудова монастыря Пафнутий.

Очень странно, что все наши историки прошли мимо ключевой фигуры Смутного времени. А церковные власти сделали все, чтобы вычеркнуть имя «злого инока» Пафнутия из церковной и светской истории. Так, в огромном труде «История русской церкви», написанном митрополитом Макарием, в VI томе, посвященном Смутному времени, о Пафнутии упоминается вскользь всего два раза в двух строчках. Причем последний раз сказано с явной злобой: «…как и когда он умер и где погребен, неизвестно».

Найти сведения о Пафнутии удалось в житиях святых Никодима,

Адриана и Ферапонта Монзенского.

Итак, вернемся в 1593 г. Жили-были в Троицком Павло-Обнорском монастыре два приятеля-инока Адриан и Пафнутий. Им явился, каждому отдельно, во сне неизвестный инок и повелел основать обитель, в которой настоятелем должен стать старец Адриан, на берегу лесистой реки Монзы, при впадении ее в Кострому. Причем явившийся прибавил, что место это будет указано чудом и на нем явится святой. Так и случилось: когда там воздвигли часовню, то в ней получили исцеление два отрока. А отцы их рассказали, что каждому из них явился во сне неизвестный инок и сказал, что сын его будет исцелен в обители старца Адриана. В это время старец Пафнутий был назначен настоятелем Чудова монастыря в Москве.

Создается впечатление, что текст жития подвергся основательной цензуре. Зачем сразу двум старцам «является» один и тот же сон? Понятно, если бы они стали вместе строить на Монзе монастырь, но ведь Пафнутий выбывает из игры. Его кто-то назначает, и неизвестно за что, архимандритом придворного Чудова монастыря в Москве! Видимо, Пафнутию приснился другой, куда более чудесный сон, но позже кто-то изъял сей сон из рукописи.

Обратим внимание на географию. Река Обнора, где находился Павло-Обнорский монастырь, и река Монза, где Адриан основал новый монастырь, — правые притоки реки Костромы и расположены почта рядом. Итак, район реки Монзы — это вотчины бояр Романовых, имение дворян Отрепьевых и место иноческого послушания Пафнутия. Уж что-то не верится, что это простое совпадение. Практически невероятно, чтобы бояре Романовы не посещали соседний Павло-Обнорский монастырь. Зато очень странно, что, став царем, туда наведывался Михаил Романов. Видимо, что-то сильно связывало это семейство с монастырем на Обноре.

Нетрудно догадаться, что в Чудов монастырь Пафнутий попал по протекции своих соседей Романовых. 1593–1594 гг. — время тесного альянса Романовых и Годуновых. Кстати, и патриарх Иов благоволил тогда к Романовым. Ведь с 1575 г. по 1581 г. Иов был архимандритом Новоспасского монастыря, который давно уже был под патронажем Романовых и служил их родовой усыпальницей. Только таким способом ничем не прославившемуся иноку захолустного монастыря удалось попасть в Кремль.

Почти сразу после возведения Пафнутия в сан архимандрита к нему в Чудов монастырь явился кузнец Никита. И Пафнутий, «испытав терпение и смирение Никиты посредством различных послушаний», сделал его своим келейником. Осенью 1595 г. послушник Никита был пострижен в монахи

под именем Никодим. Запомним это имя, мы к нему позже вернемся.

Итак, именно в келье архимандрита Пафнутия долгое время жил чернец Григорий. И вряд ли архимандрит допустил бы, чтобы его воспитанник попал под влияние другого чудовского «злого чернеца».

Возникает естественный вопрос, мог ли Пафнутий действовать один, без сговора со светскими лицами. Ответ очевиден. И это были люди романовского круга. И если братья Никитичи сидели под крепким караулом, то в Москве находилась их многочисленная родня, в том числе по женской линии, их служилые дворяне и прочее окружение.

Не исключено и участие в заговоре, причем на самой ранней стадии, и поляков. Под большим подозрением оказывается канцлер и великий гетман литовский Лев Сапега. Первый раз он приезжал послом в Москву еще в царствование Федора Иоанновича. Еще тогда он писал гетману Кристофу Радзивиллу, что разные его информаторы сходятся в одном: большая часть думных бояр и воевод стоит за Романова, меньшие чины, особенно стрельцы и чернь, поддерживают Годунова. Второй раз Лев Сапега прибыл в Москву 16 октября 1600 г. и уехал почти через год, в августе 1601 г. Посольство Сапеги пыталось заставить царя Бориса признать польского короля Сигизмунда еще и шведским королем, что грозило России ухудшением отношений со Швецией, а то и войной. Получив отказ, Сапега уехал из Москвы крайне озлобленным на царя Бориса.

После прибытия Гришки Отрепьева в Польшу Лев Сапега стал одним из наиболее активных его покровителей. Таким образом, есть большая вероятность того, что Сапега стал соучастником заговора Пафнутия и романовского окружения. Об этом предположительно писал церковный историк Д. Лавров: «В это время польским послом в Москве был Лев Сапега, и Отрепьев, состоя при патриархе, мог войти в сношение с ним и убедиться, что в Польше можно найти себе поддержку»[29]. То же утверждает в 1996 г. и Д. Евдокимов[30].

Наличие треугольника Пафнутий — Романовы — Сапега сразу же снимает все загадки и противоречия в истории самозванческой интриги.

Глава 4. Первые успехи самозванца

Главным действующим лицом страшной драмы, потрясшей русское государство, стал не Годунов, якобы доведший страну до кризиса, не бояре, затаившие на него злобу, и тем более не чудовский чернец Григорий, а ляхи.

Предположим, что Отрепьев бежал бы не на запад, а на север к шведам или на юг к турецкому султану или персидскому шаху. В любом случае он стал бы лишь мелкой разменной монетой в политической игре правителей означенных стран. В худшем случае Отрепьев был бы выдан Годунову и кончил бы жизнь в Москве на колу, в лучшем — жил бы припеваючи во дворце или замке под крепким караулом и периодически вытаскивался бы на свет божий, дабы немного пошантажировать московитов.

Именно поляки устроили разорение государства Российского, сопоставимое разве что с нашествием Батыя. В советских учебниках истории все объяснялось просто и ясно. В XIV–XV веках польско-литовские феодалы захватили западные и юго-западные русские земли, а в 1605 г. устроили интервенцию в Московскую Русь, взяв с собой за компанию шведов. Увы, эта версия годилась лишь для школьников, думавших на уроке не столько о Смутном времени, сколько о времени, оставшемся до перемены. Анализа же причин «польско-шведской интервенции» отечественная историография дать не сумела.

В XVI веке королевская власть в Польше была выборной, причем в этих «выборах» активно участвовали иностранные войска.

После смерти короля Стефана Батория в борьбу за польский престол вступили эрцгерцог Максимилиан Австрийский, наследный принц Сигизмунд — сын шведского короля Иоанна III и Екатерины (1526–1583), дочери польского короля Сигизмунда I Старого. Таким образом, королевич Сигизмунд имел с Ягеллонами родство по женской линии. Однако в историю он вошел как Сигизмунд Ваза. Максимилиана поддерживали австрийские войска, а Сигизмунда — шведские. В конце концов «электорат» Сигизмунда победил, и 27 декабря 1587 г. он был коронован в Кракове под именем Сигизмунда III.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. Он короновался шведской короной в Упсале.

В Москве царь и бояре были страшно напуганы этой коронацией. Ведь

объединение двух крупнейших соседних государств грозило Руси неисчислимыми бедствиями. Но, увы, и Сигизмунд, и московские бояре не учли религиозный фактор — с конца 30-х годов XVI века шведы в подавляющем большинстве своем стали протестантами.

Побыв несколько месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту — своему дяде Карлу Зюдерманландскому.

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1594 г. он официально был объявлен правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но в 1597 г. был наголову разбит в битве при Стонгебру. Одновременно начались и боевые действия в Эстляндии, которые шли до 1608 г. с переменным успехом.

Несколько слов стоит сказать о взаимоотношениях России с Польшей. 6 января 1582 г., то есть еще при Иване Грозном, был подписан русско-польский Запольский мирный договор.

Срок действия договора первоначально считался 10 лет. 10 января 1591 г. в Москве был подписан новый договор о перемирии (мире) между Россией и Польшей на 12 лет, считая с 15 августа 1591 г.

11 марта 1601 г. в Москве было подписано новое соглашение о перемирии на 20 лет, считая с 15 августа 1602 г. С польской стороны соглашение в Москве подписал канцлер и великий гетман литовский Лев Иванович Сапега, с русской — боярин Михаил Глебович Салтыков. 7 января 1602 г. в Вильне король Сигизмунд III ратифицировал договор. Царь Борис сделал это еще раньше.

Итак, у Польши и России был мир, точнее, у польских королей с Россией. А замечание это более чем важное. Дело в том, что в Речи Посполитой король был сам по себе, а полноправные граждане (я имею в виду панов, холопы — не в счет) — сами по себе. Так, «незалежный» пан мог взять да объявить войну соседу и вторгнуться со своей «частной армией» в Россию, Эстляндию, Молдавию и т. д. За подобные штуки в Стамбуле, Стокгольме и Москве зарвавшемуся феодалу рубили башку, а то и на кол сажали. А в Польше было можно всё!

Вот, к примеру, в конце XVI века семейство князей Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в

Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище освоивают». В конце концов, в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Не отставали от панов и казаки. В 1588 г. казаки, проживавшие в Каневе, Черкассах и Переяславле (то есть не запорожские, а малороссийские), внезапно явились в Воронеж и объявили воронежскому воеводе, что они собрались вместе с донцами воевать татар, и потому просят дать им отдохнуть и покормиться в Воронеже. Воевода, не подозревая ничего дурного, поселил казаков в остроге и велел выдать им корм. Но с наступлением ночи казаки неожиданно подожгли город. Воспользовавшись паникой, казаки начали грабить, убили и захватили в плен несколько десятков горожан и ратных людей и благополучно ушли восвояси.

Однако вернемся к Польше, которая в это время представляла собой идеальный плацдарм для самозванца. Летом 1602 г. он гостит в городе Остроге у князя Константина Острожского. Затем он едет в город Гощ — центр секты ариан. Не будем забывать, что в это время протестантизм в Речи Посполитой еще был силен. Там Гришка[31] надеялся найти помощь у ариан. Крупнейший историк Смуты Руслан Скрынников писал: «Имеются данные о том, что самозванец ездил в Запорожье и был с честью принят в отряде запорожского старшины Герасима Евангелика. Прозвище старшины указывает на принадлежность его к гощинской секте. Если приведенные данные достоверны, то отсюда следует, что ариане помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками»[32].

Так было или иначе, но ариане не могли быть серьезной опорой самозванцу, и он сделал ставку на Адама Вишневецкого и Юрия Мнишека.

Отрепьев связался с запорожцами и пытался с их помощью занять самый крупный на Северщине город Путивль. 2 февраля 1604 г. агенты доносили Годунову из Малороссии, что «Димитрий» вел переговоры с посланцами из Запорожья и «им имался у Путивля за их службы их

жаловат, как, кажет, мене на Путивль насадите».

Одновременно самозванец обращается и к донским казакам. Те были очень недовольны политикой царя Бориса, строившего укрепленные городки все ближе и ближе к владениям донцов и запретившего своим подданным частную торговлю свинцом и порохом с казаками.

Донцы радостно отвечали самозванцу: «Писал ты до нас (через) запорожских казаков: святой памяти отца своего, а нашего государя прирожденного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и всего достоинства царского относительно полных вольных лет, что тебя, государя, бог укрыл от неповинной смерти»[33].

Казаки охотно признали себя подданными законного царя Димитрия: «Мы холопы твои или подданные твои государя прирожденного все радуемся такому долгожданному утешению и, выполняя волю бога и твою государеву… послали до тебя государя двух атаманов»[34].

Грамота была составлена от имени «донского низового атамана Ивашки Степанова и всех атаманов казацких и всего войска». Видимо, этот Ивашка Степанов и есть будущий герой Смуты — Смага Степанов Чертенский.

На переговоры с самозванцем выехали атаманы Андрей Корела и Михаил Межаков с пятью казаками. На врученной им грамоте стояла дата — 15 ноября. Когда донские посланники въехали в Малороссию, черкасский староста князь Януш Острожский велел их арестовать. В руки властей попали как сами послы, так и имевшиеся при них грамоты.

Януш Острожский не без оснований полагал, что, прибыв в Речь Посполитую, донцы устроят смуту в Малороссии, не дожидаясь похода на Москву. Об этом он и известил короля. Однако Сигизмунд III категорически потребовал освободить посланцев с Дона и отправить их в Краков к самозванцу.

Вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьезные разногласия. Вишневецкий явно не собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на малороссийских землях. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем — заключение выгодного мира с царем Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, и он полностью отдается под покровительство сандомирского воеводы Юрия Мнишека[35].

Здесь же я лишь отмечу, что Юрий Мнишек считался мошенником и отпетым негодяем даже среди польского панства. Никакие «герцоги и графы благородные» не сватались к его дочери Марии. Наоборот, Юрий не знал, как ее сбыть с рук Не будем придираться к Пушкину, ему нужна была «сцена у фонтана». Но вот в 2005 г. в Москве выходит книга Вячеслава Козлякова «Марина Мнишек». Автор пишет: «..это тоже много говорит об атмосфере благочестия, в которой были воспитаны дочери сандомирского воеводы»[36].

На самом деле Юрий Мнишек и Марина довольно индифферентно относились к католицизму. Вся родня Мнишеков состояла, как нарочно, из протестантов и ариан, да тут еще сестра Марины Урсула вышла замуж за православного Константина Вишневецкого. И заметим, никаких скандалов на религиозной почве ни у Юрия, ни у Марины с родственниками-иноверцами не возникало. При этом ни отец, ни дочь не были образцами религиозного благочестия, скорее их можно назвать образцами безнравственности и разврата.

Как писал историк С.М. Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украйнах…»[37]. Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишека был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и, пока воинство Мнишека оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Польский историк Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью»[38].

Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Между тем король не только смотрел сквозь пальцы на сборы частной армии, но и осуществлял дипломатическую поддержку самозванца. В начале лета 1604 г. король дал аудиенцию крымскому послу Джану Черкашенуку и пообещал «уплатить Крыму казну за два года»[39], если хан согласится помочь самозванцу. По возвращении в Крым Джан доложил о предложении короля хану Бора-Газы Гирею. Тем не менее, помощи от крымцев Лжедмитрий не получил.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишека было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

Как уже говорилось, армия Мнишека, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константин Острожский и черкасский староста Ян Острожский отмобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишека стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасенному царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан оградить свое имущество от храброго «рыцарства».

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Моравску (Монастырскому острогу).

Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошел к пограничной малой крепости Моравск и выслал парламентера. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идет сам Димитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать затынных пищалей. Сам же «Димитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошел бунт, воевода князь И.А. Татев был

схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий.

Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная с Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII век): «… смутишася черные люди и перевязаша воевод…» Так там «черные люди» — это не пахотные крестьяне или посадские, а «черные люди», то есть негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. А эти ратники чуть ли не каждый год отбивали набеги татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н.С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Б.П. Татев, Г.П. Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В пятнадцати верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород-Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил подкрепления из близлежащих крепостей. Прибыли еще 59 дворян из Брянска, 363 стрельца из Москвы и 237 городовых казаков из Кром, Белёва и Трубчевска. Всего в Новгороде-Северском было собрано около полутора тысяч человек, умевших пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, проворонивших вторжение самозванца.

11 ноября 1604 г. войско Лжедмитрия подошло к Новгороду-Северскому. Самозванец послал поляков-парламентеров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв пятьдесят человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Поляки пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что

Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Разгневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалованье служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г.Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты, под социальную борьбу. Так, историк И.М. Скляр писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы „за царя Дмитрия“ оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян». Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «доброго» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало[40].

Глава 5. Кромы — казачья Троя

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на Московской дороге в сорока верстах от Орла.

Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 г. Крепостца господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из 200 стрельцов и 200–300 городовых казаков. Командовал крепостцой воевода Григорий Ананфиев.

Судя по всему, и стрельцы, и казаки радостно встретили самозванца. Ведь только новый царь мог вызволить их из пожизненной тяготы в гарнизоне. Ну и само собой, появлялся шанс заполучить и пропить «новые зипуны».

Заняв Кромы, отряд самозванца двинулся далее к Орлу. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белёва и Мещёвска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. (Кстати, личность довольно известная, в 1600 г. он ездил послом в Лондон.) Отряд сторонников самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде-Северском часть служилых людей, прельщенных посулами самозванца, пыталась поднять мятеж. Но воевода Басманов сумел подавить его, после чего 80 человек перебежали из крепости к осаждающим.

Между тем поляки привезли к Новгороду-Северскому несколько крепостных пушек, захваченных в Путивле, и начали бомбардировку крепости, не прекращавшуюся ни днем ни ночью, и после недельного обстрела «разбита град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и попросил заключить 2-недельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это.

Басманов использовал перемирие, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление — сотня стрельцов.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Заметим, что из этого факта нельзя сделать однозначный вывод об оппозиционности русского дворянства к царю Борису. Спору нет, Борис был не самый популярный правитель в России. Но при сборах дворянского ополчения и до, и после 1604 года дворян-«отказчиков» всегда хватало. В качестве примера скажем, что последний представитель рода Годуновых, сведения о котором найдены мной, Дмитрий Иванович Годунов, уже в начале царствования Петра I за неявку в полк был лишен чина и переписан в звенигородские помещики.

Массовая же неявка в призыв 1604 года была обусловлена и спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было плевать на него. А вот сражаться с голозадым воинством, что с «рыцарством», что с нищей шляхтой, что с казаками и со служилыми из пограничных городков, — явно не подарок! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да еще в союзе со Швецией, явка дворян была бы, по крайней мере, выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» нашлось бы более чем достаточно.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос — почему беглый монах с четырьмя-пятью тысячами разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Разговоры о том, что народ-де не любил царя Бориса, не мог простить ему отмены Юрьева дня, надеялся на доброго царя Димитрия и т. д., право, несерьезны. Они годны лишь для совсем наивных и необразованных читателей, плохо знакомых с военной историей и совершенно не представляющих, чем кавалергард отличается, к примеру, от гусара. На самом деле никого из народа, то есть крестьян, посадских и др., кого современные историки понимают под народом, ни в войске

самозванца, ни у царских воевод не было. И там, и там воевали профессионалы — дворяне, боевые холопы, стрельцы, гусары, казаки и др.

Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны, как царя Бориса, так и его бездарных воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была Смоленская земля. По этому маршруту в 1609 г. двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 г. — Жолкевский, в 1611 г. — Ходкевич, в 1618 г. — королевич Владислав, а в 1812 г. — Наполеон.

Однако в 1604 г. Лжедмитрий и Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и проштрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья не хватало на жизнь, и служилые люди часто промышляли разбоем. Появление царевича Димитрия для большой части служилых было манной небесной. А серьезно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов — Стародуб — Кромы — Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и… продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и охотников до приключений из русских служилых.

Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в этом четырехугольнике было абсолютно бесперспективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши маршалы в Афганистане и Чечне. Российские политики и военные, видимо, физически неспособны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же

средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективнее нанесение асимметричного контрудара. Наша армия не смогла победить в Афганистане. Принести нам победу в Афганистане могла только… индийская армия, которая за месяц разобралась бы с Пакистаном. А для этого СССР нужно было только предоставить Индии современное вооружение и гарантировать ядерный зонтик на случай вмешательства США.

Аналогичные возможности были и у Бориса Годунова.

В феврале 1605 г. герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 г. — король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Швецией союз еще в 1604 г. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог высадить десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее… Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы предметом торга победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реалия. Вторжение поляков в Россию и слабость царя Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 года, когда шведский король Густав наконец-то появился с флотом в устье Западной Двины и высадил 20-тысячный десант.

Увы, Борис Годунов не нанес ответного удара Польше, а пытался усовестить польского короля и панов, отправляя к ним послов всех рангов. Поляки отвечали вежливо, но сами смеялись над дуростью московитов.

От большой стратегии и политики вернемся к полю брани. Царь Борис Годунов вручил командование армией Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело

Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и столь же бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишека напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось все мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца — не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Федора Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные, во главе с капитаном Домарацким, взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы Д.И. Шуйский, В.В. Голицын и А.А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам, поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские — до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северской земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но утаить это от остального войска не удалось, и ситуация еще больше накалилась.

1 января 1605 г. в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали все, что попадало под руку, — продовольствие, снаряжение, различный скарб. Юрий Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам, уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишека выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло пополнение — малороссийские казаки.

По версии Яворницкого, в городе Севске к самозванцу подошло 12 тысяч малороссийских казаков, разделявшихся на конников (8 тысяч) и пехотинцев (4 тысячи), «с арматой из 12 исправных пушек; между малороссийскими казаками немало было и собственно запорожских или низовых казаков»[41].

На мой взгляд, это явное преувеличение: малороссийских казаков было раза в три меньше, а запорожских — несколько сотен. В любом случае, запорожские казаки не играли особой роли при Лжедмитрии I.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода-Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом-Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а, наоборот, щедро наградил.

Защитник Новгорода-Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Федору Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получении вестей о появлении самозванца в русских пределах, он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 г. русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка

Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, дерзкий самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из двенадцати тысяч пищалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство.

Малороссийские казаки стояли на правом фланге войск самозванца. Они не попали под огонь царских войск, но, услышав стрельбу и увидев бегущих ляхов, сами бросились бежать по дороге на Севск и Рыльск.

Отряд донских казаков, находившийся в резерве, оказал упорное сопротивление царским войскам, но в конце концов был окружен, и все казаки перебиты.

Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысячи трупов. Большинство из них (около 7 тысяч) были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям досталось двенадцать знамен и штандартов и вся артиллерия — тридцать пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускакал с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г.В. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкари на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мстиславский велел отступать к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали

вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Но наиболее важной крепостью для самозванца стал не Рыльск, а Кромы. В последних числах декабря 1604 г. «запасная рать» воеводы Ф.И. Шереметева осадила Кромы. Первые два месяца блокада велась вяло. Причем часть войск Шереметева была оторвана к главным силам.

В январе 1605 г. Разрядный приказ распорядился доставить в лагерь под Кромы осадную артиллерию. Отряду Ф.И. Шереметева были приданы две мортиры («верховые пищали») и пушка «Лев Слободской». Из Мценска на помощь Шереметеву прибыл воевода князь И.Г. Щербатый. В феврале Ф.И. Мстиславский направил под Кромы стольника В.И. Бутурлина.

Лжедмитрий тоже понимал значение Кром и еще до битвы при Добрыничах направил туда отряд примерно из 3 тысяч донских казаков под началом атамана Корелы. Отряду был придан большой обоз с продовольствием и боеприпасами.

По сообщению Исаака Массы[42], казаки «с великим проворством и быстротой заняли Кромы, ибо у них было множество саней, нагруженных съестными припасами, кроме того, еще сани, полные сена, весьма плотно сложенного, и пустили вперед эти сани, подобные четырехугольной камере, но только открытой, и посадили в нее примерно половину отряда, а самые доблестные смельчаки (cloecste waechalsen) бежали по сторонам с заряженными пищалями; казаки поднялись на гору и так стремительным маршем вошли в Кромы, и московиты не причинили им никакого вреда ни стрельбою, ни чем другим…»[43].

Замерзшие болота обеспечили хороший подступ к крепости. Корела из саней с сеном построил каре, позади которого по проложенным в снегу следам шел обоз с продовольствием. Из лучших стрелков было организовано непосредственное охранение.

Воевода Шереметев и его воинство проспали, если не выразиться энергичнее, прорыв казаков, и те проскочили в крепость без потерь.

Командование крепостью принял на себя Корела. Первым делом он возвел у Кром вторую линию укреплений. Тот же Исаак Масса писал: «… заняв гору, тотчас вырыли у крепости землянки и вокруг нее ров, так что засели в земле и никого не боялись; предводителем этих казаков был Корела, шелудивый маленький человек, покрытый рубцами, родом из Курляндии, и за свою великую храбрость Корела еще в степи был избран этой партией казаков в атаманы, и он так вел себя в Кромах, что всякий, как

мы еще увидим, страшился его имени.

Этот Корела, находясь в Кромах, помышлял о том, чтобы при (этих) счастливых обстоятельствах удержать крепость, и послал известить обо всех обстоятельствах Димитрия и просил прислать людей и припасов, что часто исполняли с великой отвагой и проворством, и они (казаки) полагали, что московское войско, постояв так всю зиму или до весны, само расстроится и погибнет, а Димитрий меж тем отлично устроил и укрепил со всех сторон лучшие города и каждодневно посылал распоряжения из тех мест, где находился, чтобы снабжали осажденных в Кромах всем необходимым, и изыскивал со своими друзьями средства, как расположить к себе сердце московитов, и часто писал письма, посылая их к народу в Москве с гонцами; то были смельчаки, которые не вернулись обратно, ибо Борис на всех перекрестках поставил людей, которые подстерегали их и тотчас же вешали. Также много писал писем Димитрий к (московскому) войску и к воеводам, Мстиславскому и другим. Но не к Годуновым, принадлежавшим к дому Бориса, и Димитрий называл их изменниками и губителями отечества.

И все это время стояли под Кромами, где было не более четырех тысяч человек, и (московское войско) насчитывало добрых триста тысяч человек, ибо к нему каждодневно прибывала подмога; и каждый божий день двести или триста пеших казаков с длинными пищалями делали вылазки из Кром, выманивали из лагеря некоторых охотников добыть себе чести, полагавших, что они верхами настигнут казаков, но казаки столь искусны в стрельбе из мушкетов и длинных пищалей, что не давали промаха и всегда подстреливали всадника или лошадь и так каждодневно клали мертвыми тридцать, пятьдесят, шестьдесят воинов из московского войска, среди коих было много молодых, красивых дворян и были люди, искавшие себе чести. Пока Корела, атаман, был здоров, московиты не знали покоя: то внезапно нападали на них, то обстреливали, то глумились над ними или обманывали. Да и на гору часто выходила потаскуха в чем мать родила, которая пела поносные песни о московских воеводах, и (совершалось) много другого, о чем непристойно рассказывать; и войско московитов к стыду своему должно было все это сносить, и стреляли они всегда из своих тяжелых пушек попусту, ибо не причиняли и не могли причинить кому-нибудь вреда; в Кромах между тем беспрестанно трубили в трубы, пили и бражничали, одним словом, всюду была измена, и в московском лагере дела шли не чисто, ибо воеводы не только не отправляли должности, но сверх того было заметно, что они сносились с Димитрием, хотя еще и не отважились на измену, ибо в темные ночи часто находили между турами

(scanscorven) мешки с порохом, которые уносили лазутчики из Кром в присутствии часовых, и много других подобных (дел).

В Кромы из московского лагеря также часто летали стрелы с привязанными к ним письмами, в которых сообщалось обо всем, что происходит в Москве и в лагере, так что приверженцы Димитрия знали все, что делалось в Москве, как обстоят дела с Борисом, и что он предпринимал и учинял»[44].

В начале марта 1605 г. к Кромам подошло главное царское войско под командованием Мстиславского. «Воеводы же ополчевашеся и на град крепко налягаху, храбро и мужественно, ис наряду биюще по острогу и по граду и всякими стенобитными хитростми налегая, и острог и град разбиша и до основания».

Деревянные стены Кром сгорели. Русские пошли на штурм и овладели валом.

Однако внезапно второй воевода передового полка войска Мстиславского М.Г. Салтыков, командовавший передовым отрядом, приказал отступать. Есть серьезные основания подозревать, что Салтыков «норовил окаянному вору Гришке».

В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные несли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что ему придется сдать крепость, если он не получит подкреплений. Ради Кром самозванцу пришлось ослабить оборону Путивля и отправить в Кромы отряд из 500 донских казаков под командованием путивльского сотника Юрия Беззубцева.

В лагерь Федора Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно прошел в крепость, проведя и обозы с продовольствием.

Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны, царские воеводы отказались от попыток возобновить штурм.

Царские воеводы делали все, чтобы удержать дворян в лагере под Кромами. Сохранились сведения, что в 1605 г. под Кромами воевода князь М. Кашин по приказу из Москвы «верстал» дворян деньгами и землями. Некоторые служилые люди получили значительные прибавки к поместьям. Так, «во 113 году за кромскую службу» Д.В. Хвостов получил к поместью в 350 четвертей дополнительно 100 четвертей. И.Н. Ушакову «за кромскую службу» было придано 150 четвертей и т. д.

Война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для

дворянского ополчения. Русское войско действовало в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после 3-месячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русское войско, лишенное надежных коммуникаций, оказалось в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением своего войска от Рыльска, послал к войскам окольничего П.Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «…пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать войско на отдых, что вызвало недовольство в полках.

Развязка наступила в результате случайности или козней московских бояр — 13 апреля 1605 г. царь Борис внезапно умер или был отравлен.

Присяга новому царю Федору Борисовичу в Москве прошла спокойно. Также без затруднений присягнули в Новгороде, Пскове, северных городах, Поволжье и Сибири, то есть везде, кроме района театра военных действий. Однако чувствовалось, что московская знать не намерена поддерживать Федора.

Современники писали о Федоре, что он хотя «был молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». Однако царю Федору Борисовичу явно не хватало решительности. Корону и жизнь можно было спасти, окажись на его месте восемнадцатилетний Александр Невский или Петр I.

Одним из первых шагов нового царя был вызов из армии больших бояр Мстиславского и братьев Шуйских.

Новым главнокомандующим в войско царь назначил князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского, а его помощником — боярина Петра Федоровича Басманова. Он и стал главной надеждой царя Федора. Назначение Басманова в большой полк вызвало негодование родовой знати. Второй воевода полка правой руки князь М.Ф. Кашин-Оболенский отказался подчиняться приказу царя Федора, он «бил челом на Петра Басманова в отечестве и на съезд не ездил и списков не взял».

16 апреля 1605 г. под Кромами войско дружно присягнуло царю Федору Борисовичу.

Самозванец, находившийся в Путивле, узнал о смерти Бориса и о прибытии Басманова к войскам в последних числах апреля. Он немедленно отправил к Кромам отряд польского шляхтича Яна Запорского, насчитывавший 200 польских рейтар и 800 донских казаков. Замечу, что в большинстве случаев в войсках первого и второго самозванцев донскими и запорожскими казаками командовали польские офицеры. Соответственно, в русских и польских источниках обычно говорилось об отряде такого-то без указания национального состава отряда. Да и для русских людей в большинстве случаев поляки, малороссийские и запорожские казаки были «литовскими людьми».

На пути к Кромам Запорский получил подтверждение о смерти царя Бориса и 30 апреля известил об этом гетмана А. Дворжицкого. С первых чисел мая Запорский выжидал у Кром удобного случая, чтобы прорваться в крепость на помощь осажденным. Чтобы облегчить эту задачу, Запорский придумал хитрость. Он заслал в Кромы трех своих казаков, рассчитывая, что русские обязательно схватят их при попытке пробраться через их порядки. При казаках имелись письма, в которых говорилось, что Запорский ведет на выручку Кромам 20 тысяч копейщиков и 20 тысяч казаков при 300 орудиях.

А пока Ян Запорский вступил в бой с отрядом татар, несшим сторожевую службу на подступах к Кромам. Поляки и казаки разогнали отряд, захватив при этом 150 пленных.

Ян Запорский был абсолютно уверен, что именно его хитрость с письмами и победа над татарским отрядом вынудили русское войско сдаться и присягнуть Лжедмитрию.

На самом деле решающую роль сыграли братья Ляпуновы. Ляпуновы и далее останутся среди главных действующих лиц Смутного времени, а с другой стороны, они типичные представители дворянства, обиженные московскими властями и рвавшиеся, подобно казачьим атаманам, к власти и деньгам. Поэтому я сделаю небольшое отступление и расскажу о братьях Ляпуновых.

До начала Смуты рязанские дворяне Ляпуновы были бедны, и это дало повод многим историкам зачислить их в худородный дворянский род.

На самом же деле Ляпуновы — природные Рюриковичи. Их род происходит от великого князя Ярослава Всеволодовича. Любопытно, что три его старших сына стали общерусскими святыми — Федор Новгородский, Александр Невский и Михаил Хоробрит[45]. Младший же

сын Ярослава Константин ничем не отличился и в святые не попал, а с 1238 г. по 1255 г. правил Галицко-Дмитровским княжеством.

Последний галицкий князь Дмитрий (то ли Иванович, то ли Борисович) стал в 1363 г. жертвой происков жадных московских бояр. Московскому князю Дмитрию Ивановичу в ту пору было 13 годков от роду, и за него правили бояре.

Тогда несчастный Дмитрий Галицкий бежал в Господин Великий Новгород. Там никогда не выдавали беглецов ни Москве, ни Орде. Данных о жизни Дмитрия в Новгороде не сохранилось. Если бы у него была достаточно сильная дружина, он смог бы стать служилым новгородским князем. Но таковой у Дмитрия не было, и он поступил на службу к новгородскому архиепископу и стал командовать его дружиной — «владычным полком».

Сын Дмитрия Галицкого Василий и внук Борис служили архиерейскими боярами или, как их тогда называли, «софийскими дворянами».

Три сына Бориса Васильевича — Дмитрий Борисович Береза, Семен Борисович Осина и Иван Борисович Ива — сделались родоначальниками дворянских фамилий Ивиных, Осининых и Березиных.

Внук Семена Осины Иван, служивший при архимандрите Пимене, получил прозвище Ляпун и стал родоначальником этой известной фамилии.

Сын Ляпуна Семен покинул Новгород и отправился в Рязань. Детали этого переезда нам неизвестны. Но нетрудно догадаться, что отъезд Семена Ивановича был связан с разгромом Великого Новгорода Иваном III.

Семен Иванович бежал, спасая свою жизнь и свободу. Выбор у него был небольшой — Литва или Рязань, поскольку на остальной Руси уже хозяйничала московская администрация.

Служба удельным рязанским князьям практически ничего не дала Ляпуновым. Они не получили вотчин и не стали рязанскими боярами. Видимо, это связано с консерватизмом древних рязанских боярских родов, не желавших пускать чужаков в свою среду.

Мы не встретим фамилии Ляпуновых в списках пострадавших от опричного террора Ивана Грозного. Зато во второй половине XVI в. мы видим возрастание агрессивной активности этого рода. У Петра Ильича Ляпунова было пять сыновей: Александр, Григорий, Прокопий, Захарий и Семен. Александр активно способствовал всесильному в последние годы царствования Ивана Грозного дьяку Андрею Шерефединову в «насильном завладении» им вотчиной рода Шиловских — селом Шилово. Замечу, что

действовали они тогда в союзе с боярами Шуйскими.

После смерти Грозного рязанские дворяне Ляпуновы и Кикины выступили в роли заводчиков в бунте в Москве 2 апреля 1584 г., направленного против боярина Богдана Бельского. И опять Ляпуновы выступали союзниками Шуйских.

Любопытно, что в 1595 г. Захар Ляпунов, назначенный быть становым головой вместе с дворянином Кикиным, заместничал, отказался и уехал со службы. Собственно, он был прав. По понятиям того времени, он, Рюрикович, — не в пример какому-то Кикину. Рязанскому воеводе было велено взять Ляпунова из его поместья, заковать и привезти в Переяславль-Рязанский, бить батогами перед всеми людьми, посадить в тюрьму и потом отправить на службу с приставом.

В связи с казацкими разбоями на Дону и Волге в 1600–1602 гг. царь Борис категорически запретил продавать казакам оружие. Тем не менее, оно продолжало поступать и на Дон, и на Волгу. Царь «велел спросить детей боярских рязанцев: кто на Дон к атаманам и казакам посылал вино, зелье, серу, селитру и свинец, пищали, панцири и шлемы и всякие запасы, заповедные товары? Отвечали: был слух, что Захар Ляпунов вино на Дон казакам посылал, панцирь и шапку железную продавал. Захара за это высекли кнутом»[46].

Побитый в очередной раз Захар затаил обиду на царя Бориса и по наущению бояр в 1604 г. ездил в Краков к королю Сигизмунду с просьбой помочь самозванцу, то есть беглому монаху Григорию.

В русской летописи братья Ляпуновы упомянуты как «воры рязанские»: «О ворех резанских. Того же году июня в 9 день под Кромами рязанцы заворовали, Прокофей Ляпунов с товарыщи, и преступя крестное целованье, и забыв дом пречистые Богородицы, и отложась от Московского государства, и бояр и воевод князя Михаил Петровича Катырева с товарищи перевязали, и вору Ростриге Гришке Отрепьеву добили челом, и крест ему, вору, целовали»[47].

Разрядные книги подтверждают, что мятеж возглавили рязанцы, которых поддержали служилые люди других южных уездов: «И украинных городов[48] дворяне и дети боярские резанцы, туленя, коширеня, олексинцы и всех украинных городов, удумав и сослався с крамчаны, вору Ростриге крест втайне целовали и бояр и воевод на съезде перимали»[49].

В Разрядных записях пространной редакции сведения об участниках мятежа дополнены подробностями. Так, Голицыны и Петр Басманов «подговорили князей и дворян и детей боярских Северских и Резанских

всех городов до одного человека; да новогороцких помещиков и псковских и лутцких князей и детей боярских… немногих, и крест Ростриге целовали…»[50].

Так начался мятеж под Кромами. Все главные воеводы — П.Ф. Басманов, В.В. Голицын, З.И. Сабуров — не оказали никакого сопротивления заговорщикам. Сторонники самозванца подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев даже одеться.

По приказу Ляпунова рязанские и тульские ратники захватили наплавной мост через реку Крому и соединились с казаками, выступавшими из Кром. Но вскоре на мосту столпилось столько народу, что мост начал тонуть, и многие попадали в воду. Конные же пытались переправиться через реку вплавь.

Лишь наемные немцы выстроились в каре с развернутыми знаменами и… стали ждать, чья возьмет.

Пропустив толпу ратников, Корела и Беззубцев с донскими и путивльскими казаками и «с кромляны» ворвались в лагерь и «на достальную силу московскую ударишася». По совету заговорщиков казаки напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия, и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники Гришки[51].

Нападение казаков усилило панику и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление, чтобы удержать лагерь. Замечу, что Корела приказал не применять оружие. Ратники, деморализованные изменой, «плещи дела и побегоша», а донские казаки «гонящее их, сечти же их щадяху», «в сечи же и убиства место плетми бьющее их и, гоняше, глаголюще: „Да потом на бой не ходите противу нас!“» И, воспользовавшись суматохой, казаки выбили воевод из лагеря. Воеводы М.П. Катырев, А.А. Телятевский, В.П. Морозов, М.Ф. Кашин, В.Б. Сукин бежали в Москву.

16 мая самозванец со всем своим воинством двинулся на Кромы, куда и прибыл через три дня. Любопытно, что у него было тогда всего 600–700 конных поляков, 800 донских казаков и несколько сотен ратников, дезертировавших из царской армии.

Русские воеводы двинулись на поклон к самозванцу еще на пути к Кромам: Первыми к Гришке явились бояре П.Ф. Басманов и М.Г. Салтыков с двумястами дворянами. Орловский воевода Ф.И. Шереметев и боярин В.В. Голицын встретили Гришку где-то под Орлом. Добравшись до Кром,

самозванец остановился там на несколько дней. Он осмотрел 70 осадных орудий и огромный запас ядер и пороха, брошенных в русском лагере.

Формально можно утверждать, что оборона Кром казаками Корелы решила исход кампании 1605 года. На самом же деле все произошло из-за стратегических и политических ошибок царя Бориса и измены его воевод.

Глава 6. Казаки входят в Москву

После мятежа под Кромами поляки и казаки стали главной и чуть ли не единственной силой самозванца. Первым делом Лжедмитрий распустил присягнувшее ему царское войско. Значительная часть дворян и простых ратников колебалась в своем выборе, а может, они попросту испугались. Иметь такое войско было слишком опасно. Да и сами дворяне и ратники давно мечтали разойтись по домам. Из самых ревностных сторонников самозванца, бывших в царском войске, сформировали особый отряд. Командовать отрядом Лжедмитрий поручил Борису Михайловичу Лыкову.

Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождало около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало Отрепьева. Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая 1605 г. отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков атамана Корелы проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих, неопределенных выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты». Самозванец напомнил о притеснениях, какие были при царе Борисе «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирожденного государя терпеть было невозможно». В заключение Лжедмитрий обещал награды

всем, кто его признает, и гнев божий и свой, царский, в случае сопротивления.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху Иову о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Димитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином, и приставили к тому дому крепкий караул.

Другие толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых и их родственников, заодно были разбиты винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий 5 июня 1605 г. прибыл в Тулу. Там его встретили как царя. Лжедмитрий отправил обращение к Боярской думе с приказом выслать в Тулу князя Мстиславского и прочих главных бояр. По постановлению думы 3 июня в Тулу отправились князья Н.Р. Трубецкой, А.А. Телятевский и Н.П. Шереметев, а также думный дьяк Афанасий Власьев.

В начале июня 1605 г. к самозванцу в Тулу явился главный донской атаман Смага Чертенский с отрядом казаков. Чтобы унизить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке казаков раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. Самозванец милостиво разговаривал со Смагой. Затем к руке были допущены бояре, и Лжедмитрий «наказываше и лаяше, яко же прямый царский сын». Боярина Телятевского выдали казакам на расправу. Казаки избили его до полусмерти и бросили в темницу.

Любопытно, что в походе самозванца не участвовали волжские казаки. Видимо, из-за отдаленности района и сложности прохода волжских казаков через Дон, Дикую степь и Речь Посполитую командиры войска самозванца сочли ненужным привлекать этих казаков.

Лишь в середине марта 1605 г. Лжедмитрий отправил гонцов на Волгу и Яик с приказанием местным казакам идти к Ливнам. Видимо, какие-то немногие волжские казаки поспели к вступлению самозванца в Москву. Яицкие же казаки проигнорировали указ Лжедмитрия, и весной 1605 г. атаман Нечай повел 500 казаков грабить Хивинское ханство. Увы, поход окончился неудачей. В начале июня еще тысяча яицких казаков захватила Ургенч, но вскоре и они были перебиты хивинским ханом.

Самозванец велел разыскать Нагих или их родственников. Нашли лишь отдаленного родственника Марии Нагой дворянина Семена Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвел Шапкина в постельничие, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с эскортом был экстренно направлен в Горицкий монастырь «за своей матерью».

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить?

Но время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В.В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В.М. Мосальского и дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П.Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над противниками самозванца. Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском соборе Кремля готовился к совершению литургии, когда в храм ворвались вооруженные люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники самозванца пытались линчевать патриарха за то, что он-де «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежались попы и церковные служки, которые подняли крик в защиту патриарха На помощь Иову кинулась и часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведет к побоищу с непредсказуемыми последствиями. Тогда кто-то из людей Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Довод был неотразим, и толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем люди Отрепьева отвели Иова обратно в Успенский собор. Туда прибыл вскоре и боярин П.Ф. Басманов. Вооруженные люди в спешке и без особых формальностей произвели низложение патриарха. С Иова сняли панагию и святительское платье и надели простую черную

ризу. Басманов спросил, куда хотел бы Иов отправиться на монастырское житие. Тот выбрал Старицкий Успенский монастырь, где он принимал постриг и стал игуменом. Затем Иова вывели из собора, посадили на простую телегу и под конвоем отправили в Старицу.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и ею семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданое от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В.В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шерефединов и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испиша зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто из москвичей не поверил. Но утверждать, что народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолвие, нет никаких оснований. История — не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то ее, видимо, недодушили. Князь Мосальский взял ее к себе в дом и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

20 июня 1605 г. по Коломенской дороге в Москву двигалась торжественная процессия. Впереди нее скакали взад и вперед польские гусары в раззолоченных шлемах и кирасах, за ними следовал большой отряд донских казаков. В Москву возвращался сын Ивана Грозного. Вокруг него ехали московские бояре. Сзади шла польская пехота и русские стрельцы. Торжественно звонил колокол. Московские улицы были забиты людьми, люди облепили крыши домов и колокольни — всем хотелось посмотреть на чудесно спасшегося царевича.

При приближении процессии народ падал на колени перед новым царем и кричал: «Дай, господи, тебе, господарь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!» Димитрий отвечал на эти крики: «Дай бог и вам здоровья! Встаньте и молитесь за меня богу!»

День был солнечный и тихий, но, когда новый царь, переехавший наплывной мост через Московские ворота, вступил на площадь, поднялась сильная буря. Народ заволновался, начал креститься и приговаривать: «Помилуй нас бог! Помилуй нас бог!» Духовенство встретило царя на Лобном месте с крестами. Отъехав несколько шагов от Лобного места, Димитрий остановил свою лошадь около церкви Василия Блаженного, снял шапку, взглянул на Кремль, на бесчисленные толпы народа и со слезами стал благодарить бога, что сподобил его увидеть родную Москву. Народ,

видя слезы царя, тоже стал рыдать.

Вопреки легендам, никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и сказал несколько слов, которых от него все ждали. Обливаясь слезами, Лжедмитрий припал к гробу Ивана Грозного и громко объявил, что «отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор».

Обойдя соборы, Лжедмитрий направился в тронный зал и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли строем с развернутыми знаменами под окнами дворца.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец велел заменить всю кремлевскую стражу. Как записал Исаак Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не страшились».

Новому царю потребовался и новый патриарх. Царь Димитрий постановил собрать Священный собор. Собравшись в Успенском соборе Кремля, иерархи православной церкви провозгласили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха потребовалось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле царя, иерархи постановили затем отставить от патриаршества Иова, потому что он «великий старец и слепец, и не в силах пасти многочисленную паству». Патриархом же был единогласно избран рязанский архиепископ Игнатий, хитрый грек, бывший ранее архиепископом на Кипре и пришедший в Россию в царствование Федора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран. Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не Русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей.

Говоря о церковной политике царя Димитрия, стоит заметить, что он вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом Крутицким (Саарским), вторым лицом после патриарха в церковной иерархии. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку.

Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря. Понятно, что имена их всех и судьбу установить сейчас невозможно. Но уже знакомый нам монах Никодим, постриженный в Чудовом монастыре в

октябре 1595 г., сразу же бежал из монастыря. Монах бежал через непроходимые леса на север — в Богоявленский монастырь, что стоял в 11 верстах от города Онеги и прозывался Кожеезерским (в современном произношении — Кожеозерским). Странное название этого монастыря объяснялось тем, что он стоял на берегу озера, очертания которого напоминали расстеленную шкуру (или, как говорили тогда, «кожу»).

Монастырь, стоявший на берегу Кожеозера, был настоящей «пустынью», окруженной дремучими лесами. Даже сейчас он считается самым труднодоступным из всех существующих обителей. Добраться туда можно только пешком по лесной тропе. Что же говорить о далеком XVII веке, когда один-одинешенек брел туда по лесным чащобам преподобный Никодим!..

Что заставило старца бежать? Ведь он когда-то был любимцем Пафнутия, но не бежал, когда царь Борис сместил и сослал его покровителя. А вот теперь, когда Пафнутий стал вторым лицом в церковной иерархии, ударился в бега. Ответ может быть один: он узнал в царевиче инока Григория и решил спасти свою жизнь.

30 июля 1605 г. состоялась коронация царя Димитрия. По обычаю русских царей царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе возле алтаря Отрепьев повторил заученную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу. Чтобы еще раз подчеркнуть свое родство, Отрепьев приказал короновать себя еще один раз у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана Грозного и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову самозванца шапку Мономаха. При выходе из собора бояре осыпали нового царя золотыми монетами.

По обычаю после коронации приближенных царя ожидали награды. Естественно, прежде всего были награждены поляки и верные самозванцу русские худородные дворяне типа Басманова. Кое-что получили и бояре. Федор Мстиславский получил вотчину в Венёве, прощенный Василий Шуйский — волость Чаронду, Богдану Бельскому вернули все его старые вотчины, конфискованные Борисом Годуновым.

Особое внимание самозванец уделил своим «родственникам». Так, Михаил Нагой получил боярство, чин конюшего и большие подмосковные вотчины Годуновых. Но больше всех получили Романовы.

Да ведь мы совсем забыли про Романовых! А ведь их жизнь так

переплетена с казачеством, да и вообще, как мы помним, без них и самой бы Смуты не было.

К октябрю 1604 г. — к моменту вторжения войск самозванца в Россию — все Романовы, за исключением Филарета, оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, а кто вольготно жил в своих поместьях. В частности, восьмилетий Михаил Федорович жил в селе Клин в вотчине отца. Его опекали тетки — Марфа Никитична, вдова Бориса Камбулатовича Черкасского и вдова Александра Никитича Романова. Вместе с Михаилом жила и его сестра Татьяна. Надо ли говорить, что эта дамская компания тряслась над мальчиком и воспитала из него не рыцаря, а слабовольного и капризного барчука.

Сам же монах Филарет, в миру Федор Никитич Романов, тихо поживал в Антониев Сийском монастыре на реке Сие. В монастыре за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инока. Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Как, например, можно ли в келье Филарета жить какому-то «малому», да еще «бельцу», то есть не монаху. Зачем у Филарета жил малый, сейчас сказать трудно. Думаю, что это было выгодно и старцу Филарету, и приставу Воейкову. Малый, видимо, «стучал» на старца и одновременно скрашивал его дни. В целом же вел себя Филарет тихо и богобоязненно.

Но вот до Антониев-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 г. пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 г. царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение «А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: „Увидите, каков я вперед буду!“ Нынешним великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал…»

Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря

и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах — царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну, придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька, и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

В начале июля 1605 г. в Антониев-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

В Москве Романовы получили щедрые награды. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита. А прежний ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причем нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 г. перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал самую высшую церковную должность Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А крутицким митрополитом стал, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета — девятилетний Миша Романов стал стольником. Замечу, что возведение двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну, во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Федора Никитича и Димитрия Ивановича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в

этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол? Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того, зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Димитрия I.

Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод — бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но «качать права» было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть — и московский трон станет собственностью их семейства. На несколько месяцев правления самозванца клан Романовых попросту затих.

В Москве Лжедмитрий наградил и всех казаков, участвовавших в его походе. Казаки, как и поляки, получили огромные суммы. В первые же недели своего царствования Лжедмитрий растратил большую часть казны Московского государства, которая собиралась несколько веков.

Кто-то из казаков сразу же начал спускать деньги в Москве — в корчмах, на девиц из Лоскутного ряда, но большая часть казаков отправилась по домам на Дон и Днепр.

Не забывали казаки и делать вклады в монастыри. Как запорожские, так и донские казаки имели двойственное отношение к религии. С одной стороны, они были ревнителями православия и стойко стояли за свою веру. Вспомним борьбу с католиками и униатами в Малороссии. Значительная часть донских и волжских казаков через полвека пойдет против царя Алексея и патриарха Никона за истинную веру.

А с другой стороны, в ходе походов казаки лихо грабили православные храмы и монастыри, убивали попов и монахов. Но, вернувшись из похода, казак делал вклад в церковь или монастырь, чтобы попы и монахи замолили все его грехи. Немногие казаки доживали до старости, но из тех, кто дожил, значительная часть уходила в монастыри.

По монастырским приходо-расходным книгам можно установить имена казачьих атаманов, прибывших в Москву с Лжедмитрием. Самый большой вклад сделал атаман Корела. Так, согласно записи в книгах Кирилло-Белозерского монастыря, «казак Ондрей Тихонов сын Корела дал 3 золотых да 2 гривны денег». Тому же монастырю на помин души 8 рублей пожертвовал и донской казак Петр Богдан Васильев, новгородец по происхождению. В книге Соловецкого монастыря значится, что «донской атаман Посник Лунев дал вкладу 20 золотых, и те золотые продали и взяли на них 12 рублев». Донской казак Кузьма Максимов дал 2 рубля. Еще несколько казаков дали на молебен 6 золотых ценой 3 рубля 20 алтын.

Как писал А.Л. Станиславский: «…герой обороны Кром атаман Корела остался в Москве, щедро тратя полученное жалованье в московских кабаках. Другой предводитель донских казаков — Постник Лунев — поступил монахом в Соловецкий монастырь»[52].

Глава 7. Царь Василий Шуйский

Царь Димитрий не имел никаких шансов процарствовать хотя бы несколько лет. Писатели-верхогляды любят сравнивать Лжедмитрия I с Петром I. Возможно, внешне есть что-то общее: и потешные игры, и насмешки над боярами, и введение заморских обычаев, и любовь к веселым забавам. Но это лишь внешнее сходство. Деяния Петра на 80 процентов шли на пользу отечеству, а на 20 процентов были фарсом, у Лжедмитрия же фарсом было всё. Петр лишь под конец жизни и в зените славы рискнул объявить себя императором и жениться на чухонке, кстати, много лет ревностно исполнявшей все православные обряды. Гришка же Отрепьев начал свое царствование с того, что объявил себя императором и женился на польке-католичке.

Царь Димитрий не имел никакой опоры в стране, он не мог положиться ни на бояр, ни на дворян и служилых людей, ни на казаков, ни на церковь. Царя поддерживали лишь временные попутчики, как те же казаки и ляхи, пока он осыпал их золотом.

Лжедмитрий пришел к власти в результате просчета боярских группировок Романовых и Шуйских, боровшихся за власть. Причем наиболее активную роль играл клан Романовых.

Василия Шуйского часто упрекают, что он поторопился с переворотом и поторопился напялить на себя корону. Попробуем представить, что Шуйский не поспешил бы с переворотом и коронацией, что бы произошло тогда? Как уже говорилось, по феодальному русскому праву род Шуйских имел не меньше, если не больше прав на владение Русью, чем род Ивана Калиты. А поэтому после падения Лжедмитрия, а он неизбежно пал бы и без участия Шуйского, единственным легитимным правителем мог стать только старший в роду Шуйских, то есть Василий Иванович. Что же, выходит, Василий Иванович в самом деле поторопился? Нет, все его действия в мае 1606 г. были вполне оправданны, поскольку к власти рвались и другое. Можем ли мы хоть на секунду поверить, что Филарет Романов и Ко тихо собирались жить под властью самозванца?

Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организовывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. К ним присоединяется и крутицкий митрополит Пафнутий. Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после

него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло несколько десятков московских дворян и купцов.

Готовясь к войне с Турцией[53], самозванец выслал на южную границу войско под началом Шереметева. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность, по Соловьеву, составляла семнадцать тысяч, по Скрынникову — одна-две тысячи человек. Особого значения это не имеет, поскольку и тысячи ратников хватило бы для государственного переворота. Заговорщикам удалось привлечь новгородцев на свою сторону.

Как ни странно, с инициативой свержения Отрепьева выступила и царица-инокиня Марфа. Ее признание и благословение самозванца произвело огромный пропагандистский эффект. После коронации Отрепьев захотел устроить еще одно такое шоу — торжественно разорить могилу царевича Димитрия в Угличе. Действительно, возникла комичная ситуация — в Москве царствует царь Димитрий Иванович, сын Ивана Грозного, а в трехстах верстах от Москвы в Угличе в Спасо-Преображенском соборе толпы горожан молятся над могилой того же самого Димитрия Ивановича. Это наводило людей на опасные размышления — где же находится настоящий Димитрий. Посему вполне логично было перезахоронить труп мальчика, лежавшего в Спасо-Преображенском соборе, на какое-нибудь захудалое кладбище, соответствующее статусу поповского сына, который якобы был зарезан в Угличе, и тем самым избавить людей от соблазна.

Однако государственная целесообразность и женская логика оказались несовместимыми. Царица Мария устроила бешеную истерику. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына.

Марфа-Мария кинулась за помощью к боярам. Естественно, что бояре для начала сделали вид, что им непонятны причитания царицы по поводу костей какого-то поповича. Пришлось бабоньке популярно все объяснить. Шуйские и Голицыны обещали ей помочь и уговорить самозванца не разорять могилу в Угличе.

В светлую ночь с 16 на 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около двухсот вооруженных москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богоматери и сказал людям, его окружившим: «Во имя божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Лжедмитрий и Басманов были убиты. Затем их трупы раздели и поволокли через Спасские ворота на Красную площадь. Поравнявшись с Воскресенским монастырем, толпа остановилась, чтобы спросить у Марфы: «Твой ли это сын?» Та ответила: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой».

Итак, Шуйский в ночь на 17 мая 1606 г. возглавил переворот. Надо сказать, что операция была проведена вполне грамотно. Заметим, что Василию Ивановичу потребовалось куда больше ума и хладнокровия после убийства самозванца, нежели на начальной стадии переворота. Шуйский всеми силами хотел избежать конфликта с Польшей, поэтому его первоочередной задачей было спасение Марины Мнишек и ее фрейлин, а главное — польских послов.

По приказу Шуйского Марину отбили у восставших москвичей, хотя она перед этим получила хороший урок. В первые же минуты переворота Василий Иванович отправил гонцов к королевским послам Николаю Олесницкому и Александру Гонсевскому передать, что послам опасаться нечего. Но послы и их люди не должны смешиваться с другими поляками, которые приехали с сандомирским воеводой в надежде занять Москву и сделали русским много зла. Гонсевский отвечал: «Вы сами признали Димитрия царевичем, сами посадили его на престол, теперь же, узнав, как говорите, о самозванстве его, убили. Нам нет до этого никакого дела, и мы совершенно покойны насчет нашей безопасности, потому что не только в христианских государствах, но и в бусурманских послы неприкосновенны».

Гонористый пан мог позволить себе вести столь воинственные речи, поскольку к посольству по приказу Шуйского подошел отряд из 500 стрельцов и занял оборону по внешнему периметру ограды дворов.

Шуйскому удалось защитить от избиения москвичами иностранных наемников, находившихся в Кремле. Те быстро оценили намерения заговорщиков и прекратили сопротивление. Шуйский еще ночью связался с их командиром Жаком Маржеретом и предложил перейти к нему на службу. Маржерет, естественно, согласился, ему было абсолютно все равно, кому служить.

До окончания избиения поляков ни один человек из охраны посольства так и не попытался пройти сквозь стрелецкое оцепление, чтобы защитить своих соотечественников.

Василий Шуйский не призывал к убийству поляков, но и не особенно препятствовал делать оное москвичам. Ляхов спасали выборочно. Так, были спасены Юрий Мнишек и князь Адам Вишневецкий. Защищать же все панство у Шуйского не было ни возможности, ни желания. Кроме того, Василий Иванович прекрасно знал, что король Сигизмунд не станет плакать из-за нескольких десятков шляхтичей и нескольких сотен солдат их частных армий. В Польше был рокош[54], и королевские войска воевали с теми же частными армиями.

После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Формально главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедимина. Дед Федора Ивановича Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 г. и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент — все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным.

Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Иван Никитич Романов подъехал к Кремлю лишь через два часа после убийства Отрепьева и присоединился к победителям, а Филарет весь день 17 мая из дома носа не показывал и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только десять лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 г. в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был

против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 г. у клана Романовых шансов на престол было очень мало.

В России при возникновении проблем с наследованием престола после смерти Ивана Грозного или Федора Иоанновича созывался Земский собор, который и избирал царя. Но теперь Шуйские решили обойтись без собора. Предыдущие соборы собирались в присутствии патриарха и в спокойное время. Сейчас же в стране царила смута.

18 мая Голицын, Куракин, Мстиславский и другие конкуренты Шуйского решили на следующий день собрать рано утром народ на Красной площади и выбрать патриарха, а затем провести для избрания царя Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

В ночь с 18 на 19 мая на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М.В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольничих, думных дворян и купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик крутицкий митрополит Пафнутий. Современники утверждают, что подлинным руководителем заговора был Михаил Татищев. Важную роль играл Пафнутий. Видимо, мы никогда не узнаем, что заставило Пафнутия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского.

Ночью было составлено два документа: крестоцеловальная запись князя Василия Шуйского и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Интересно, что в отличие от всех других претендентов на царский престол — Годунова, Отрепьева и Романова — составители записи посчитали излишним доказывать родство Василия Шуйского с родом Ивана Калиты. После ста лет холопства у московского трона Шуйские впервые вспомнили о своем происхождении.

В 6 часов утра 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре — конкуренты Шуйского — вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления, и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Однако Шуйские успели подготовить свою команду. Сотни людей одновременно закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский, «не хотим никаких советов, где Москва, там и все государство. Шуйский — страдалец за православную веру» и т. д.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий увенчал его короной.

Став царем, Василий Шуйский в присутствии всей знати, включая Романовых и Черкасских, заявил, что царь Димитрий был чернецом Григорием, а в миру Юшкой Отрепьевым, служившим Романовым и Черкасским. Обратим внимание, ни тогда, ни потом Романовы даже не пытались опровергнуть это довольно неприятное для них утверждение.

По всем областям государства Российского была разослана грамота от имени бояр, окольничих, дворян и всяких людей московских с извещением о гибели Лжедмитрия и возведении на престол Шуйского: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев, да и мать царевича Димитрия, царица инокиня Марфа, и брат ее Михаила Нагой с братьею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее, царевич Димитрий, умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскую , и людей всех прельстил чернокнижеством; и тот Гришка, за свое злодейственное дело, принял от бога возмездие, скончал свой живот злою смертию. И после того, прося у бога милости, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, также и мы, бояре, окольничие, дворяне, дети боярские и всякие люди Московского государства, избирали всем Московским государством, кому бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в троице славимый бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство, великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестивого, по божией церкви и по православной христианской вере поборателя, от корени великих государей российских, от великого государя князя Александра Ярославича Невского; многое смертное изгнание за православную веру с братиею своею во многие лета он претерпел и боль больше всех от того вора, богоотступника и еретика смертью пострадал».

Новому царю срочно потребовался и новый патриарх. Вполне логично было вернуть в патриархи Иова, находившегося в Старице. Но против кандидатуры Иова решительно выступили Шуйские, которые имели с ним давние счеты. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Недовольные Шуйским бояре и иерархи церкви решили возвести в сан патриарха митрополита Филарета. Почему-то никого не смущало, что всего лишь год назад он был простым монахом и в делах религии себя вообще никак не проявил. В вопросе с патриархом царю Василию пришлось

уступить. Филарет был объявлен патриархом, об этом даже сообщили польским послам.

Но тут хитроумный Василий Иванович разыграл блестящую комбинацию. Он предложил канонизировать царевича Димитрия. За что можно канонизировать больного и озлобленного ребенка? — спросит читатель. А за что канонизировали первых русских святых — князей Бориса и Глеба? Те тоже ничего ни плохого, ни хорошего в своей жизни не успели сделать. Но, видимо, кому-то помешали, и их тоже зарезали при таинственных обстоятельствах. По одной версии, это сделал их брат Святополк, а по другой — опять же их братец Ярослав. А потом внуку Ярослава потребовались святые, чтобы сделать одного деда Мудрым, а другого — Окаянным.

Предложив канонизировать Димитрия и перенести его останки из Углича в Москву, царь Василий одним выстрелом убивал трех зайцев. Во-первых, согласно христианским верованиям, самоубийцу, даже невольного, нельзя сделать святым, поэтому всем придется признать, что Димитрий был зарезан, и этим скомпрометировать Годунова. Во-вторых, торжественное перезахоронение останков царевича, по мнению Шуйского, должно было покончить со слухами, что Димитрий жив. В-третьих, такое важное мероприятие было поручено патриарху Филарету. Филарет должен был привезти прах царевича в Москву. Затем у гроба произойдут великие чудеса, и церковь объявит Димитрия святым. И вот тогда произойдет официальное возведение Филарета в патриархи и венчание на царство Шуйского.

Итак, царь Василий решил на время убрать Филарета из Москвы. Как ни странно, это совпадало и с желанием самого Филарета, поскольку тот хотел иметь алиби. Шуйский и Романов стоили друг друга. Шуйский хотел возвести на патриарший престол архиепископа Гермогена, за которым в Казань был послан гонец еще 19 мая. Филарет же, со своей стороны, вкупе с Ф.И. Мстиславским готовил государственный переворот в Москве, имевший целью свержение царя Василия.

В заговоре против Шуйского участвовали многие представители знати. Естественно, что никаких протоколов заседаний они не вели, и конечная цель переворота — возведение на престол своего царя — вызывает у современных историков споры. По одной версии, на престол должен был взойти кто-то из клана Романовых, по другой — Ф.И. Мстиславский, а третья версия была компромиссной — на престол должен был вернуться шутовской царь Симеон Бекбулатович, жена которого была родной сестрой Ф.И. Мстиславского.

Итак, Филарет отправился в Углич. Его сопровождали астраханский архиепископ Феодосий, бояре Иван Воротынский и Петр Шереметев, брат инокини Марфы Григорий и племянник Андрей Нагие. А в воскресенье, 25 мая, в Москве начался бунт. По официальной версии, царь шел к обедне и внезапно увидел большую толпу, идущую ко дворцу. Толпа была настроена агрессивно, слышались оскорбительные выкрики по адресу Шуйского. Как писал очевидец Жак Маржерет, если бы Шуйский продолжал идти к храму, то его ждала бы та же участь, что и Димитрия. Но царь Василий быстро ретировался во дворец. Там он с плачем обратился к окружившим его боярам, что нет нужды затевать бунт, что если хотят от него избавиться, то, избрав его царем, могут и низложить его, если он им неугоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав боярам царский посох и шапку Мономаха, Шуйский продолжал: «Если так, выбирайте, кого хотите». Бояре растерялись, и никто не решился дотронуться до царских регалий. Растерянность можно объяснить и тем, что среди присутствующих бояр не было главного заговорщика, который в тот момент занимался гробокопательством в Угличе.

Так или иначе, но бояре безмолвствовали. Тогда царь Василий поднял посох, надел шапку и приказал наказать виновных. Возражать ему никто не посмел. Стрельцы разогнали толпу, схватив пятерых крикунов. Их объявили зачинщиками и подвергли на площади торговой казни — нещадно выдрали кнутом. Учинить расправу над самими заговорщиками царю помешала Боярская дума, и Шуйскому пришлось ограничиться полумерами. Было официально объявлено, что князь Ф.И. Мстиславский ни в чем не виноват, а виноваты его родные, которые хотели воспользоваться его именем. Одним из главных виновников был назван боярин Петр Никитич Шереметев, хотя он в день бунта находился в Угличе вместе с Филаретом. Шереметеву было запрещено возвращаться в Москву, его послали в Псков воеводой. М.Ф. Нагой был лишен звания конюшего, но оставлен в Москве. Племянник Филарета (по сестре Марфе) князь Иван Черкасский был лишен звания кравчего. Досталось даже бедняге Симеону Бекбулатовичу. В Кириллов монастырь, где содержался Симеон (монах Стефан), приехал царский пристав Федор Супонев с грамотой царя Василия от 29 мая, в которой приказывалось игумену выдать «старца Стефана» приставу, который должен был отвезти старца «где ему велено». Супонев увез бедолагу татарина в Соловецкий монастырь.

Попытка переворота заставила Шуйского поспешить с венчанием на царство. 1 июня 1606 г. Василий Шуйский венчался на царство в Архангельском соборе. С.М. Соловьев так характеризует Шуйского:

«Новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству»[55].

За неимением патриарха (Филарет был в Угличе, а Гермоген еще не приехал из Казани), в соборе священнодействовал новгородский митрополит Исидор и крутицкий митрополит Пафнутий. Исидор надел на царя крест святого Петра, возложил на него бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия по традиции осыпали золотыми монетами.

А между тем патриарх Филарет обрел мощи царевича Димитрия. При вскрытии могилы Димитрия по собору распространилось «необычайное благовоние». Мощи царевича оказались нетленными — в гробу лежал свежий труп ребенка.

Как отписал царю в Москву Филарет, «глава и власы его (Димитрия. — *А.Ш.*) целы и черное ожерельецо, низанное жемчугом, в левой руке платочек тафтяной, шитый золотом и серебром, в котором завязаны были орешки, данные матерью для играния; но когда заклали его, платочек сей обагрен был кровью; и самые орешки потому были скрыты под землю с телом его. Срачица на нем белого шелка обагрена кровию его; вверху швейная серебром и златом одежда царская, порфира златотканная, опоясан поясом златым, сапоги красного цвета, чулки шелковые прехитро тканные; все сие цело и невредимо обретши».

Итак, все «следственное дело» комиссии Шуйского рушится как карточный домик. Одновременно царевич не только не зарезался, но даже и не играл в тычку, и ножа у него вообще не было, гулял, ел орешки, в правой руке был узелок с орешками, в левой — горсть орехов, а ножа, мол, вообще не было. Так, мол, и похоронили с орехами в левой руке и с платочком в правой.

Заметим, что эта чушь повторялась до самого 1917 г. Так, в 1912 г. некий Д. Лавров (возможно, это псевдоним) писал: «Сохранилось одно литературное произведение, при чтении которого становится неопровержимо ясным, что автор его есть лицо духовное и что оно было участником перенесения мощей. Этот очевидец, в показании которого мы не имеем права заподозрить какую-либо подделку, рассказывает, что когда был вынут гроб и открыт, то оказалось, что в правой руке у царевича — шитый золотом платочек, а в другой руке — зажатые орешки. Вложил их кто-нибудь ему в руку в момент смерти? Но кому могли прийти в голову в момент смятения какие-либо соображения в подделке факта? Царевич был

погребен просто, без всяких церемоний, в том, в чем он был и как он был в момент смерти»[56].

И Филарет, и Лавров рассчитывали на легковерного и малокомпетентного читателя. Ведь Димитрия не просто бросили в гроб, не глядя. Неужто комиссия Шуйского не провела осмотра тела и не заметила орехов?

Шоу в Преображенском соборе убедило далеко не всех. Пошли слухи, что Филарет купил у стрельца сына, которого зарезали, а затем положили в гроб вместо останков царевича. Причем Стрельцова сына звали Романом.

Торжественная процессия с нетленными мощами Димитрия медленно двинулась к Москве. Как писал Д Лавров: «Несли раку люди знатные, воины, граждане и земледельцы. В городах в Ростове и Переяславле мощи царевича встречали и провожали торжественными крестными ходами, так что в действительности это шествие было одним продолжительнейшим и торжественнейшим крестным ходом, какой когда-либо бывал на Руси»[57].

3 июля вблизи села Тайнинского состоялась встреча процессии с царем Василием и боярами, которые шли пешком, чтобы встретить за городом мощи настоящего сына Ивана Грозного. За царем и боярами следовало духовенство и толпы горожан. Затем произошла сцена, достойная кисти самого великого художника. Гроб был открыт, и инокиня Марфа увидела… свежий труп. Бывшая царица должна была опознать своего сына, как она год назад «опознала» живого Димитрия на том же самом месте. Марфа, видавшая виды, тут от ужаса не сумела произнести ни слова. Теперь ей придется плакать над гробом чужого ребенка, а прах ее единственного сына выброшен и уничтожен.

Спасая положение, царь сам подошел к гробу, совлек царскую червленую багряницу, опознал царевича, поцеловал мощи и повелел гроб закрыть. Процессия торжественно проследовала к Москве Гроб с телом «царевича» несколько часов стоял на Лобном месте на Красной площади, а затем был перенесен в Архангельский собор. Причем царь Василий лично поддерживал носилки с гробом.

За это время инокиня Марфа пришла в себя, а кроме того, ей намекнули на серьезные неприятности, если она будет упрямиться. Поэтому в Архангельском соборе она нашла силы громогласно объявить, что в гробу находится ее сын. Марфа красочно покаялась, что признала сыном вместо страстотерпца Гришку-расстригу, она-де боялась, чтоб Гришка «не нанес ссыльного гонения и нестерпимой нужды злыми обидами».

Гроб был помещен в склеп рядом с могилой Грозного. Через несколько часов монахи подвели к гробу Димитрия слепого. Слепой помолился у гроба и вдруг прозрел. Всего в день захоронения в Архангельском соборе у гроба излечилось 13 человек. Смертельно больные люди вскакивали с носилок, хромые бросали костыли, горбатые выпрямлялись и т. д. На следующий день исцелилось 12 человек и т. д. При каждом новом «чуде» звонили все московские колокола. Толпы народа осаждали двери Архангельского собора. По приказу царя составили грамоту с описанием чудес Димитрия Угличского и разослали ее по городам. Однако противники Шуйского постарались испортить красивый спектакль. В собор был доставлен настоящий больной при последнем издыхании, он дотронулся до гроба и умер. После инцидента доступ к мощам был прекращен. Московские колокола смолкли.

Тем не менее царь Василий разослал по всем города грамоту, в которой пространно изложил обстоятельства перенесения мощей царевича Димитрия, а также засвидетельствовал его мученическую смерть по вине Бориса Годунова.

Но мы забыли о Филарете, и это неудивительно — о нем забыли все. «Мавр сделал свое дело» — привез мощи, «мавр должен уйти». При встрече в Тайнинском Филарет остолбенел не менее Марфы. Та увидела чужой труп, а он… патриарха. Да, да! Вместе с царем шел и патриарх Гермоген. Правда, он еще не был возведен в сан собором и формально являлся кандидатом в патриархи. Но это были пустые формальности, и в ряде документов при захоронении мощей Димитрия Гермоген фигурирует как патриарх.

На нового патриарха, твердого в вере и большого патриота земли русской, царь Василий вполне мог положиться, а Филарету предложил малой скоростью ехать в свою ростовскую митрополию — он ведь по-прежнему митрополит Ростовский.

Глава 8. Казаки с Болотниковым и без него

Ценой больших усилий царю Василию удалось укрепить свою власть в столице. Совсем иначе дела складывались в провинции. Жители юго-западных городов — Путивля, Чернигова, Кром и других — наотрез отказались присягать новому царю. Там правили воеводы — сторонники Лжедмитрия.

По всей стране распространялись слухи, что Димитрий не был убит в Москве, а скрылся и вот-вот объявится. В какой-то мере распространению таких слухов способствовали действия царя Василия.

Так, глупости и противоречия царской грамоты, разосланной по всей стране с объяснением причин переворота 17 мая 1605 г. и мотивировками воцарения Шуйского вызывали серьезные подозрения как у воевод, так и у простых горожан.

В день переворота трупы Отрепьева и Басманова сторонники Шуйского отволокли на Лобное место, раздели донага, да еще на Отрепьева надели страшную маску, в которой тот собирался быть на маскараде. Никто не подумал, что народ, привыкший видеть царя в роскошных одеяниях, не будет ассоциировать его с изуродованным трупом, да еще с закрытым маской лицом. Сразу же начались разговоры, что убитый совсем не похож на царя Димитрия. Через три дня Басманова похоронили в церкви Николы Мокрого, а Отрепьева — в убогом доме за Серпуховскими воротами. Но по Москве поползли разные слухи: говорили, что сильные холода стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилой творятся чудеса. Тогда труп самозванца вырыли, сожгли в деревне Котлы и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда он пришел.

В итоге значительная часть южных городов России отказалась присягать царю Василию. Верными «царю Димитрию Ивановичу» остались Рязань, Карачев, Ливны, Орёл, Венёв, Михайлов, Волхов, Ряжск, Кашира, Алексин, Льгов, Делилов и Епифань.

Самым же неприятным для Василия Шуйского было то, что в украинных крепостях по приказу появившегося позже Лжедмитрия II были собраны отряды дворян и казаков, предназначавшиеся для похода в Крым.

Так, большой отряд дворян и казаков дислоцировался в крепости Елец. Там движение против царя Василия возглавил сотник, сын боярский Истома Пашков. Судя по всему, Истома — это прозвище, а настоящее имя — Филипп Иванович. Происхождение свое мелкий дворянин (у самого

Истомы было только два села) вел от польского шляхтича Григория Пашкевича, поступившего на службу к Ивану Грозному. Отряду Пашкова вскоре удалось овладеть Тулой, Венёвым и Каширой.

Значительную часть Рязанщины взяли под контроль воевода Григорий Сунбулов и дворянин Прокопий Ляпунов с братьями. Доминировали в их войсках дворяне, но и казаков там хватало (от пятой части до четверти всех ратников).

Лжедмитрий I дал льготы касимовскому хану Урус-Мухаммеду. По этой, а может, по другим причинам хан и его Городецкие казаки (касимовские татары) тоже не признали царя Василия.

Очаги восстания вспыхнули по всей стране. Так, на далеком Тереке атаман волжских казаков, уже знакомый нам Федор Волдырь, выдвинул нового самозванца — царевича Петра. На самом деле это был бродяга Илья, сын муромской проститутки Ульяны, которая ушла от мужа и прижила Илью от посадского человека Ивана Коровина. Подросший Илья поначалу торговал яблоками у нижегородского купца Грозильникова. Позже это занятие Илье надоело, и он подался в Казань на Волгу, а затем на Терек. На Тереке Илейке-Петру удалось собрать большой отряд гулящих казаков. Самозванец рассказал им фантастическую историю, будто Ирина Годунова, жена царя Федора Иоанновича, была беременна, но очень боялась своего брата, Бориса Годунова, который уже метил на царство. И вот, родив в 1592 г. сына, она подменила его девочкой, чтобы коварный Борис не извел младенца. Сына же она отдала на воспитание дьяку Андрею Щелкалову и князю Мстиславскому. Царевич рос у жены Щелкалова полтора года, затем его отдали Григорию Васильевичу Годунову, тоже посвященному в тайну. У него царевич прожил два года, а потом его перевезли в монастырь под Владимиром, где игумен научил его грамоте. Когда царевич освоил грамоту, игумен написал об его успехах Григорию Васильевичу Годунову, считая его отцом мальчика. Но Григорий Годунов к тому времени уже умер, а его родные отписали, что «у родича нашего не было сына, не знаем, откуда взялся этот мальчик». Заинтригованные родные обратились за разъяснениями к Борису Годунову, и Борис написал игумену, чтобы тот прислал мальчика к нему. Царевича повезли в Москву, но по дороге он, почувствовав недоброе, сбежал, какое-то время жил у князя Барятинского, а затем ушел к казакам, где и объявил о себе.

Целью Федора Болдыря было просто собрать под знамена самозванца побольше казаков и отправиться вместе с ними вверх по Волге грабить купеческие караваны и небольшие городки. Первоначально отряд Болдыря состоял из 300 казаков, а к весне, по сведениям Маржерета, их число

достигло 4 тысяч. Это явное преувеличение, но тысячи две было.

О появлении самозванца донесли царю Димитрию. Реакция его была совершенно необъяснима. В конце апреля 1606 г. царь послал к казакам дворянина Третьяка Юрлова с грамотой, где говорилось, что если называющий себя Петром и в самом деле царевич, то царь ждет его у себя в Москве, а если «он чувствует за собой, что он не царевич», то пусть лучше быстрее убирается из Московского государства. К грамоте прилагалась подорожная, где предписывалось выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути до Москвы.

«Царевич Петр» встретил Юрлова с грамотой в Самаре и двинулся дальше, говоря всем, что он едет в Москву к своему дяде царю. В Свияжске «царевич Петр» узнал о смерти Димитрия и воцарении Василия Шуйского. Теперь Петра в Москве однозначно ждала плаха, а то и кол. Поэтому «царевич» со своей ватагой повернул обратно. Обманом казаки проскочили Казань и отправились вниз по Волге-матушке, грабя встреченные суда и прибрежные городки.

17 июня 1606 г. началось восстание в Астрахани, которое возглавил… местный воевода князь Иван Дмитриевич Хворостин. Стрельцы и казаки убили дьяка Афанасия Карпова и какого-то Третьяка Кашкарова, которые пытались привести их к присяге новому царю Василию Шуйскому.

По одной из версий, еще Лжедмитрий I решил сместить воеводу Хворостина и заменить его Ф.И. Шереметевым. Вот воевода и взбунтовался. Между тем Шереметев с отрядом стрельцов подошел к Астрахани, однако взять ее не смог и два года простоял в 18 верстах от города на острове Балчике. Шуйский же подтвердил назначение Шереметева астраханским воеводой. В октябре 1607 г. Шереметев отошел в Царицын, а далее вообще был отозван с низовых городов.

За несколько месяцев царствования Лжедмитрия резко возросло число нападений волжских казаков на купеческие караваны. 29 декабря 1606 г. в Кракове послы царя Василия, обличая самозванца перед панами, помимо прочего заявили: «Многих торговых людей, которые шли с Москвы и многих городов в Асторохань, а из Асторохани шли в судех вверх к Козани, побивали и пограбили, и многие товары и денги и несчетную казну взяли — больши десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больши 300 000 рублев»[58].

Судя по всему, в Астрахани после 17 июня 1606 г. стали заправлять казаки. Купцы боялись ехать туда торговать. Исаак Масса пишет, что в лагере Ф.И. Шереметева на Балчике «было примерно полторы тысячи купцов из Астрахани и других мест по берегам Каспийского моря,

бежавших туда со всем своим имением»[59].

Масса явно преувеличивал количество купцов, в цифрах он постоянно путался, но сам факт ухода купцов к Шереметеву, то есть к законной власти, неоспорим.

Сам же Ф.И. Шереметев в своей отписке Василию Шуйскому указывает, что он лишен возможности давать царево «жалованье» ногайским князьям, так как «в твоей государеве казне платья нет, а торговые люди все вверх поехали, а которые немногие остались на Царицыне, и у тех никаких товаров нет».

6 сентября 1606 г. в Москву царю Василию была послана грамота, в которой говорилось, что «приходили под городок (острог на острове Балчик, построенный Ф.И. Шереметевым. *А.Ш.*) твои государевы изменники астраханские люди, и терские, и волские, и донские, и яицкие казаки». Судя по всему, нападение было отбито.

Чтобы более не возвращаться к ситуации на Нижней Волге, стоит сказать и о появлении в 1608 г. в Астрахани сразу трех самозванцев: «един назвался Август, царя Ивана сын, другой же назвался Осиновик, сын царевича Ивана, а третей назвался Лавер, царя Федора Ивановича сын».

Надо ли говорить, что все царевичи были ставленниками волжских казаков, и их «войска» состояли в подавляющем большинстве из тех же казаков.

Интересны данные о походе «царевича» Ивана (Августа) вверх по Волге на Саратов, сообщенные нам «Карамзинским хронографом»: «Того же 116 году на Саратове с ратными с низовых городов были воеводы Замятия Иванович Сабуров, да товарищ ему был Володимер Володимеров сын Аничков, а с ними ратные люди. И под Саратов приходили воры из Астрахани, а с ними был вор назывался царевичем Иваном Ивановичем царя Ивана Васильевича сыном; и к Саратову русские воры приступали ж с такими приступы, и в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на выласках астраханских воров многих побили, и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми на Астрахань»[60].

Однако жизнь всех троих царевичей закончилась печально. Одного из них еще на Волге повесили сами казаки. Двух других отправили с отрядом волжских казаков в Тушино. Там Лжедмитрий II не пожелал признать «родственников» и велел их тоже повесить.

Восстания против царя Шуйского поздней осенью 1606 г. охватили район Нижнего Новгорода по обеим сторонам Волги и Оки. Причем

восстания эти не были скоординированы, а их вожди преследовали различные цели. Так, на Волге действовали шайки мордвинов, неких Москова и Вокорлина. В городке Царевококшайске поднял мятеж местный стрелецкий голова Иван Борисович Доможиров. Его отряд осадил Нижний Новгород. К Доможирову присоединился и князь Иван Дмитриевич Болховский. Однако сам Нижний Новгород остался верным царю, а его жителям удалось отсидеться от «воров» в осаде.

Восстания против Шуйского в Вятке и Пскове выходят за рамки нашей работы. Тем не менее и так ясно, что по крайней мере треть страны не признала нового царя. Россия напоминала слоеный пирог — один город признает царя Василия Шуйского, а в двух десятках верст действуют его противники.

Таким образом, советские историки совершили двойной подлог. Во-первых, они вычленили действия Ивана Болотникова из общего контекста гражданской войны на Руси. А во-вторых, они представили дело так, что, мол, Иван Болотников восстал, и только после этого (!) всякие там Истомы Пашковы и Прокопии Ляпуновы с Ко выступили против Василия Шуйского. На самом деле Иван Болотников явился, когда полстраны было уже охвачено пламенем гражданской войны.

В советское время Ивана Исаевича Болотникова объявили «предводителем крестьянской войны» и «защитником угнетенных». Именно им открывали пантеон народных вождей, за ним следовали Кондрат Булавин, Степан Разин и Емельян Пугачев. В школьных учебниках восстание Болотникова выделили в отдельную главу, которая шла в ином разделе, чем остальные события Смутного времени.

Болотников происходил из бедной дворянской семьи из Подмосковья. Род свой Болотниковы вели от дворянина Савлука Болотникова, приехавшего на службу к Василию III из Литвы. В 80-х годах XVI века Иван Болотников разорился и поступил на службу к князю Андрею Андреевичу Телятевскому боевым холопом. Он быстро выслужился и возглавил дружину князя. Позже бежал к казакам. В ходе одного из казацких походов на Крым Болотников попал в плен к татарам, которые продали его туркам. Так Болотников стал гребцом на турецкой галере. Условия жизни гребцов были невыносимыми. Недаром слою «каторга» пошло от названия одного из типов турецких галер — каторги. В Средиземном море турецкую галеру захватили австрийские корабли, и Болотников оказался в Венеции. Из Венеции Болотников перебрался в Польшу. В Самборе родственники Мнишека свели его с Михаилом Молчановым[61], которого паны готовили на роль царевича Димитрия.

Молчанов жил на содержании жены Юрия Мнишека. Один из друзей Мнишека, Вилевский, участник похода на Москву, заявил, что у Димитрия было два двойника — некто Барковский и племянник князя Мосальского. Они были похожи на царя как две капли воды, исключая разве что знаменитую бородавку. В день переворота убит был не Димитрий, а Барковский, а царю удалось убежать из Москвы. С письмом от «царя Димитрия» Иван Болотников направился в Путивль к князю Г. П. Шаховскому.

Григорий Шаховский, которого царь Василий по глупости поставил воеводой в Путивле, сумел распропагандировать горожан в пользу «воскресшего Димитрия». Прибытие Болотникова из Польши было на руку Шаховскому. Будучи сам не особенно сведущ в военном деле, Шаховский назначил Болотникова главным воеводой войска «царя Димитрия».

Вслед за Путивлем на сторону Димитрия встали и другие северские города. Интересно, что в Чернигове воеводой был князь Андрей Телятевский, бывший господин Болотникова. Телятевский в свое время не хотел переходить на сторону Лжедмитрия I, а теперь стал под знамена Лжедмитрия II, о котором еще никто не знал ничего путною. По мнению С.М. Соловьева, тут сыграли определенную роль личные взаимоотношения Телятевского и Василия Шуйского. Я же думаю, что тут дело в знакомстве Телятевского и Болотникова.

К Ивану Болотникову в Путивль собрались толпы всевозможного люда. Среди них были и ратные люди, ранее служившие в северских городах, и посадские люди, и крестьяне, и казаки.

Шаховский отправил гонца к казакам «царевича Петра», гулявшим к тому времени на Северном Донце. На Волге шайка волжских казаков разграбила караван царских стругов с посольством к персидскому шаху Аббасу. Главный посол князь Ромодановский был убит. Опасаясь ответных мер со стороны царских воевод казачья шайка перекочевала на Северный Донец.

Гонец Шаховского торжественно заявил «царевичу»: «Иди, царевич Петр, воевать за царя Дмитрия и за себя против похитителя престола Шуйского!» «Царевича» и его компанию долго уговаривать не пришлось, казаки быстро снялись с места, по дороге разграбили городок Царев-Борисов, а затем городок Оскол, и явились в Путивль.

«Царевич» был поначалу несколько смущен тем, что вместо «дяди Димы» там всем заправляли Болотников и Шаховский. Однако, в конце концов, они поладили, хотя вопрос «кто главней» так и остался открытым.

Григорий Шаховский назначил Ивана Болотникова командиром 12-

тысячного отряда «воров» и отправил «именем царя Димитрия» разорять Комарицкую волость. К Болотникову присоединились два брата князья Мосальские, его бывший хозяин князь Андрей Телятевский, князь Михаил Долгоруков, отряд поляков под началом пана Хмелевского и дворянское ополчение из южных городов во главе с елецким сыном боярским Истомой Пашковым. К Болотникову же присоединился и казачий отряд «царевича Петра».

Русские и иностранные современники характеризовали Ивана Болотникова как «начальника и воеводу восставших», «полководца». Называли «большим заводчиком» и «главным атаманом», но в то же время подчеркивали его подчиненное положение по отношению к «царю Димитрию» и «царевичу Петру»: он — «гетман царя Димитрия» или «боярин царевича Петра».

В русских источниках, вышедших из правительственных кругов, из дворянской среды, его называли не иначе как «вор». Иностранные же современники, например Конрад Буссов, отдают ему должное. Болотников, по словам Исаака Массы, «удалец», «отважный витязь», «отважный воин». Буссов считает его мужественным и энергичным вождем, человеком своего слова, которое он сдержит даже под угрозой смерти. «Достойнейший муж и сведущий в военном деле», — говорил о нем елассонский архиепископ Арсений.

В течение лета 1606 г. к восстанию присоединились десятки русских городов. Исаак Масса пишет, что это были города Северской земли и Комарицкой волости, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие. Все города, «вплоть до самой Москвы, вновь присягнули Димитрию».

Узнав об убийстве Лжедмитрия I, «царевич Петр», бывший к тому времени на Дону, понял, что настал его час, и двинулся наверх. Для начала его войско вместе с примкнувшими донскими казаками захватило городок Царев-Борисов, а затем — Оскол. После этого Петр Федорович прибыл в Путивль, где соединился с войском Болотникова.

Сначала царь Василий Шуйский действовал против повстанцев только пропагандистскими методами. Для этого он послал в Северскую землю митрополита Крутицкого Пафнутия с увещеваниями. Но восставшие города не пожелали открыть ворота Пафнутию с братией. В Елец был послан боярин Михаил Нагой с грамотой своей сестры царицы Марфы и с образом святого мученика царевича Димитрия. Но эти действия успеха не имели, так как большинству бунтовщиков было наплевать, жив ли Димитрий или нет, их интересовал лишь грабеж. Сколько ни пытались

советские историки, им не удалось найти хоть намек на то, что Иван Болотников и «царевич Петр» хотели освободить крестьян.

Подлинные грамоты, рассылаемые по городам Болотниковым, до нас не дошли, но сохранился интересный отзыв о них патриарха Гермогена. Передавая содержание «воровских листов», рассылаемых из стана Ивана Болотникова в Москву и по другим городам, патриарх говорил, что эти листы внушают дворне бояр и детей боярских, а с нею и всякой черни «всякие злыя дела на убиение и грабеж». Мятежники «велят боярским холопам побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безымянником-вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Вот ужас!

Попросту говоря, Иван Болотников призывал не к уничтожению крепостного права как такового и освобождению крестьян, а лишь обещал наиболее активным своим сторонникам сделать их помещиками вне зависимости от происхождения. Таким образом, в случае победы «народного вождя» Болотникова, крестьяне, не принимавшие участия в боевых действиях, получили бы не свободу, а новых помещиков.

Войско Ивана Болотникова несколько упрощенно можно назвать казацко-дворянской армией. Естественно, дворян численно было гораздо меньше, чем казаков, но они были лучше вооружены и обучены и, как правило, руководили действиями отрядов. Кстати, дети боярские из украинных городков мало чем отличались от городовых казаков.

У Болотникова было довольно много донских казаков. Так, в апреле 1607 г. в тюрьме Разрядного приказа находился схваченный под Калугой донской атаман Сазыка Карево. Донскими же атаманами были Иван Деревня, Михаил Шляк и Панкрат, также находившиеся в это время в тюрьме и взятые оттуда на время для очной ставки с Сазыкой Карею.

В войске Болотникова впервые в большом количестве состоят «воровские» казаки. Не побоюсь показаться нескромным, но этот термин введен мной. Я так называю крепостных крестьян, подавшихся в казаки. Советские и дореволюционные историки называли их «восставшими крестьянами», «холопами», «казаками» и т. д. Но все эти термины не соответствовали их положению. В многочисленных боях и походах «воровские» казаки обретали опыт владения оружием и азы тактики, и в этом отношении мало отличались от донских или запорожских казаков. Однако цели у них были разные. Запорожцы и донцы в подавляющем числе своем не собирались оставаться в России, а, захватив «дуван», предпочитали отправляться восвояси. Большинство же «воровских»

казаков не желало уходить в дальние неизвестные края. Их мечтой, как уже говорилось, было изменение своего статуса.

Ряд историков рассматривает систему «приставов», введенную кое-где в ходе движения Ивана Болотникова. Так, блестящий источниковед А.Л. Станиславский пишет: «Сохранилось очень мало сведений об организации казаков в повстанческой армии и порядке их обеспечения. Известно, что в Речи Посполитой служилые люди всех категорий в XVI–XVII вв. в качестве вознаграждения за службу нередко получали или забирали силой определенные территории в кормления — приставства (ср. польские przystawac — приостанавливаться, przystanek — остановка, стоянка). Возможно, этот обычай принесли с собой еще отряды украинских казаков и польско-литовской шляхты, пришедшие в Россию с Лжедмитрием I. Однако первый намек на распространение в России приставств можно усмотреть в известии, относящемся ко времени восстания Болотникова: в 1607 г. расположенным в Козельском уезде и принадлежавшим Иосифо-Волоколамскому монастырю селом Вейна „завладели“ казаки. Конечно, казаки могли получить несколько поместных „жребиев“ в монастырском селе, но скорее всего указание на коллективное владение казаками одним населенным пунктом свидетельствует именно о приставстве. Приставство обычно означало для населения особо жесткую форму эксплуатации, хотя иногда между ратными людьми и местным населением устанавливались и дружеские отношения. Так, попавшего в 1618 г. к полякам в плен воровского крестьянина О. Петрова „отпустил… от литовских людей знакомый литвин Долинский… потому что тот литвин в московское разоренье был у них на приставстве“. Некоторые монастыри во время восстания Болотникова и позднее выплачивали казакам определенные суммы денег в обмен на гарантии неприкосновенности своих владений»[62].

Эти приставства в советское время объявляют чуть ли не новой формой взаимоотношений в деревне. На самом деле этих приставств было очень мало, о скудности сведений о них пишет и сам уважаемый АЛ. Станиславский. А главное — война носила маневренный характер и отдельные отряды болотниковцев не могли длительное время находиться на одном месте и нормализовать эту систему. Ну, а с другой стороны, пусть мне кто-нибудь из ученых мужей объяснит, чем приставства отличаются от банального рэкета.

По приказу царя Василия князь Иван Михайлович Воротынский осадил Елец, стольник князь Юрий Трубецкой — Кромы. Но на выручку Кром явился Болотников. Он во главе отряда в 1300 человек напал на 5-тысячное царское войско и наголову разбил его. Казаки-победители

насмехались над побежденными, называли их царя Василия Шуйского «шубником». Моральный дух царского войска после поражения сильно упал, многие дворяне и их ратные люди начали самовольно покидать полки. В итоге воеводы Иван Воротынский и Юрий Трубецкой вынуждены были двинуться назад к Москве. Уход войск сделал восстание на юге повсеместным.

В августе 1606 г. под Ельцом Ивану Болотникову удалось разбить царское войско под началом князя И.М. Воротынского.

К концу октября 1606 г. войска «гетмана» Болотникова и «царевича Петра» подошли к Москве. К ним присоединился отряд рязанских дворян во главе с Прокопием Ляпуновым. Пала Коломна. 25 октября у села Троицкого в 40 верстах от Москвы войска Василия Шуйского вновь были разбиты. Вскоре передовые отряды болотниковцев закрепились в деревне Заборье недалеко от Серпуховских ворот, а главные силы (около 20 тысяч) стали лагерем в районе деревни Котлы и южнее — в селе Коломенском.

15 ноября 1606 г. казаки попытались штурмовать Замоскворечье. Им удалось прорваться внутрь укреплений, выстроенных Скопиным напротив Серпуховских ворот. Но в этот момент изменил Прокопий Ляпунов и с пятью сотнями рязанцев переметнулся на сторону неприятеля, и бунтовщики отступили.

Царь Василий Шуйский попытался вступить в переговоры с Иваном Болотниковым. Но тот не прельстился деньгами и боярским чином и отвечал Шуйскому: «Я дал душу свою Димитрию и сдержу клятву, буду в Москве не изменником, а победителем».

1 декабря 1606 г. молодой воевода, ему было чуть более двадцати лет, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский собрал полки у Данилова монастыря и двинулся к селу Коломенскому. Болотников выступил ему навстречу, и у деревни Котлы начался встречный бой. Перед сражением около пятисот дворян во главе с Истомой Пашковым вновь изменили и перешли на сторону царских войск[63].

Измена Пашкова вызвала замешательство в рядах повстанцев. Иван Болотников потерял управление над войском и начал отступление. Московские воеводы хвалились, что было убито тысяча повстанцев и взято в плен двадцать тысяч. Цифры эти, разумеется, дутые, но разгром войска Болотникова был полный. Князь Скопин-Шуйский допустил серьезную ошибку — вместо того, чтобы преследовать Болотникова, он занялся осадой казацкого острожка вблизи села Коломенского. Три дня московские воеводы безрезультатно вели обстрел острога из пушек На четвертый день была устроена ядрокалильная печь, и калеными ядрами удалось зажечь

деревянный острог. Часть казаков сдалась, а часть с боем прорвалась и ушла.

Тем временем Иван Болотников отступил к Серпухову. Там он собрал горожан и спросил, есть ли у них столько съестных припасов, чтобы хватило на целый год и себе, и войску? Если есть, то он останется в Серпухове и будет дожидаться царя Димитрия, если нет, то уйдет. Горожане ответили, что им и для себя на целый год припасов нет — не то что для войска. Тогда Болотников пошел дальше и засел в Калуге, жители которой согласились содержать войско в течение года.

Вскоре к Калуге подошло московское войско во главе с братом царя князем Иваном Ивановичем Шуйским. Калуга была осаждена, но болотниковцы отбили все приступы. Шуйский послал на помощь брату новое войско под начальством воевод князей Ф. И. Мстиславского, М.В. Скопина-Шуйского и Б.П. Татева. Однако новый штурм Калуги тоже кончился неудачей.

На помощь Болотникову двинулся князь Василий Рубец-Мосальский и был перехвачен царскими воеводами Иваном Никитичем Романовым и князем Данилой Ивановичем Мезецким. Сторонники самозванца были разбиты, а сам князь Рубец-Мосальский убит.

Царь Василий Шуйский решил обезглавить восставших и убить Болотникова. Для этого был избран немец Каспар Фидлер. Немца заставили поцеловать крест и дать клятву: «Во имя пресвятой и преславной троицы я даю сию клятву в том, что хочу загубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишит меня господь навсегда участия в небесном блаженстве, да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать святого духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на божию помощь и святое евангелие».

Царь дал Фидлеру лошадь и 300 рублей ежегодного жалованья. Но Фидлер, приехав в Калугу, рассказал все Болотникову и отдал ему свой яд.

Тем временем положение осажденного в Калуге Болотникова стало затруднительным как в военном, так и в психологическом отношении. Ведь война шла ради спасения царевича Димитрия, а о нем не было ни слуху ни духу. «Гетман» Болотников писал в Польшу, предлагал за помощь значительную часть русских земель: «От границы до Москвы все ваше придите и возьмите, только избавьте нас от Шуйского».

Тщетно Григорий Шаховский умолял Михаила Молчанова явиться в Путивль под именем Димитрия, тот не соглашался. Тогда Шаховский велел

задействовать казацкого самозванца «царевича Петра», который по-прежнему отсиживался в Путивле.

Отряды «царевича Петра» и Шаховского объединились и двинулись из Путивля к Калуге. К ним присоединилось 3 тысячи запорожских казаков. Кроме того, из Тулы к Калуге двинулся отряд «воров» под командованием князя Андрея Андреевича Телятевского.

Под селом Пчельна Телятевский разбил отряд воеводы Б.П. Татева, высланный против него Шуйским. Весть об этом поражении посеяла панику в войске Мстиславского, и Мстиславский поспешно отступил от Калуги. Причем 15 тысяч человек из армии Мстиславского перешли на сторону Болотникова, который, воспользовавшись этим, покинул Калугу и соединился в Туле с «царевичем Петром», чтобы дальше действовать совместно.

Тогда Шуйский принял решительные меры: разослал строгие приказы собирать служилых людей. Монастыри и церкви также должны были выставить ратников. Собралось около 100 тысяч человек, и этим войском царь Василий решил предводительствовать сам.

21 мая 1607 г. Василий Шуйский повел свою рать в поход. Однако царь дошел лишь до Серпухова и там застрял на две недели. Передовые силы царской армии под командованием боярина Андрея Васильевича Голицына стояли у Каширы. Болотников и Андрей Телятевский решили внезапным ударом разгромить полки Голицына, а затем идти на Серпухов. Рано утром 5 июня 1607 г. казачьи отряды переправились через реку Восму и атаковали царские войска. Сражение с переменным успехом длилось целый день. Наконец Голицын форсировал Восму и контратаковал противника. Лихая фланговая атака рязанской конницы под началом Прокопия Ляпунова решила дело. Болотников и Телятевский с частью своего воинства бежали в Тулу. Остальные казаки, пока воеводы преследовали бежавших, наспех соорудили в овраге укрепление и засели там. Два дня воеводы держали казаков в осаде, дожидаясь, когда у них кончатся припасы, а потом полки пошли на приступ. Казаки бились насмерть, пока у них были порох и пули. В Восемской битве Голицыну удалось взять 1700 пленных, а 4000 «воров» перешли на сторону правительственных войск.

Следует заметить, что воеводы Василия Шуйского уже менее жестко относились к казакам Болотникова, нежели годуновские воеводы к казакам Отрепьева. Так, в одной из разрядных книг оказался документ по «разбору» отряда казаков, который сдался царским воеводам в конце 1606 г. в деревне Заборье. «Разбором» в те времена называлась аттестация на пригодность к военной службе. Судя по всему, большинство «заборских» казаков были

приняты на государеву службу. В Латухинской степенной книге говорится, что царь указал «заборским» казакам «корм давати и на службу их посылати под городы с воеводами». Также царь Василий некоторых казаков, оказавших ему важную услугу, жаловал поместными и денежными окладами. Так, атаман «вольных» казаков Иван Гремыкин, в начале 1607 г. в Можайске перешедший на сторону Шуйского вместе со своим отрядом, был жалован поместным окладом в 150 четвертей и денежным в 6 рублей[64].

12 июня войска А.В. Голицына и М.В. Скопина-Шуйского осадили Тулу. С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Ее мощный каменный кремль был сооружен на реке Упе в начале XVI века. Город также имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым: город находился в низине и при определенных условиях мог быть затоплен.

В Туле заперлись до 20 тысяч повстанцев, кстати, среди них было до сотни немецких наемников. Болотников организовал активную оборону города. Как гласит летопись: «Из Тулы вылазки были на все стороны на всякий день по трижды и по четырежды, а все выходили люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали». Василий Шуйский со своими людьми, «недомысля, что сотворити граду», оказался в затруднительном положении.

Выручил царя муромский сын боярский Иван Кровков, предложивший запрудить реку Упу, «и вода, де, будет в остроге и в городе, и дворы потопит, и людем будет нужда великая и сидеть им в осаде не меть. И царь Василий Иванович велел ему Тулу топить».

В августе 1607 г. началось строительство плотины на Упе, немного ниже Тулы, между устьем реки Вороньей и селом Клин. Воздвигнутая по проекту Кровкова плотина стала незаурядным для своего времени инженерным сооружением. Главными помощниками у Кровкова были мельники, умевшие строить плотины. На строительство были выделены большие средства. Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом, болотистом пологом берегу надо было соорудить «заплот» (дамбу) длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне.

На строительстве плотины работали посошные люди, присланные из разных уездов. Летом 1607 г. деньги на оплату работы посошных людей собирались в Сольвычегодском и Ярославском уездах, на Белоозере и в

других местах. Посошная повинность распространялась на все категории землевладения: черные, дворцовые и церковные земли, владения дворянских вдов, недорослей, неслужилых детей боярских и др. Норма повинности была очень высокая и составляла «с сохи… по три человека конных да по три человека пеших, а запас тем ратным людем велено имати на два месяца».

Разрядный приказ надеялся, что царские войска управятся с Тулой за два месяца, но осада затянулась, и царь приказал привлечь к земляным работам не только посошных людей, но и ратников из состава полков. Им было велено «со всякого человека привести по мешку з землею». «Карамзинский хронограф» сообщает по этому поводу: «Секли лес и клали солому и землю в мешках рогозинных и вели плотину по обе стороны реки Упы, и делали плотину всем и ратными с окладов».

К осени 1607 г. обе стороны оказались в очень сложном положении. В царском войске многие дворяне и дети боярские стали покидать полки и разъезжаться по своим усадьбам. В.Н. Татищев писал в своей «Истории Российской с самых древнейших времен»: «Царь Василий, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, не знал, что делать; оставить его (город) был великий страх, стоять долго боялся, чтобы войско не привести в досаду и смятение; силою брать — больший был страх: людей терять». Серьезную опасность для царя представляло и большое скопление посошных крестьян в лагере осаждающих, многие из которых симпатизировали Болотникову.

И вот к концу сентября плотина была достроена. (Кстати, ее остатки до сих пор сохранились в Заречье.) Начался подъем воды, и к утру она затопила город. Наводнение уничтожило последние запасы продовольствия, «и людям от воды учала быть нужа большая, а хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало». Наступил страшный голод. Летописцы говорят, что «люди съели кошек, мышей и прочую скверну». Конрад Буссов описал трагедию города со слов переживших осаду мятежников, примкнувших позднее в Тушине к Лжедмитрию II: «В городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры. Кадь ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полтораста, и многие умирали от голода и изнеможения».

Из города началось повальное бегство, в день к Шуйскому перебегало от 100 до 300 человек.

10 октября 1607 г. гарнизон Тулы капитулировал. По версии историков С.М. Соловьева и Н.М. Костомарова, Болотников вступил в переговоры с

Шуйским и сдал город в обмен на обещание помилования. С.Ф. Платонов же считает, что «тульские сидельцы» выдали Шуйскому как Болотникова с «царевичем Петром», так и Григория Шаховского с Андреем Телятевским, сами же были приведены ко кресту «за царя Василия».

Царь Василий действительно помиловал «тульских сидельцев» и отпустил их «восвояси», надеясь их «смирением управити и в разум истинный привести». Но это касалось лишь рядовых «воров». Часть казаков была отправлена в Сибирь, но не колодниками, а в гарнизоны в качестве городовых казаков.

В феврале 1608 г. Иван Болотников был отправлен в ссылку в Каргополь. Его везли через Ярославль, где находились пленные поляки. Слуга Мнишека Роднятовский дал интересные сведения о поведении Болотникова, а другой пленный, С. Немоевский, повторил этот рассказ слово в слово. Ярославские дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли не связанным и без оков. По этой причине они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы) и в медвежьи шкуры зашивать». В Каргополе Иван Болотников и умер, а по некоторым данным, он был утоплен.

Шаховского, по выражению летописцев, «всей крови заводчика», сослали на Кубенское озеро в пустынь, где постригли в монахи.

А вот «вора Петрушку» закованным в цепи доставили в Москву. На допросе, вися на дыбе, «царевич» подробно рассказал свою биографию, после чего его публично повесили у Серпуховской заставы, близ Данилова монастыря.

Глава 9. Польско-казацкое царство в деревне Тушино

Пока Шуйский воевал с Болотниковым, «ворам» удалось-таки найти самозванца. В конце мая 1607 г. в городе Стародубе объявился «царь Димитрий», которого историки позже назовут Лжедмитрием II или Тушинским вором. В Стародуб к самозванцу стали стекаться русские ратные люди, казаки, крестьяне и посадские. Но в отличие от войска Болотникова, ударную силу войска Лжедмитрия II составляли поляки. В Стародубе впервые всплывает казачий атаман Иван Заруцкий, бывший до этого в войске Болотникова, но не игравший там особой роли.

В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Зато Козельск пришлось брать штурмом.

А царь Василий тем временем… готовился к свадьбе. 17 января 1608 г. царь торжественно отпраздновал свою свадьбу с семнадцатилетней Марией, дочерью князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского.

А теперь нам придется вернуться на несколько месяцев назад. Мы оставили Марину Мнишек 17 мая 1606 г., после того как бояре изъяли ее из рук горожан и стрельцов, насиловавших ее фрейлин. Марину и Юрия Мнишеков отправили под конвоем в дом дьяка Афанасия Власьева, предварительно отобрав все деньги и драгоценности, подаренные им самозванцем.

Юрий Мнишек не только не пал духом, но и пустился на новые авантюры, пытаясь извлечь выгоду из всего произошедшего. А что? Чем Василий Шуйский не жених для Марины? Тоже царь. И Мнишек предложил боярам выдать свою дочь за него замуж! Шуйский был помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой, но это не было преградой для авантюриста Мнишека. Он расписал боярам выгодную перспективу — в случае победы панов-рокошан в Польше король Сигизмунд будет свергнут, и у супруга Марины появится шанс стать еще и польским королем. О марьяжном предложении Мнишека доложили Василию Ивановичу. Но царь предложения не принял, и Юрий с Мариной были отправлены в Ярославль.

Простых поляков и слуг, захваченных в Москве 17 мая, Шуйский приказал отправить на родину. По пути у них отобрали лошадей, оружие и

все деньги. Знатных же поляков, приехавших на свадьбу Лжедмитрия I, и польских послов решено было оставить в качестве заложников.

Появление Лжедмитрия II и поддержка его поляками заставили Шуйского пойти на переговоры с последними. Вспомним, что с Речью Посполитой у Москвы был «вечный мир». Послы Олесницкий и Гонсевский были вызваны во дворец, там бояре попытались убедить послов, что в убийстве поляков 17 мая виноваты сами же поляки. На что Гонсевский ответил, что король никогда не поддерживал самозванца, но предоставил все дело на юлю божью, что если бы пограничные города не признали Димитрия сыном Ивана Грозного, то поляки никогда не пошли бы с ним к Москве. Димитрий встретил первое сопротивление только в Новгороде-Северском, а когда царь Борис написал королю о самозванстве Гришки Отрепьева и напомнил о мирном договоре, заключенном между Москвой и Польшей, то король немедленно отозвал всех поляков из войска Димитрия. После смерти царя Бориса все лучшие воеводы и войско поддержали Димитрия, бояре Мстиславский и Шуйский выехали ему навстречу за 30 миль от столицы. Потом московские послы и бояре говорили, что не поляки посадили Димитрия на престол, а сами русские приняли его добровольно и признали Димитрия истинным царевичем.

Речь посла смутила бояр, они молчали, переглядываясь, но среди них находился окольничий Михаил Игнатьевич Татищев, который и вызвался отвечать Гонсевскому. Повторив прежние упреки, Татищев сказал, что Польша находится в бедственном положении. Одновременно ей угрожают татары, запорожские казаки, шведы и «рокошане». И это была правда, так как в это время в Польше шло восстание, и не было никаких гарантий, что Сигизмунд останется на престоле.

Гонсевский же возразил, что все сказанное Татищевым — неправда, что неприятель никогда так далеко не заходил в глубь Польши, как заходил в глубь Московского государства, и что русским не пристало стращать поляков.

Сошлись на том, что в деле Лжедмитрия никто не виноват. «Все делалось по грехам нашим, — сказали бояре, — этот вор обманул и вас, и нас». На том все переговоры и закончились.

13 июня 1606 г. к польскому королю из Москвы отправилось посольство — князь Григорий Волконский с дьяком Андреем Ивановым. Им был дан наказ объяснить Сигизмунду недавние московские события.

Как только царские посланники пересекли границу Московского государства, польский пристав сообщил им, что царь Димитрий жив и сейчас находится у сандомирской воеводши. Послы ответили, что все это

чушь собачья: жил у вора-расстриги чернокнижник Михалко Молчанов, вот он-то и сбежал, когда самозванца убили. Послы предложили опознать Молчанова, который за воровство и чернокнижие был бит кнутом, и следы от пытки остались у него на спине и ниже. А если другой кто называется Димитрием, продолжали послы, то полякам не стоит и слушать их, а если новый Димитрий нужен полякам, то пусть они его на польский престол и сажают, а в Россию его посылать и сажать на русский престол ни к чему. Хоть бы он и прирожденный государь Димитрий, но если его в Московском государстве не захотели, то силой нельзя посадить его на престол.

На это пристав ответил: «Польские и литовские люди, которые приехали из Москвы, сказывают, а слышали они от ваших же, что убит и лежал на пожаре, а подлинно не знают, его ли убили или кого-нибудь другого в его место».

Посланники спросили у пристава: «Видел ли кто того вора, каков он рожеем (лицом) и волосом?» Пристав ответил, что ростом он не мал, лицом смугл, нос немного покляп, брови черные большие, нависли, глаза небольшие, волосы на голове черные курчеватые, от лба вверх заглажены, усы черные, бороду стрижет, на щеке бородавка с волосами, по-польски говорит и пишет, и по-латыни говорит. Посланники в этом словесном портрете пристава сразу признали Михалку Молчанова, а прежний вор-расстрига был лицом бел и волосом рус.

Другой польский пристав говорил, что при Димитрии в Самборе находятся князь Мосальский и Заболоцкий. Последнего Димитрий отправил по северским городам настроить народ против Шуйского, и сам, собрав войско, обещал скоро быть.

Сам же король Сигизмунд был крайне озадачен рокошем буйных панов и охотно пошел на соглашение с царем Василием. Король пообещал Волконскому в ближайшее время отправить своих послов в Москву. И действительно, в октябре 1607 г. от Сигизмунда в Москву приехали пан Витовский и князь Друцкой-Соколинский поздравить царя Василия с восшествием на престол и требованием отпустить прежних польских послов и всех поляков домой.

Переговоры длились до 25 мая 1608 г. Результатом переговоров стало перемирие на 3 года и 11 месяцев на следующих условиях: оба государства остаются в прежних границах; Россия и Польша не должны помогать врагам друг друга; царь обязывается отпустить в Польшу самборского воеводу Мнишека с дочерью и сыном и всех задержанных поляков; король обязывается сделать то же самое в отношении задержанных в Польше русских; король и Речь Посполитая должны отозвать всех поляков,

поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться, Юрию Мнишеку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочь свою за него не выдавать, и Марине не называться московской государыней.

Польские послы обязались послать грамоты в войско Лжедмитрия II к полякам с требованием оставить самозванца, вернуться в Польшу и на всем пути отсылать домой всех польских ратных людей, которые им встретятся на территории Московского государства. Также послы обещали послать во все приграничные города грамоты, чтобы никто не смел идти воевать в Московское государство. Сами послы обязались ехать из Москвы прямо в Польшу, избегая любых контактов с поляками Лжедмитрия, но не хотели обещать, что король выведет войско Лисовского из России, потому что Лисовский в Польше был объявлен вне закона.

Вступив в переговоры с поляками, Шуйский совершил ту же непростительную ошибку, что и Годунов, и тем самым, как и Годунов, подписал себе смертный приговор. С поляками можно договариваться, только держа пистолет у их затылка, и выполнять договор они будут до тех пор, пока взведен курок у этого пистолета. И дело тут не в плохом короле Сигизмунде, а в устройстве Речи Посполитой, где паны могли служить, а могли и не служить своему королю, и международные соглашения, заключенные королем, для них не были писаны. Не меньшую роль играла и католическая церковь, заставлявшая панов смотреть на московитов как на американских индейцев.

Шуйский мог согласиться на неоднократные предложения шведского короля вступить с ним в союз и начать совместную войну с Речью Посполитой на ее территории, то есть шведы должны были наступать в Прибалтике, а русские — в Белой Руси, в случае же успеха идти на Варшаву. Кстати, Шуйский мог координировать свои действия с турецким султаном и с крымским ханом, воевавшими тогда с Польшей. Да и не нужно сбрасывать со счетов рокош.

Предвижу вопли возмущенных критиков. Как можно? Власть Шуйского висела на волоске, он не мог справиться с врагами внутренними, не то что начинать борьбу со столь мощным соседом.

Начнем с того, что Польша в начале XVII века и позже была «колоссом на глиняных ногах». Вспомним, как долго вся королевская рать осаждала Смоленск, при том, что большая часть смоленских дворян и ратников ушла на помощь Шуйскому еще в 1607 г. Так что разгром Польши в союзе со шведами и турками был вполне реален.

А главное — гражданская война нигде и никогда не имела ничего

общего с шахматной или компьютерной игрой. В игре усиление противника заведомо приводит к поражению. В гражданской войне появление нового противника, если он носит униформу ненавистного иностранного государства, приводит к победе. В 1793 г. республика во Франции была на грани гибели. Восстали Бретань, Вандея, отделился весь юг Франции — Марсель, Лион, Тулон. Вожди республиканцев переругались между собой. И тут появились прусские, австрийские и британские интервенты. И что же произошло? В ответ по всей Франции прокатилась волна убийств роялистов, их убивали даже в тюрьмах. В республиканскую армию записывались десятки тысяч добровольцев. Голодные, оборванные французские солдаты, которыми командовали бездарные «революционные» генералы, громили интервентов. В боях армия перевооружается, сами собой выдвигаются талантливые генералы, и то, что было непосильно Генриху IV и Людовику XIV, становится пустяком для «больших батальонов» с маленьким капралом во главе.

Надо ли говорить, что ни король, ни папа и не пытались исполнять условия договора с Россией. Ни один поляк из-за этого соглашения не покинул войско Лжедмитрия II. Юрий Мнишек признал Лжедмитрия II своим зятем, безнравственная Марина легла с ним в постель и по-прежнему именовала себя московской царицей. А король Сигизмунд воспользовался договором для подавления рокоша, а затем собрал силы и пошел к Смоленску.

Говоря о Болотникове, Сигизмунде и Лжедмитрии II, мы опять позабыли о главных героях Смуты — боярах Романовых. Итак, Шуйскому удалось обвести вокруг пальца Филарета и клан Романовых, использовав для этого комедию с перенесением мощей царевича Димитрия. Как мы уже знаем, прибытие Гермогена из Казани спутало клану Романовых все карты. Гермоген имел непререкаемый авторитет как в церковных кругах, так и в Боярской думе. Выступить против его интронизации в патриархи никто не решался. И бедолаге Филарету пришлось малой скоростью отправляться в свою епархию.

Вскоре царь Василий отправил Ивана Никитича Романова воеводой в Козельск Там Никитич отличился — разбил отряд князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникову. За это царь Василий стал более благосклонно относиться к Романовым, тем более что Филарет два года тихо и богобоязненно сидел в Ростове.

В апреле 1608 г. войско нового самозванца разгромило царские полки под Болховым. Виновниками поражения были двое бездарей — воеводы Дмитрий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын. Замечу, что

оба тоже имели виды на московский престол.

После Волхова Лжедмитрий II двинулся прямо на Москву. Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород без боя открыли ему свои ворота.

Шуйский срочно собрал новое войско и отправил его навстречу самозванцу. Командование им царь поручил своему родственнику Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и Ивану Никитичу Романову.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Гетман Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно отступить к Москве. В итоге рядом с Москвой образовалась новая столица — Тушино, а самозванец вошел в историю под именем Тушинский вор.

В сентябре 1608 г. Петр Сапега с большим отрядом тушинцев взял без боя Переяславль, жители которого присягнули Тушинскому вору. Затем Сапега двинулся к Ростову.

К тому времени Ростов не был укреплен, и горожане решили покинуть его и уходить к Ярославлю под защиту его мощных стен. Однако жесткий митрополит Филарет категорически воспротивился этому. Уже потом, задним числом, церковные историки приписали ему слова: «Если и убиты будем ими, и мы от Бога венцы примем мученические… Многие муки претерплю, а дома Пречистой Богородицы и ростовских чудотворцев не покину». Но наш любитель ловчих птиц никогда не отличался ни фатализмом, ни желанием принять мученический венец.

Все стало на свои места после занятия беззащитного Ростова поляками и их русскими союзниками из Переяславля. Пан Сапега в простых санях доставил митрополита в Тушино, что дало повод позднейшим историкам утверждать, что Филарет был увезен насильственно. Но пленных казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп, а не делают главой церкви. Так что не был Филарет пленником.

Митрополиту Ростовскому устроили торжественную встречу в Тушино. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушино и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, нареченный патриарх московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии — Сицкие и Черкасские. В Тушине оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет каяться к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И.И. Годунов — муж Ирины Никитичны Романовой, едет к ее брату Федору Никитичу. Заодно И.И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой. Романовы стали, без сомнения, самым сильным русским кланом в Тушине.

Из московской знати в Тушинском лагере следует выделить бояр Салтыковых, князей Трубецких и Шаховских; из провинциальной знати — переяславских бояр из рода Плещеевых, Вельяминовых, Проскуровых, земледельцев братьев Таира, Максима, Дмитрия и Ивана Редриковых, Богдана Айгустова, Андрея Григорьева и других.

Как писал историк Л.С. Строганов: «Будучи опытным и хитрым политиком, Филарет объединил вокруг себя мятежную аристократию, навел их на мысль создать при самозванце некое подобие боярской думы…

Служба бояр в стане „тушинского вора“ была отменной, за что Лжедмитрий жаловал их крупными вотчинами. По совету бояр давал жалованные грамоты городам, монастырям и частным вотчинникам. К примеру, князь Шаховский в своем письме к Сапеге просит помочь водворить разбежавшихся крестьян села Вяткина и деревни Струнино, пожалованных самозванцем Ивану Ивановичу Чичерину, который служил у Лжедмитрия дьяконом. Князь Роман Проскуров просит Сапегу, чтобы тот вывел литовцев из его поместья села Новоселок в Слободском стане. Другой землевладелец, служивший полякам, Тимофей Грачев, просит Сапегу сыскать имущество, разграбленное его шайками мародеров»[65].

Цитату из Строганова я привел не затем, чтобы утверждать, что вот, мол, Тушинский вор делал все, чтобы восстановить законность и власть помещиков. Да, безусловно, такие попытки были, но в основном территории, захваченные Лжедмитрием II, были отданы на грабеж полякам и казакам. Тот же Строганов, собравший массу документов о деятельности тушинцев в районе Александровской слободы, Переяславля и других мест, показал дикие сцены насилия со стороны ляхов и казаков всех мастей.

В Тушине даже не пытались координировать разбои На одну и ту же волость претендовали иной раз по два-три тушинских «полевых командира».

Какие же казаки были на службе у Лжедмитрия II? Автор «Истории Московской войны» польский шляхтич М. Мархоцкий пишет, что в войске Тушинского вора было 30 тысяч мало-российских казаков и 15 тысяч донских. Бесспорно, суммарная цифра 45 тысяч — завышенная. По иным подсчетам, у самозванца одновременно служило не более 15 тысяч казаков. Среди них были запорожские, донские, волжские и местные воровские казаки[66].

Начну с запорожцев. В 1606 г. под руководством Зебжидовского паны учинили мятеж против короля Сигизмунда III. Поляки это называли вполне законным мероприятием — рокошем. В следующем году паны-рокошане были разбиты королевскими войсками. В ходе рокоша мятежники привлекли на свою сторону большое число малороссийских шляхтичей, а также запорожских казаков. После подавления мятежа почти вся эта публика отправилась на службу к Лжедмитрию II.

Всего к весне 1608 г. в войске Тушинского вора оказалось 2020 запорожцев. Их начальниками были Гриц (700 чел.), Подвидзавский (750 чел.), Ростенецкий (500 чел.) и Лис (100 чел.). Общая же численность войска самозванца составляла 14 220 человек Как видим, большей частью запорожцев в Тушине командовали польские шляхтичи Подвидзавский и Ростенецкий, а меньшей — атаманы Гриц и Лис. Откуда взялись два последних персонажа — неизвестно. В конце правления Сигизмунда III малороссийские казаки убили «королевского атамана Грицька»[67]. Видимо, тушинец Гриц и этот Грицька было одно и то же лицо.

Несколько позже запорожцы разошлись по разным польским отрядам. Несколько десятков или даже сотен запорожцев были в отряде Александра Лисовского — отпетого бандита, приговоренного в Польше к смерти. Вместе с Лисовским запорожцы осаждали Троице-Сергиев монастырь с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. Об их участии в осаде упоминает и участник боевых действий Авраамий Палицын.

Однако в целом действия запорожцев в Смутное время практически невозможно отличить от действий польской и малороссийской шляхты, а также донских, волжских и местных «воровских» казаков.

Польский хорунжий Осип Бдило записал в своем дневнике, что поляки 11 мая 1608 г. захватили в крепости Болхов запорожца Федора Гедройца. Федор первоначально служил вору, а потом передался Василию Шуйскому.

Сей казак относился к знатному литовскому княжескому роду. Эти князья правили литовскими племенами задолго до Гедимина. К роду Гедройцев принадлежал и знаменитый Довмонт — псковский князь и русский святой. Несколько десятков представителей этого рода находились на русской службе в XVIII — начале XX века.

Вот, к примеру, дикими расправами над населением в 1608 г. прославился какой-то атаман Наливайко. «Владимирский воевода Вельяминов (сторонник Лжедмитрия II. — *А.Ш.*) принужден был вооружиться против казаков или загонных, опустошавших Владимирский уезд. Посланный против них отряд взял в плен начальника грабителей — пана Наливайку… Весть о злодействах Наливайки дошла и до Тушина и привела в сильный гнев самозванца, который хорошо видел, как вредят казаки успеху его дела; он послал во Владимир приказ немедленно казнить Наливайку, а Сапеге, просившему освободить его, писал выговор в следующих словах: „Ты делаешь не гораздо, что о таких ворах упрашиваешь: тот вор Наливайко наших людей, которые нам, великому государю, служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и женок 93 человека. И ты бы к нам вперед за таких воров не писал и нашей царской милости им не выпрашивал; мы того вора Наливайку за его воровство велели казнить. А ты б таких воров вперед сыскивал, а сыскав, велел также казнить, чтобы такие воры нашей отчины не опустошили и христианской истинной православной крови не проливали“»[68].

Однако доказательств того, что Наливайко и его люди были запорожцами, нет. Тот же Яворницкий пишет: «…какие именно то были казаки, т. е. были ли то украинские, запорожские или какие-нибудь бродяги, принявшие имя казаков»[69].

Несколько сот донских казаков, служивших у Болотникова, разными путями попали в Тушино. Среди них были атаманы Иван Цика и Иван Заруцкий. На последнем стоит остановиться подробнее, поскольку он является, наверное, самой интересной личностью среди казачества времен Смуты.

Родом Иван Мартынович Заруцкий, по одним данным, из Тарнополя, а по другим — из Москвы. В детстве он был захвачен крымскими татарами. Иван провел несколько лет в Крыму, а затем бежал к донским казакам, у которых вскоре стал атаманом. Грамоты царевича Димитрия, отправленные на Дон, увлекли и Ивана Мартыновича. Есть сведения, что он с первым самозванцем пришел в Москву. После гибели Лжедмитрия I атаман

Заруцкий вернулся на Дон, но вскоре он, теперь уже в войсках Ивана Болотникова, был вновь под столицей. Вместе с Болотниковым сидел в осаде в Туле, но потом был послан на поиски все еще не являвшегося «царя Дмитрия», во имя которого боролись осажденные. В Стародубе атаман Заруцкий нашел нового самозванца, примкнул к нему и стал близким ему человеком. Зимой, в целях собрать новые силы, Заруцкий побывал на Дону и весной 1608 г. привел в Орел 5 тысяч казаков. Тут еще раз стоит напомнить, что к числовым данным современников о величине казацких отрядов следует относиться осторожно.

Значительную часть тушинского казачества составляли воровские казаки, в основном те, кто подался в казаки уже после начала противоборства Лжедмитрия II с Василием Шуйским. Станиславский писал: «Как вор пошел из Стародуба, начал казачью службу зарайский крестьянин С Петров, с 1607–1608 г. был казаком „тульский жилец“ К Матвеев, в Тушине в казачьей станице „с бедности беспоместной“ находился бывший каширский сын боярский С.Д. Молохов. „Новоприборные“ казаки наряду с донскими и украинскими упоминаются в войске Лжедмитрия II осенью 1608 г.».

Одно из самых ценных свидетельств об источниках пополнения казачьих станиц в лагере Лжедмитрия II находится в обнаруженной Б.Н. Флорей челобитной детей боярских и посадских людей Переяславля-Залесского. В 1609 г. они «всем городом» просили самозванца защитить их от атамана «вольных» казаков (в другом документе он назван казачьим головой) Ф. Комнина, которого они обвиняли в убийствах, грабежах и приеме в свой отряд холопов переяславских дворян: «И у нас, холопей твоих, тот Федор Копнин людишек наших, полных, и докладных, и кабальных, в вольные казаки поймал сильно, и нам… твоей царские службы без людишек служити не с кем». О массовом показачении холопов и крестьян в период борьбы Василия Шуйского с Лжедмитрием II сообщает В.Н. Татищев, основываясь, по-видимому, на не дошедшем до нас источнике: «И через то (грамоты самозванца) во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов»[70].

Служили у Лжедмитрия и Городецкие казаки. Сидел бы царь Урус-Мухаммед в Касимове и не рыпался. Но его, видимо, шайтан, а кто говорит, касимовский боярин Иван Морозов, попутал. В итоге собрал царь свою городецкую орду и зимой 1608–1609 г. поехал в Тушино к местному Димитрию. В ответ московское войско под командованием Федора Ивановича Шереметева осадило и взяло штурмом Касимов. В дальнейшем

царь Урус-Мухаммед безотлучно находился при самозванце, что подтверждает его письмо Яну Сапеге.

Любопытно, что в начале 1609 г. городецкие казаки, оставшиеся после ухода «царя» в Тушино, собрали отряд и, соединившись с воровскими казаками из Алатыря, Курмыша, Ядрина, Арзамаса и Темникова, двинулись в Свияжский уезд Казанской области. Однако у Казани вышли верные Москве войска и наголову разгромили казаков.

Под стенами Троице-Сергиева монастыря сошелся целый казачий интернационал. Как писал участник осады Авраамий Палицын, по рассказам пленных выяснилось, что там были «казаки запорожские, казаки донские, волжские, северские, астраханские. И всего войска с Сапегою и с Лисовским — до тридцати тысяч, кроме черни и пленных»[71]. Городецких же казаков Палицын, видимо, упомянул в качестве татар.

В своих воспоминаниях ротмистр Николай Мархоцкий отмечал, что шляхтич Александр Лисовский командовал при осаде Троицы одной-двумя тысячами донских казаков.

Палицын писал о действиях Лисовского и его казаков в ноябре 1609 г. под стенами монастыря: «Беззаконный же Лисовский совался и туда и сюда, где бы какое зло сотворить. И повернул окаянный от того места вдоль по горе Красной к Косому Глиняному оврагу на засадных троицких людей. Бывшие там с монастырским слугою Пименом Тененевым люди стали крепко против врагов на пригорке у рва, бьясь с литовцами и казаками. Увидев же, что троицкого воинства мало, злонравный лютеранин Лисовский бросился свирепо на них, и смешались все люди вместе, и литовские, и троицкие, и был бой великий близ оврага Глиняного. Враги же, боясь засады, начали отбегать. А троицкое воинство, понемногу отходя от литовских людей, скрылось в Косой Глиняный овраг.

Александр же Лисовский хотел при отходе живым взять слугу Пимена Тененева, но Пимен обернулся к Александру и выстрелил ему из лука в лицо, в левую щеку. Свирепый Александр свалился со своего коня. Воины его полка подхватили его и отвезли в Сапегин полк. Троицкое же воинство ударило из множества орудий по ним, и тут побили много литовцев и казаков. Литовцы же, увидев это, быстро обратились в бегство врозь по Клементьевскому полю»[72].

В книге «Картины былого Тихого Дона»[73] рассказано об уходе донских казаков атамана Епифанца из-под стен Троице-Сергиева монастыря. В конце осады одному из казаков приснился ночью святой Сергий, который поведал: «Не даст вам Бог жезла на жребий свой».

Казак рассказал об этом своим товарищам, и донцы призадумались, доложили о видении атаману. Тогда Епифанец отправился к польским воеводам Сапеге и Лисовскому и рассказал им о смущении своих товарищей.

Польские же паны сочли Епифанца человеком опасным, способным погубить все дело, и решили его убить. Но донцы узнали об этом. Страшное возмущение произошло в их стане. Быстро собрались они при оружии на круг, вынесли иконы, помолились и все как один поклялись преподобному Сергию и Николаю «не делать зла царствующему городу Москве и стоять с православными заодно на иноверных».

В ту же ночь сели донцы на коней и пошли от стен Троицы на юг — к себе на Дон. Узнав об этом, поляки отправили за ними в погоню литовскую конницу. На реке Клязьме у деревни Вохны литовцы догнали казаков. Начались переговоры. Литовцы уговаривали донцов вернуться к полякам и продолжать осаду монастыря, но казаки были непреклонны. Тогда литовцы попытались вернуть их силой, но донцы отбились и спокойно вернулись на Дон, в свой Смагин юрт.

Следует отметить, что казаки, как донские, так и воровские, служили и у царя Василия, хотя в гораздо меньшем числе. По царскому указу от 25 февраля 1608 г. крестьяне, вступившие в московское войско, не подлежали выдаче своим господам, в то время как взятые в плен воровские казаки подвергались наказанию или возвращались в холопство. Некоторые казаки воспользовались возможностями, которые предоставлял им сей указ. Так, из тушинских таборов в Москву отъехал казак, а в прошлом сын боярский Милохов. В царском войске он по-прежнему служил казаком в станице Первуши Булгакова. В 1608 г. царский воевода Г.Л. Валуев объявил набор казаков из крестьян. Это стало известно из дела ростовского крестьянина В.Е. Харина, вступившего по призыву Валуева в казаки.

Во время похода князя М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве в качестве казака к нему поступил на службу старицкий крестьянин Федор Михайлов. Позже и Харин, и Михайлов служили в «вольных» казачьих станицах.

Глава 10. Вторжение королевских войск

Не в силах самостоятельно справиться с тушинцами и ляхами из частных армий, царь Василий решил обратиться за помощью к Швеции. Как уже говорилось, наиболее выгодным для России было бы вторжение Швеции в Лифляндию и дальнейшее продвижение внутрь Польши. Кстати, после окончания русской смуты, в 1621 г., шведы так и поступили. Но Шуйский думал не о государственных интересах, а о своей собственной шкуре. Ему нужны были шведские наемники в Москве, и немедленно.

Начало века ознаменовалось династическим кризисом в Швеции. Карлу IX (герцогу Зюдерманландскому) удалось короноваться лишь в марте 1607 г. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская смута может иметь два основных сценария.

В первом случае в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные территории — Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива; во втором — вся Русь подлежала ополячиванию.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдинами, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию. Еще в феврале 1607 г. выборгский наместник писал к карельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю, и шведские послы давно уже стоят на границе, дожидаясь московских послов для переговоров. Но в это время царь Василий Шуйский, успев отогнать Ивана Болотникова от Москвы, думал, что быстро покончит со своими противниками внутри страны и заключит мир с Польшей.

Недальновидный Василий приказал князю Мосальскому написать в Выборг: «А что пишите о помощи, и я даю вам знать, что великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не

станет, кроме бога». Шведам было даже запрещено посылать гонцов с письмами в Москву и Новгород, поскольку «во всем Новгородском уезде моровое поветрие».

Но шведы не унялись, и в течение 1607 г. Карл IX послал четыре грамоты царю Василию с предложением о помощи. На все грамоты царь отвечал вежливым отказом.

Однако к концу 1608 г. ситуация изменилась. Царь Василий был заперт в Москве, как в клетке, и надеяться ему было не на кого. 1 сентября 1608 г. население Пскова открыло ворота тушинскому воеводе Плещееву. Ивангород и Орешек также присягнули Лжедмитрию II. В Новгороде начались волнения черни, стоявшей за Тушинского вора. Пришлось хвататься за шведскую соломинку. В Новгород для переговоров был послан царский племянник Скопин-Шуйский, где он встретился с королевским секретарем Моисом Мартензоном.

Договор со Швецией был заключен в Выборге 23 февраля 1609 г. стольником Семеном Головиным и членом риксдага Ераном Бойе. Обе стороны обещали воевать с Польшей до окончательной победы и не заключать сепаратного мира. Шведы должны были послать в Россию наемное войско в составе 2 тысяч конницы и 3 тысяч пехоты.

За шведскую помощь царь Василий Шуйский отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию.

В тот же день (23 февраля 1609 г.) в Выборге был подписан и секретный протокол к договору «Запись об отдаче Швеции в вечное владение российского города Корелы с уездом».

Шведы разослали грамоты по пограничным русским городам с требованием быть верными царю Василию. Не могу удержаться и процитирую полностью грамоту каянбургского (улеаборгского) шведского воеводы Исаака Баема к игумену Соловецкого монастыря: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют. Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!»

Весной 1609 г. шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Чоглокова 25 апреля наголову разбил большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из запорожцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под Псков, но тот не смог взять город и отступил.

10 мая 1609 г. Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке Скопин соединился со смоленским ополчением.

Под Тверью произошла битва между войском Скопина и польско-«тушинским» войском пана Зборовского. Поляки и русские «воры» были наголову разбиты.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России.

В письме испанскому королю Сигизмунд заявил, что предпринял он московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтобы дать силу своим наследственным правам на московский престол, ибо предок его Ягайло был сыном русской княжны и женат также на русской княжне, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков московскими князьями. Таким образом, с самого начала Сигизмунд и не думал делать московским царем королевича Владислава, а сам хотел занять московский престол.

19 сентября 1609 г. коронное войско Льва Сапеги подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск: 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Причем ядро королевского войска состояло из немецких наемников под командованием Теодора Дингофа и Урзенберга. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских и запорожских казаков и неопределенное число литовских татар[74]. Правда, в осаде города казаки практически не участвовали, а в основном занимались опустошением окрестностей Смоленска.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск — универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идет навести порядок в русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства» и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

Вторжение королевских войск в Россию вызвало панику не в Москве, а в Тушине. Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки созвали коло и начали кричать, что Сигизмунд пришел за тем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский был первым против короля, потому что в Тушине он был полновластным хозяином, а в королевском войске он стал бы, в лучшем случае, младшим офицером. В конце концов, тушинские поляки поклялись друг другу не

вступать в переговоры с королем и не оставлять Димитрия. Если же ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя награды. Если же Димитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск посла пана Мархоцкого с товарищами с просьбой покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел уговорить Петра Сапегу присоединиться к конфедерации, и даже сам поехал к нему в стан под Троице-Сергиев монастырь, но Петр Сапега не захотел ссориться ни со своим родичем Львом Сапегой, ни с королем Сигизмундом и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинские поляки отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд отправил своих послов пана Станислава Стадницкого с товарищами в Тушино. Они должны были внушить тушинским полякам, что им гораздо приличнее служить своему законному государю и что они, прежде всего, должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причем обещал, что тушинские поляки начнут получать жалованье с того момента, как соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король сулил награды не только в России, но и в Польше. Что же касается русских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды, если они перейдут к нему.

Приехав под Смоленск, тушинские послы сперва пошли к королю, а затем — к рыцарству. Речь, произнесенная перед королем, при почтительных формах была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступать в Московское государство и лишать их награды, которую они заслужили у царя Димитрия своими трудами и кровью.

Получив от Сигизмунда суровый ответ, тушинские послы немедленно отправились в Тушино и явились туда раньше послов королевских. Выслушав их, Рожинский созвал совет «полевых командиров» польских отрядов, чтобы решить вопрос о приеме королевских послов. Рожинский, Зборовский и большинство командиров были против приема послов. Но рядовые поляки придерживались иного мнения. По тушинскому табору пронесся слух, что у короля много денег и он хорошо заплатит всем тушинцам, пожелавшим присоединиться к его войску.

В это время явился посланец от Петра Сапеги и от всего войска, стоявшего под Троицким монастырем, и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, а в противном случае Сапега перейдет на службу к Сигизмунду. В такой ситуации Рожинскому пришлось вступить в переговоры с королевскими послами.

А что же делал все это время Лжедмитрий II? Его время прошло, и никто не обращал на него внимания. Мало того, вожди тушинских поляков срывали на нем зло с тех пор, как королевские войска вступили в пределы Московского государства, что поставило тушинцев в затруднительное положение. Так, пан Тышкевич ругал самозванца прямо в глаза, называл обманщиком и мошенником.

Фактически Тушинский вор стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы самозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения Рожинского к королю Тушинский вор стал бы всем помехой.

Лжедмитрий делает попытку побега. Ночью он ускакал из Тушина с четырьмя сотнями донских казаков, но поляки догнали его и вернули. С тех пор он жил в Тушине под строгим надзором.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутом Кошелевым.

После бегства самозванца Рожинскому с поляками больше ничего не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Куда больше проблем возникло у русских тушинцев. Двинуться вслед за Лжедмитрием они не могли — поляки не пускали, да и шансов на успех у Тушинского вора почти не было. Бежать к Шуйскому тоже было не резон. Царь охотно принимал перебежчиков, когда Тушинский вор был в силе, а сейчас он мог и наказать беглецов. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход — вступить в соглашение с королевскими послами.

Послы предложили русским собраться по польскому обычаю в коло. Туда явились патриарх Филарет с духовенством, Заруцкий с ратными людьми, Салтыков с думными людьми и придворными. Пришел и касимовский хан Урус-Мухаммед со своими татарами. Посол Стадницкий

рассказал «о добрых намерениях короля относительно Московского государства». Русские тушинцы согласились отдаться под покровительство польского короля и направили ему грамоту: «Мы, Филарет патриарх Московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольничие и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видеть хотим».

Из этой грамоты следовало, что Филарет по-прежнему считает себя законным патриархом и призывает короля стать правителем Московского государства.

Обратим внимание читателя на принципиальную разницу между приглашением на престол королевича Владислава и короля Сигизмунда. В первом случае государство Московское получало нового государя, а во втором — оно в том или ином виде объединялось с Польшей. Объединение с Польшей под властью короля-католика неизбежно привело бы к полонизации страны, католическая или, по крайней мере, униатская церковь стала бы главенствующей. С Московской Русью произошло бы то, что поляки сделали с Малой и Белой Русью. Владислав же мог принять православную веру и стать независимым от Польши и отца монархом. Так, за 12 лет до этого Генрих Наваррский, заявив, что «Париж стоит мессы», перешел в католичество и стал королем Франции Генрихом IV.

Грамоту польскому королю повезла делегация русских тушинцев. Среди них были боярин Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, дворяне Лев Плещеев, Никита Вельминов, дьяки Грамотен, Чичерин, Соловецкий, Витоватов, Апраксин и Юрьев, также поехали Михаил Молчанов, Тимофей Грязный и бывший московский кожевник Федор Андронов.

31 января 1610 г. делегация торжественно была представлена королю Сигизмунду в лагере под Смоленском. После хвалы королю «за старание водворить мир в Московском государстве» дьяк Грамотен от имени думы, двора и всех людей объяснил, что в Московском государстве желают иметь царем королевича Владислава, если только Сигизмунд сохранит греческую веру и не коснется древних прав и вольностей московского народа.

Сигизмунд сам желал вступить на московский престол, но решил обмануть русских и вступил в переговоры о Владиславе.

После нескольких дней споров 4 февраля король и послы согласились

подписать кондиции (условия), при которых Владислав мог стать русским царем. Наиболее важным были два первых пункта:

1) Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского патриарха, по старому обычаю.

2) Чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенной, чтоб учителя римские, люторские и других вер раскола церковного не чинили.

Между тем Тушинский вор, добравшись до Калуги, остановился в монастыре недалеко от города и послал монахов в город с извещением, что он приехал из Тушина, спасаясь от польского короля, который грозил ему гибелью, озлобившись за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю. Самозванец обещал положить голову за православие и отечество. Воззвание заканчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора».

Калужане поспешили в монастырь с хлебом-солью, торжественно проводили Лжедмитрия до города, где окружили его царской роскошью.

Вскоре в Калугу прибыл князь Шаховский с отрядом казаков, с которым он ранее стоял в Цареве-Займище. В Калугу разными путями приехало несколько сотен поляков и русских из Тушина. Среди них были Ян Тышкевич и Иван Иванович Годунов. В конце января 1610 г. «вору» донесли, что несколько поляков и русских хотят его убить. Лжедмитрий без суда и следствия велел утопить в Оке поляка Стонинского и Ивана Ивановича Годунова.

В ночь на 11 февраля 1610 г. из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казаком. С ней бежали только горничная Варвара Казаковская и паж Иван Плещеев-Глазун.

Интересно, что Марина поначалу побежала не в Калугу, а в противоположную сторону — в Дмитров, где с польским войском стоял Петр Сапега. Последний 12 января 1610 г. вынужден был снять осаду Троицкого монастыря и занял Дмитров.

С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединяться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозваной царице пришлось бежать в Калугу, где ее с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки[75] разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 г. ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино,

Рожинский велел сжечь «воровскую столицу». Из именитых русских тушинцев часть поехала каяться к царю Василию, а другая часть во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского двинулась под Смоленск к королю.

Поляки Рожинского ехали к королю скрепя сердце, за неимением лучшего. Характерный пример: тушинский поляк Вильчек, начальствовавший в Можайске, продал этот город царю Василию за 100 рублей и тоже отправился к королю.

Распутица заставила Рожинского на несколько недель остановиться в Иосифовом монастыре в городе Волоколамске.

21 мая к Волоколамску подошло русско-шведское войско под началом Валуева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только 300 человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозваный патриарх Филарет.

В июне 1610 г. Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе. Царю Василию не до Романовых — его власть висит на волоске.

12 марта 1609 г. Михаил Скопин-Шуйский с командующим шведскими войсками Делагарди[76] торжественно въехал в Москву. По приказу царя вельможи встретили Скопина-Шуйского у городских ворот хлебом-солью, но простые горожане опередили вельмож, они со слезами падали ниц и били челом, просили очистить Московское государство. Современники сравнивали прием Скопина-Шуйского с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула.

Царь Василий, однако, не показал своего неудовольствия, а, напротив, встретил племянника со слезами радости на глазах. Брат царя, князь Дмитрий Иванович Шуйский, повел себя иначе. Царь Василий имел двух дочерей, которые умерли в младенчестве, и, следовательно, брат его считал себя наследником престола. В Скопине-Шуйском Дмитрий Иванович увидел своего конкурента, которого любил народ, и при не устоявшемся еще порядке престолонаследия Скопин-Шуйский вполне мог стать царем. Тогда Дмитрий Иванович, затевавший одну за другой интриги, наябедничал на племянника царю. Василию однажды пришлось даже пустить в ход палку, чтобы образумить брата.

По случаю победы Скопина-Шуйского почти каждый день устраивались пиры. 23 апреля на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского у Скопина-Шуйского пошла кровь носом, и после двухнедельной болезни он умер. Пошел общий слух об отравлении. Некоторые современники утверждают, что чашу с отравой поднесла князю

сама Екатерина, жена Дмитрия Шуйского.

Смерть Скопина-Шуйского стала катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника назначить воеводой своего бездарного брата Дмитрия. 32 тысячи русских и 8 тысяч шведов двинулись к Смоленску. Как уже говорилось, московский воевода Валуев с 6-тысячным отрядом занял Можайск, Волоколамск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева-Займища.

Сигизмунд отправил навстречу русским часть войска под командованием гетмана Жолкевского, а остальные силы поляков продолжали осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником тех времен. Ему исполнилось уже 63 года, на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайки, в битве под Гузовом в 1607 г. он разгромил рокошан и т. д.

23 июня 1610 г. у села Клушино гетман Жолкевский наголову разбил Дмитрия Шуйского. Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Царево-Займище и сообщил Валуеву о своей победе. Воевода долго не верил, пока гетман не показал ему знатных пленников, взятых под Клушиным. В конце концов Валуев сдался и целовал крест царевичу Владиславу, но для очистки совести заставил Жолкевского дать обещание от имени будущего царя чтить православную веру, действовать заодно с русскими против «вора» и очистить Смоленскую область.

По примеру Царева-Займища царевичу Владиславу присягнули Можайск, Борисов, Боровск, Иосифо-Волоколамский монастырь, Погорелое Городище и Ржев. К войску гетмана присоединилось около 10 тысяч русских. Тем не менее сил для захвата Москвы у Жолкевского не хватало, и он был вынужден остановиться в 100 верстах от столицы.

Наибольшую же выгоду от сражения при Клушине получил… Тушинский вор. Ему удалось прельстить деньгами большую часть воинства Петра Сапеги. С помощью последних «вор» овладел Пафнутьево-Боровским монастырем. Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира.

Однако под Зарайском «вор» потерпел поражение. Там сидел воеводой князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Он отстоял Зарайск, а затем выбил «воров» из Коломны.

Царь Василий, цепляясь за власть, обратился за помощью к крымскому хану. По его просьбе к Туле подошли 10 тысяч татар во главе с Кантемиром мурзой по прозвищу Кровавый Меч. Кантемир взял деньги у царских

воевод, а затем вместо того, чтобы сражаться с поляками Петра Сапеги, занялся грабежом и угнал в Крым несколько тысяч мирных жителей.

Главные силы Лжедмитрия двинулись на Москву. Их было всего 3–4 тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось 30 тысяч ратников. Однако моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец стал у села Коломенского.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых — Филарета и Ивана Никитича — и их множественной родни. Тушинские самозваные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре — царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности — Захару Ляпунову.

17 июля 1610 г. Захар Ляпунов с большой толпой подошел к царскому дворцу и начал обличать Шуйского: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжалься над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Не видя в толпе знатных людей, Шуйский закричал на Ляпунова: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят». Толпа отхлынула и направилась на Красную площадь.

19 июля Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным и Мерином-Волконским и с Михаилом Аксеновым и другими, позвав с собой монахов Чудова монастыря, пошли к Василию Шуйскому и велели ему принять монашеский сан. Но для бывшего царя одна мысль отказаться навсегда от престола была невыносима, особенно теперь, когда обстоятельства складывались в его пользу. Шуйский отчаянно сопротивлялся, поэтому Ляпунов и еще несколько человек держали его во время пострига, а князь Тюфякин произносил за Шуйского монашеские обеты, бывший царь же всё твердил, что не хочет пострижения. Это насильственное пострижение патриарх не признал, а называл монахом князя Тюфякина. Тут же насильно была пострижена и жена Шуйского Мария. Бывшего царя, а ныне «инока Варлаама» в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь. Братья Шуйские были заключены под стражу.

Еще 17 июля Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя

Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот, ни другой. В конце концов, Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа временного правительства для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали «Семибоярщиной». От населения потребовали даже принести особую присягу «Семибоярщине».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест «Семибоярщине». В Москве же продолжались интриги. Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царем, но также не хочет видеть царем кого-либо из бояр, и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Федор Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шел к столице. Гетман 20 июля вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «со товарищи» гетман Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «со товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти — опал, казней, изъятия вотчин и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

24 июля Жолкевский стал лагерем в 7 верстах от Москвы у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошел Тушинский вор.

Между тем переписка Жолкевского с боярами переросла в прямые переговоры. Переговоры затянулись, главным препятствием стал вопрос о вере Владислава. Патриарх Гермоген сказал боярам свое мнение об избрании королевича: «Если крестится и будет в православной христианской вере, то я вас благословляю. Если же не крестится, то во всем Московском государстве будет нарушение православной христианской веры, и да не будет на вас нашего благословения». Поэтому бояре настаивали, что первым и главным условием избрания Владислава на московский престол должно быть принятие им православия, а гетман без королевского благословения не мог на это согласиться. 2 августа у Девичьего монастыря князь Мстиславский и гетман Жолкевский вели личные переговоры, которые были прерваны известием, что Лжедмитрий II

подходит к Москве.

Действительно, русские «воры» и поляки Петра Сапеги начали штурм Серпуховских ворот. Поляки из войска Жолкевского держали нейтралитет. Но воевода Валуев и гарнизон Царева-Займища, которые, как мы уже знаем, были вынуждены присоединиться к полякам не спросясь гетмана, двинулись на помощь москвичам. Валуев с фланга атаковал поляков Сапеги и вместе с московскими ратниками обратил их в бегство.

27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. В двух богато убранных шатрах, поставленных на середине дороги между польским станом и Москвой, в первый день присягнуло 10 тысяч человек. Жолкевский от имени Владислава присягнул в соблюдении условий договора. На следующий день люди присягали в Успенском соборе в присутствии патриарха Гермогена. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать королевичу Владиславу. Члены «Семибоярщины» писали в этих грамотах, что так как советные люди из разных городов не приехали на Земский собор, то Москва присягнула Владиславу на том, чтоб ему быть государем в православной вере греческого закона.

Однако слишком многие знали, что вопрос о принятии православия королевичем еще не решен. В результате вопрос о вере Владислава стал самым сильным козырем Тушинского вора в борьбе с «Семибоярщиной».

Большинство городов повиновалось Москве и присягнуло Владиславу. Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону. Раньше эти города были против самозванца, видели в нем и его сподвижниках врагов государства. Но когда речь пошла о вере, многие предпочли покориться тому, кто называл себя царевичем Димитрием, сыном Ивана Грозного, чем католику Владиславу.

Через два дня после присяги к Жолкевскому из-под Смоленска приехал с письмом от короля Федор Андронов. В письме король требовал, чтобы Московское государство было подчинено ему, а не сыну.

27 августа Жолкевскому, командовавшему объединенным московско-польским войском, удалось припугнуть Сапегу и заставить его отойти от Москвы.

Лжедмитрию II от имени короля были предложены большие имения в Польше. Но Тушинский вор ответил, что он «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля». Вмешавшаяся в переговоры Марина прибавила к этому высокомерному ответу тонкую насмешку: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву».

Ставка самозванца находилась в Угрешском монастыре (ныне в черте

Москвы в районе Перервы). Тогда Жолкевский обратился к «Семибоярщине» с просьбой провести польскую конницу через Москву, чтобы подойти к монастырю и захватить там самозванца врасплох. Бояре позволили польскому войску ночью пройти через город. Гетман не обманул. Поляки быстро, не сходя с коней, прошли через Москву, так что москвичи ничего не заметили. У Коломенской заставы польское и русское войско соединились и пошли к Угрешскому монастырю. Но у самозванца было много приспешников в Москве, которые успели предупредить «вора» о готовящемся нападении, и Лжедмитрия уже не оказалось в монастыре, он спешно с женой и Заруцким бежал в Калугу. Не надеясь догнать «вора», польское войско вернулось в свой стан, а москвичи — в Москву.

Отогнав Тушинского вора от Москвы, гетман стал настаивать на быстрейшей отправке послов к королю, что давало ему повод удалить из Москвы людей, способных стать претендентами на московский престол. Так, гетману Жолкевскому удалось уговорить Василия Васильевича Голицына возглавить посольство. Гетман льстил ему, говоря, что такое важное дело должно быть совершено именно таким знаменитым человеком, как Голицын, и уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особой милости короля и королевича.

Следующим наиболее вероятным кандидатом Жолкевский считал стольника Михаила Федоровича Романова, но тому было всего 14 лет, и по московским обычаям того времени Михаил никак не мог быть включен в посольство. Тогда гетман постарался, чтобы духовенство в посольстве представлял его отец Филарет. Таким образом, Жолкевский получал двойную выгоду, удаляя из Москвы опытного интригана и главу клана Романовых, который в стане короля стал бы заложником на случай, если Михаила попытаются избрать на царство. Между московским и тушинским патриархами еще с 1606 г. установились напряженные отношения, и Гермоген с удовольствием включил Филарета в посольство. Хотел ли ехать сам Филарет? Увы, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. С момента отречения Шуйского от престола Филарет вел двойную игру. Внешне он был сторонником Владислава, а втихомолку пытался посадить на престол сына. Во всяком случае, и Филарет, и Михаил, как положено, целовали крест королевичу Владиславу, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV справляться у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Удаливши Голицына и Филарета, гетман Жолкевский распорядился и насчет Василия Ивановича Шуйского, который также был опасен, так как Гермоген не признал его пострижения. По настоянию гетмана бояре

отправили бывшего царя в Иосифо-Волоколамский монастырь, а его братьев — в Белую и оттуда отправили в Польшу.

Формальное возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Естественно, что отпрыск королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем, скажем, Василий Васильевич Голицын или кто-либо из Романовых, еще недавно пресмыкавшиеся перед Иваном Грозным и называвшие себя его холопами. Да и с точки зрения происхождения десятки князей Рюриковичей имели приоритет над Гедиминовичем Голицыным, не говоря уж о беспородных Романовых. Наконец, Владислав имел наследственные права не столько на польский престол, где короля выбирали паны, сколько на престол шведский.

Призвать иностранного монарха на престол в Западной Европе было обычным делом. К примеру, через 100 лет внук французского короля Людовика XIV Филипп стал королем Испании и основателем династии испанских Бурбонов. Да и у нас призвали норманна Рюрика и с барабанным боем втащили на престол анхальт-цербсткую принцессу Фике, ставшую императрицей Екатериной Великой.

Но фактически все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда была большая ложь и вероломство, но «батальоны» у него были. Точнее, он считал, что они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Ситуация сложилась крайне сложная и запутанная. Польские магнаты отказались помочь Сигизмунду войсками и деньгами в походе на Москву. Чтобы заплатить наемникам, стоявшим под Москвой, король был вынужден в феврале 1610 г. продать или заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться.

Тушинский вор отошел от Москвы и закрепился в Калуге. Его признало еще несколько русских городов.

По всей России бродили остатки тушинской армии, опустошавшие страну. Наиболее крупными отрядами казаков и поляков предводительствовали пан Александр Лисовский и стольник Андрей Просовецкий, которые вообще никому не подчинялись.

Между тем шведы, убежавшие из-под Клушина, и новые отряды,

прибывшие из Выборга, попытались захватить северные русские крепости Ладогу[77] и Орешек, но были отбиты их гарнизонами. Шведы контролировали только город Корелу. Кроме того, им удалось захватить участки побережья на Баренцевом и Белом морях, включая Колу. В марте 1611 г. войска якобы Делагарди подошли к Новгороду и стали в семи верстах у Хутынского монастыря.

В сложившейся ситуации московская знать опасалась и, надо сказать, не без оснований, бунта горожан в пользу Тушинского вора, как это произошло в других городах. Чтобы сохранить свою власть и богатство, бояре стали предлагать Жолкевскому ввести войска в Москву. Как писал Р.Г. Скрынников, «инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов». А гетман… отказал им. Опытный полководец резонно заметил боярам: «Москва — город большой, людный, почти все жители Московского государства сходятся в Кремль по делам судным, здесь все разряды. Я должен стать в самом Кремле, вы другие — в Китай-городе, остальные — в Белом. Но в Кремле собирается всегда множество народа, бывает там иногда по пятнадцати и по двадцати тысяч, им ничего не будет стоить, выбравши удобное время, истребить меня там. Пехоты у меня нет, вы люди до пешего бою неспособные, а у них в руках ворота». Жолкевский привел в пример Лжедмитрия I, убитого народом, и погибших вместе с ним поляков и заключил: «Мне кажется гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, которая будет, таким образом, как будто в осаде».

Однако по требованию московских бояр и собственного «рыцарства» Жолкевскому пришлось отказаться от своего плана и согласиться на ввод войск в Москву.

В ночь с 20 на 21 сентября польские войска тихо вошли в Москву. Часть поляков вместе с Жолкевским разместилась в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисов и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквях попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т. п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не

Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 г. в грамотах появляется «Царь и великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что православный русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шел в Москву, чтобы сделать русским царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне вероятно, что шведская династия на сотни лет прижилась бы на Руси (Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали 7-тысячный отряд поляков на гибель. Во всем польском войске это понимал лишь гетман Жолкевский. Как мы уже знаем, буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана. Теперь ему ничего не оставалось, как уехать.

В начале октября 1610 г. гетман Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». По приказу короля Жолкевский взял с собой бывшего царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских. Вместо себя Жолкевский оставил Александра Гонсевского, который незадолго до этого сам себя произвел в русские бояре.

Старик Жолкевский оказался прав. Казань и Вятка присягнули Тушинскому вору. Богдан Бельский, служивший в то время вторым воеводой в Казани, попытался воспрепятствовать присяге, но был убит народом. Пермь отказалась присягать Владиславу и склонялась к присяге Тушинскому вору. Однако Лжедмитрию II узнать об этом не довелось.

После бегства Лжедмитрия II из Тушина хан Урус-Мухаммед был сильно озадачен — «на какую лошадку теперь ставить?» Его любимый сын сразу бежал в Калугу к Тушинскому вору, но сам царь, по зрелому размышлению, вместе с атаманом Иваном Заруцким отправился к польскому королю Сигизмунду, осадившему Смоленск. По неясным причинам царь и король не поладили. И тогда Урус-Мухаммед отправляется в Калугу «повидать сына». Однако сыну приезд отца явно не понравился, и он донес Тушинскому вору, что Урус приехал убить его. Самозванец поверил и решил нанести упреждающий удар. Он пригласил касимовского царя с собой на охоту. Урус-Мухаммед, ничего не подозревая, принял приглашение, взяв с собой только двух татар. За рекой Окой

началась псовая охота. Тут Лжедмитрий II незаметно отбился от свиты, заманив с собой Урус-Мухаммеда с его татарами и двух своих приверженцев — Михаила Бутурлина и Игнатия Михнева Самозванец, Бутурлин и Махнев убили касимовского царя и его людей, а тела бросили в реку. Затем, чтобы скрыть убийство, Тушинский вор поскакал назад, крича, что Урус-Мухаммед хотел его убить и что он, Димитрий, едва смог спастись, а царь касимовский бежал в Москву, и тотчас же для виду послал за ним погоню.

Тогда крещеный татарин Петр Урусов, начальник татарской стражи самозванца, поклялся с товарищами отомстить за смерть хана. 11 декабря 1610 г. Тушинский вор отправился на охоту на зайцев. Его сопровождали шут Кошелев и татарская стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении Крыма, грабя все по дороге.

Кошелев прискакал в Калугу к «царице». Марина находилась на последних днях беременности. Тем не менее она бегала по улицам и кричала о мщении. Но мстить было некому, убийцы были уже слишком далеко, зато казаки перебили две сотни Городецких казаков, служивших самозванцу.

Вечером 11 декабря в Калугу привезли обезглавленное тело самозванца. Труп пролежал в холодной церкви более месяца, и народ ходил смотреть на него и на голову, лежащую рядом. Затем тело похоронили в Троицком соборе. В вещах Лжедмитрия II нашли талмуд, письма и различные бумаги, написанные на еврейском языке. Это подтвердило давние толки о его происхождении.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховский и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина Мнишек родила сына. По «деду» его назвали Иваном. С согласия матери младенца казаки крестили его по православному обряду. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем. За неимением нового «Димитрия» Марина затащила к себе в постель казака Ивана Заруцкого, который таким образом из пленника превратился в вождя тушинцев.

Глава 11. Казаки в Первом ополчении

После гибели Тушинского вора поляки, я имею в виду королевские войска, уже не имели серьезных противников на Руси. Гарнизон Смоленска и шведские отряды на севере, понятно, не в счет. И тут знамя борьбы поднимает неугомонный Прокопий Ляпунов.

В январе 1611 г. Прокопий Ляпунов разослал грамоты по городам. Так, в грамоте, отправленной в Нижний Новгород, говорилось: «Мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Гермогену патриарху и всему освященному собору и христоименитому народу от богоотступников своих и от польских, литовских людей гонение и теснота большая; мы боярам московским давно отказали и к ним писали, что они, прельстясь на славу века сего, бога отступили, приложились к западным жесткосердным, на своих овец обратились; а по своему договорному слову и по крестному целованию, на чем им гетман крест целовал, ничего не совершили»[78].

Восставшие русские люди не отказывались от присяги Владиславу, но клялись: «Стоять за православную веру и за Московское государство, королю польскому креста не целовать, не служить ему и не прямить. Московское государство от польских и литовских людей очищать, с королем и королевичем, с польскими и литовскими людьми и кто с ними против Московского государства станет, против всех биться неослабно; с королем, поляками и русскими людьми, которые королю прямят, никак не ссылаться; друг с другом междоусобия никакого не начинать. А кого нам на Московское государство и на все государства Российского царствия государем бог даст, то тому и служить и прями и добра хотеть во врем правду, по сему крестному целованьк»[79].

Сидевший в Москве патриарх Гермоген также рассылал антипольские грамоты по всей стране, хотя эти грамоты были достаточно осторожны и не содержали прямых призывов к походу на Москву, трудно переоценить их значение в деле сплочения православных русских людей в отпоре интервентам.

Бояре попытались заставить Гермогена написать Ляпунову грамоту, «чтоб он к Москве не собирался». Патриарх отказался и пригрозил, что если Владислав не примет православия, а поляки не уйдут из Москвы, то он напишет вождям Первого ополчения, что «я их благословляю и разрешаю, кто крест целовал королевичу, идти под Московское государство и помереть всем за православную христианскую веру». Кончилось дело

тем, что мужественный патриарх был заключен под стражу.

Итак, «Семибоярщина» и поляки лишились духовной власти и тогда вспомнили о сидевшем под надзором в Чудовом монастыре бывшем патриархе Игнатии. Его решили вернуть в сан патриарха. 24 марта 1611 г. в пасхальное воскресенье Игнатий в патриаршем облачении провел крестный ход и отслужил все службы в Успенском соборе. Но сей патриарх был, так сказать, местного значения. Он был надобен лишь в пределах Кремля и Белого города.

27 декабря 1611 г. вместе с обозом гетмана Ходкевича патриарх Игнатий отбыл к королю Сигизмунду под Смоленск.

Но теперь вернемся к Первому ополчению. Идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведет Первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 г. Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «Приговор всей земле: сходиться в дву городех, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове — старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название Первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению примкнули жители Мурома во главе с князем Литвиновым-Мосальским, Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нащекиным, из Галицкой земли с воеводой Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Волынским и князем Волконским и жители других городов.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамена всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумненья и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

В Первом ополчении оказалось и немного малороссийских казаков. В основном они служили в отряде братьев А.З. и И.З. Просовецких. Дело в том, что запорожские и малороссийские казаки, служившие Тушинскому

вору, в большинстве своем ушли к Сигизмунду и не последовали за вором в Калугу. Количество донцов также не превышало нескольких сотен. Подавляющее же большинство составляли воровские казаки.

В Первом ополчении в казачьих сотнях находились не только казаки, но и чуры. Они представляли собой нечто среднее между оруженосцем и слугой казака. Так, у запорожцев таковые назывались дзурами, а у донских и волжских казаков — чурами. По некоторым данным, сам Ермак Тимофеевич начинал свой путь в казачестве в качестве чура. Особое распространение чуры получили у воровских казаков. В чуры брали подростков или молодых парней из крестьян и посадских. Видимо, кто-то шел добровольно, но известно много случаев, когда казаки забирали в чуры насильно.

Чуры ходили в походы вместе с казаками и даже участвовали в боях, но, когда собирался казачий круг, чуры не имели права голоса. Надо полагать, их использовали и для утех. Благо среди казаков часто попадались бисексуальные личности или с нетрадиционной ориентацией.

Вместе с тушинскими казаками в ополчение Прокопия Ляпунова попали и некоторые тушинские вожди. Наиболее знатным из них был князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Происхождение свое князья Трубецкие вели от боковой ветви Гедиминовичей. Фамилию они получили по небольшому городу Трубеж В 1500 г. братья Андрей, Иван и Семен перешли из литовского подданства на службу к Ивану III. Внук Семена Тимофей Романович в 80-е годы XVI века был тульским воеводой, а в 1591 г. — воеводой передового полка.

Его сын стольник Дмитрий Тимофеевич в 1608 г. во время боя у деревни Тушино перебежал от Василия Шуйского к Лжедмитрию II. Там Дмитрий Трубецкой получил от «вора» боярство и был введен в тушинскую боярскую думу. Далее Дмитрий Тимофеевич последовал за Лжедмитрием II в Калугу и там возглавил «боярскую думу».

Не менее колоритной личностью был и другой «тушинский боярин», хорошо известный нам атаман Иван Мартынович Заруцкий. Заруцкий присоединился к Ляпунову без всяких колебаний. Но что делать боярину с любимой Мариной и младенцем «царенком» Иваном? Отправить к себе в вотчину? Но у липового боярина не было вотчины, зато была законная жена. Ну ладно, жену Иван Мартынович оперативно упек в монастырь. А куда девать Марину Мнишек?

Держать при ополчении невозможно. Во-первых, против этого категорически выступал Прокопий. А во-вторых, в крестоцеловальной записи говорилось: «Яз имярек целую сей святай и животворящий крест

Господень на том, что нам за православную христианскую веру и за Московское государьство стояти и от Московского государьства не отстати, а королю и королевичу полскому и литовскому креста не цловати, и не служите и не прямите ни в чем никоторыми делы, и в городы нам за Московское государьство на полских и на литовских людей стояти заодин»[80].

Как видим, ни о Марине, ни о царевиче Иване там не сказано ни слова. Нравы же в Первом ополчении, как мы еще узнаем, были простые, так что и царице, и царевичу запросто могли башки пооткручивать.

И вот атаман Заруцкий решает отправить Марину с сыном в Коломну. Город, расположенный при слиянии Москвы-реки и Оки, имел важное стратегическое значение. Для защиты Москвы от набегов крымских татар в 1525 г. там началось строительство мощного каменного кремля, длившееся шесть лет.

Коломна стала одним из первых городов, присоединившихся к Первому ополчению. С середины февраля 1611 г. там сидел воевода Иван Васильевич Плещеев «со многими рязанскими и коломенскими людьми и с вольными казаки»[81]. И вот туда-то под защитой отряда воровских тушинских казаков атаман Заруцкий и направил Марину с сыном.

По сведениям «Пискаревского летописца», Коломна стала чем-то вроде удельного центра Марины Мнишек. Там был создан Царицын двор, в который вошли даже русские боярыни. «А была за нею Коломна вся, а чины на ней были царьския все: бояре, и дворяне, и дети боярские, и стольники, чашники и ключники, и всякие дворовые люди. А писалася царицею ко всем бояром и воеводам. А боярыни у нея были многия от радныя, и мать Трубецкого Дмитрея была же»[82].

Как видим, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой официально не признавал Марину Мнишек царицей, но, как говорится, «держал дверь открытой».

Первое ополчение долго собиралось, но, вопреки известной поговорке, слишком медленно шло к Москве. А там с начала 1611 г. постепенно нарастала напряженность. Ожидая восстания горожан, Александр Гонсевский и московские бояре распорядились перетащить пушки из Белого города в Кремль и Китай-город. Польские гусары круглосуточно патрулировали улицы и площади столицы. Русским было запрещено выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета.

Еще в декабре 1610 г. боярин Михаил Глебович Салтыков и пропольски настроенная знать предложили Боярской думе написать

грамоту Сигизмунду под Смоленск, чтобы тот отпустил Владислава в Москву. Русским послам в польском стане приписывалось «отдаться во всем на волю королевскую». В отдельной же грамоте к Ляпунову содержался призыв распустить ополчение. Бояре грамоты написали и понесли их на утверждение к патриарху, но Гермоген сказал им: «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру и литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклинаю того, кто писать их будет, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

По словам летописца, подонок Михаил Салтыков стал кричать на Гермогена, достал нож и хотел его зарезать, но бесстрашный патриарх, осенив Салтыкова крестным знамением, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем».

Действия королевских войск в России еще больше подливали масла в огонь антипольского движения. Украинные города, присягнувшие Лжедмитрию II, — Орел, Волхов, Белев, Карачев, Алексин и другие, — узнав о смерти «вора», присягнули королевичу Владиславу, но, несмотря на это, поляки под началом пана Запройского выжгли эти города, многих жителей убили и увели в плен.

В войске Сигизмунда под Смоленском было до 10 тысяч запорожских казаков (черкасов) под началом атамана Олевченка. Они разбили табор у Духовского монастыря вблизи Смоленска и занялись грабежом вначале окрестных сел, а затем и более отдаленных мест. Особенно казаки отличились в Зубцовском уезде.

Проку от запорожских казаков непосредственно в осадных работах не было, и король приказал им изловить Прокопия Ляпунова, собиравшего ополчение. Черкасы осадили Ляпунова в Пронске, к ним присоединился сторонник Владислава воевода Исаак Сумбулов. Однако Ляпунова выручил зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский, прогнавший казаков.

В Москве Александр Гонсевский продолжал «закручивать гайки». У

всех ворот стояла польская стража, уличные решетки были сломаны, русским запрещалось ходить с саблями, у купцов отбирались топоры, которыми они торговали, топоры также отбирались и у плотников, шедших с ними на работу. Запрещено было носить ножи. Поляки боялись, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу. При гетмане Жолкевском поляки в Москве соблюдали хоть какую-то дисциплину, при Александре Гонсевском же они совсем распоясались. Жены и дочери москвичей средь бела дня подвергались насилию. По ночам поляки нападали на прохожих, грабили и избивали их. К заутрене не пускали не только мирян, но и священников.

Михаил Салтыков и несколько бояр вновь пришли к патриарху и заявили: «Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад». — «Напишу, — отвечал мужественный Гермоген, — если ты, изменник, вместе с литовскими людьми, выйдешь юн из Москвы. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Тогда патриарха взяли под стражу, запретив ему общаться с кем бы то ни было.

Королевич Владислав все не появлялся. Мы уже знаем, что король Сигизмунд III ни под каким видом не хотел пускать его в Москву.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве. 17 марта 1611 г., в Вербное воскресенье, Гермогена на время освободили из-под стражи для торжественного шествия на осле. Но народ не пошел за вербой, так как по Москве распространился слух, что Михаил Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого задать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Салтыков ожидал подхода ополчения Ляпунова ко вторнику и поэтому хотел превентивно расправиться с москвичами. Поляки стали готовиться к обороне — втаскивать пушки на башни в Кремле и Китай-городе, а тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан в случае нападения поляков. Пробрались и воеводы: князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин и Иван Колтовской. Но утро вторника началось как обычно — в городе было тихо, купцы отперли лавки в Китай-городе и начали торговлю. В это время на рынке пан Николай Козаковский велел извозчикам идти помогать

втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наемников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В тот день в Китай-городе было убито около 7 тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку — столами, скамьями, бревнами — и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и бревна.

На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь ДМ. Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов — знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: „Огня! Огня! Жги домы!“ Наши пахолики подожгли один дом — он не загорелся; подожгли в другой раз — нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый — все тщетно: сгорает только то, чем поджигали, а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины — и сумели запалить дом, так же поступили и с другими, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дуя с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу».

От себя добавим, что Михаил Салтыков по собственной инициативе зажег свой дом в Белом городе За изменника-отца ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили с пристрастием, а затем посадили на кол.

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сретенке. Там до вечера дрался князь Дмитрий Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около 7 тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ полякам прекратить убийства, а покорившимся москвичам иметь особый знак — подпоясываться полотенцем.

В пятницу, 22 марта, разведка донесла полякам, что к Москве приближается 10-тысячный отряд ополчения под командованием стольника Андрея Просовецкого. Гонсевский выслал против него конницу Зборовского и Струся. Просовецкий, потеряв в бою около 200 казаков, отступил и засел в гуляй-городах, на которые поляки не посмели напасть и отошли в Москву.

24 марта к Москве подошло все ополчение во главе с Прокопием Ляпуновым. Русские расположились близ Симонова монастыря, обставив себя вокруг гуляй-городами, то есть укреплениями из телег и различных деревянных заграждений.

Александр Гонсевский вывел польское войско из Москвы и подошел к русским гуляй-городам. Но Ляпунов не принял бой. Тогда Гонсевский послал немецких наемников атаковать русских, но те были отбиты с большим уроном. Отбив немцев, русские стрельцы перешли в контратаку. Польская конница спешилась и открыла стрельбу по русским. Все это время казацкая конница не выходила из-за обозов, но когда поляки начали отступать к Москве, казаки вышли из обоза, поляки остановились, чтобы дать им отпор, тогда казаки опять ушли в обоз. Поляки двинулись к Москве, казаки снова вышли из обоза и начали преследование поляков. Интервенты едва успели войти в Москву, и больше уже из нее не выходили.

1 апреля ополчение подошло к стенам Белого города. Прокопий Ляпунов встал у Яузских ворот, князь Дмитрий Трубецкой с Иваном Заруцким — напротив Воронцовского поля, костромские и ярославские воеводы — у Покровских ворот, Измайлов — у Сретенских ворот, князь Мосальский — у Тверских. 6 апреля русским удалось овладеть большей частью Белого города.

Со времен бегства из Тушина Лжедмитрия II «гулял» по Руси отряд Яна (Петра) Сапеги. Жили сапеженцы, как и положено, грабежом и никому не подчинялись. Сапега заводил флирт с Лжедмитрием II в Калуге, а после

смерти самозванца начал флиртовать с Ляпуновым, предложив сражаться вместе против поляков «за веру православную». Неразборчивый в средствах Прокопий принял предложение Сапеги, но стороны не сошлись в цене — уж больно много требовал пан Сапега.

И вот в начале мая Сапега с отрядом появился у стен осажденной Москвы и стал лагерем на Поклонной горе. Представители Сапеги явились к Ляпунову и опять стали торговаться, и опять не сошлись в цене. Тогда у гонористого пана взыграл польский патриотизм, и он с боем прорвался в Москву. Однако проку от Сапеги и его отряда было мало. С одной стороны, в Москве назревал голод, и кормить сапеженцев было накладно. С другой стороны, шайки разбойников, в которые превратилась частная армия Сапеги, могли окончательно разложить польский гарнизон. Поэтому Александр Гонсевский не возражал, когда через несколько дней Сапеге наскучила Москва, и он отправился «гулять» дальше, прихватив с собой несколько сотен поляков из войска Гонсевского. Позже некоторые русские историки, включая С.М. Соловьева, гадали, «зачем он (Гонсевский) себя ослабил таким образом?» Да его и спрашивать никто не стал! Договорились паны ротмистры с Сапегой и ушли со своими ротами.

Король Сигизмунд отправил к Москве небольшой отряд под командованием ротмистров Кишки и Конецпольского. Поляки же, засевшие в Москве, стали распускать слухи, что к ним на помощь идет гетман Ходкевич с большим войском. В знак радости поляки открыли большую стрельбу из ружей и пушек. Настрелявшись «в белый свет» и думая, что нагнали страху на Москву, поляки вечером 21 мая разошлись по домам и спокойно заснули. Но русские под стенами столицы не спали. За три часа до рассвета они тихо приставили лестницы и полезли на стены Китай-города. Полякам с большим трудом удалось отбить атаку на Китай-город. Однако в ходе упорного боя русские окончательно очистили от поляков Белый город.

Утром 23 мая Ляпунову сдались немецкие наемники, оборонявшиеся в Новодевичьем монастыре. По версии польского историка XIX века Казимира Валишевского, казаки Заруцкого после сдачи монастыря изнасиловали всех монахинь, включая инокиню Ольгу (Ксению Годунову), а затем отправили их во Владимир. После захвата монастыря русские периодически приближались к стенам Кремля и Китай-города и дразнили поляков: «Идет к вам на помощь гетман литовский с большою силою, идет с ним пятьсот человек войска! Больше не надейтесь, уже это вся Литва вышла. Идет и Конецпольский, живности вам везет, везет одну кишку», («кишка» по-польски — колбаса), еще кричали: «Радуйтесь, конец

польский приближается!»

Королю Сигизмунду действительно было не до Москвы, он предпринимал отчаянные попытки покончить, наконец, со Смоленском.

Между тем силы гарнизона и жителей Смоленска иссякали. В городе свирепствовала цинга. Современники утверждали, что к концу осады из 80 тысяч жителей осталось не более 8 тысяч. Из Смоленска к королю перебежал некий Андрей Дедешин, который указал на слабые места в стене. Король велел построить там несколько осадных батарей. После нескольких дней бомбардировки стены рухнули. Ночью 3 июня 1611 г. поляки полезли в пролом. Начался бой на городских улицах. Смоленск горел.

Воевода Михаил Шеин был взят в плен, где подвергся жестоким пыткам. После допроса его отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

Взятие Смоленска вскружило голову королю. Вместо похода на Москву он немедленно распускает свою армию и едет в Варшаву. Видимо, на это решение повлияло и безденежье короля — наемникам нечем было платить. Но главным фактором все же была эйфория!

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили подавляющее большинство панства, что Москва окончательно покорена. Коронный вице-канцлер Феликс Крыский заявил в Варшаве: «Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники — все в руках короля».

Однако победа не только не способствовала усилению королевской власти в Польше, наоборот, участники недавно подавленного рокоша — Гербут, Стадницкий и другие — начали готовить очередной мятеж. Они вошли в переписку с Гавриилом Баторием, племянником знаменитого польского короля Стефана Батория, и пригласили его занять польский престол.

Между тем польский гарнизон в Москве оказался в очень сложном положении. Поляки и их сторонники вроде Федора Андронова окончательно разграбили царскую казну. Денег и драгоценностей было в избытке, но их нельзя было есть. Как писал Конрад Буссов, сидевший в Кремле вместе с поляками, «из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских… Польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают chimica artr (химически),

но все-таки они не могут насытить голодный желудок. Через три месяца (после прихода Ляпунова) нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, то есть 15 медных грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а караваи хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще много было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов отнял у поляков Белый город. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти».

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля, имевших мощные каменные укрепления. У ополчения не было достаточного числа осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Поэтому русские ополченцы решили взять поляков измором, а пока занялись решением политических проблем.

Наиболее важной проблемой было командование ополчением. В нем практически не оказалось знати. Среди руководителей ополчения были два боярина — Дмитрий Трубецкой и атаман Иван Заруцкий, но боярство их было липовое; в бояре их произвел Тушинский вор. Прокопий Ляпунов имел более низкое звание — думный дворянин, но он получил его законным путем. По уму и энергии Ляпунов существенно превосходил обоих «тушинских бояр». После долгих споров решено было сделать главными воеводами ополчения всех троих Такое решение существенно ослабило ополчение как с военной, так и с политической точки зрения.

В апреле 1611 г. Прокопий Ляпунов, Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой привели ополчение к присяге, в которой говорилось: «Стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стакнулся; очистить Московское государство от польских и литовских людей; не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран землей».

В ополчении возник постоянно действующий Земский собор. Собором было выбрано «правительство», которое, естественно, возглавили три главных воеводы ополчения. В противовес бездействующим московским приказам, при ополчении были созданы свои приказы (нечто вроде современных министерств).

Власть «подмосковного правительства» признали 25 городов, в том числе Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переславль-Залесский,

Ростов, Кострома, Вологда, Калуга и Муром.

К сожалению, ни Земский собор, ни его «правительство» не смогли не только предложить достойного кандидата на московский трон, но даже определить порядок избрания царя.

Прокопий Ляпунов оказался в чрезвычайно сложном положении. Он прекрасно понимал, что его, простого рязанского дворянина, никогда не выберут в цари. Выбирать на престол кого-нибудь из бояр, сидевших в Москве, то есть фактических врагов ополчения, не хотели ни Ляпунов, ни большинство ополченцев.

Князь Дмитрий Трубецкой активно лез в цари, но ему тоже не хватало знатности, да еще не было ни ума, ни способностей. К трону рвался и «боярин» Иван Заруцкий.

Козырным тузом лихого казака была Марина Мнишек с «царенком». Заруцкий регулярно наведывался в Коломну к Марине.

Узнав о планах Заруцкого, патриарх Гермоген немедленно разразился «обличениями». Он написал несколько грамот к воеводам ополчения, чтобы они не выбирали на царство «проклятого Маринкина паньина сына». На всякий случай патриарх продублировал это предостережение в грамотах в Нижний Новгород, Казань и другие города, добавив призыв «отвергнуть воренка», если казаки выберут его на царство «своим произволом».

В такой ситуации Прокопий Ляпунов решил вступить в сношения со шведским королем, чтобы прозондировать возможность возведения на престол его сыновей — старшего Карла-Филиппа или младшего Густава-Адольфа. К шведам поехал воевода Василий Иванович Бутурлин.

Вблизи Новгорода состоялись переговоры Бутурлина со шведским командующим Якобом Делагарди. Бутурлин заявил: «Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». Поэтому вся земля просит шведского короля дать на Московское государство одного из сыновей. Переговоры затянулись, так как шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов.

16 июля 1611 г. шведы обманом завладели Новгородом.

В находившемся рядом Пскове царило безвластие. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. 23 марта 1611 г. в Иван-городе появился «вор» Сидорка, назвавшийся само собой царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. В Ивангороде на радостях три дня звонили в колокола и палили из пушек.

Лжедмитрий III вступил в переговоры со шведским комендантом Нарвы Филиппом Шедингом. Когда шведский король узнал из донесения Шединга о явлении спасенного Димитрия, то направил в Ивангород своего посла Петрея, в свое время бывшего в Москве и видевшего Лжедмитрия I. Прибыв в Иван-город, Петрей увидел перед собой явного проходимца, после чего шведы прекратили всякие контакты с ним.

Идея возвести на престол шведского королевича вызвала яростное сопротивление казаков. Им куда интереснее было иметь на престоле своего царя, например, того же «воренка» с регентом Заруцким или даже самого Ивана Заруцкого. А поведение шведов в Новгороде давало возможность взыграть «патриотическим чувствам казачества».

Однако конфликт в подмосковном лагере возник не из-за большой политики, а из-за снабжения. Ополчение надо было как-то кормить. Централизованного сбора налогов на территориях, признавших власть ополчения, Прокопий Ляпунов, сколько ни старался, наладить не мог. В итоге казаки попросту грабили Русь так же, как они это делали при Тушинском воре.

В «Карамзинском хронографе» говорится: «…в разряде, и в Поместном приказе, и в иных приказех сидели дьяки и подьячие и из городов и с волостей на казаков кормы збирали и под Москву привозили, а казаки воровства своего не оставили, ездили по дорогам станицами и побивали».

А.Л. Станиславский пишет: «Приставства казаки рассматривали обычно как замену выдаваемого из приказов месячного содержания. Формы приставств были различны — от сбора определенных „запасов“ несколькими представителями станицы в соответствии с распоряжением правительства до фактически временного коллективного владения взятой в приставство территорией, на которой останавливались казаки. Так как в приставства казаки брали и черносошные, и дворцовые, и монастырские, и частновладельческие земли, под угрозой оказалось привилегированное земледелие дворянства и духовенства»[83].

Мало того, казачьи атаманы, а затем и простые казаки начали самозахват земель. Понятно, тут речь идет о местных «воровских» казаках. Донцы и запорожцы всегда были не прочь пограбить, но в Сечь и в Раздоры землицу с собой не возьмешь.

В июне 1612 г. Дмитрий Пожарский писал: «Иван же Заруцкой многие городы и дворцовые села, и черные волости, и монастырские отчины себе поймал и советником своим, бояром, и воеводам, и дворяном, и детем боярским, и атаманом, и казаком роздал».

Сохранилась жалоба дворянина Л. Валявского: «Пожаловали вы, государи, меня в поместье сельцом Муромским во Владимирском уезде, и тем сельцом казаки завладели, место пустое и разоренное». Тарусские дворяне в ноябре 1611 г. просили «бояр и воеводы» выгнать казаков из их поместий.

Какие-то земли казаки захватывали сами, какие-то поместья им официально «жаловали» князь Трубецкой и Иван Заруцкий. Так, например, атаман Василий Савельев получил имение в Луховском уезде. Знаменательно то, что оное имение по приказу князя Пожарского и Кузьмы Минина в 1612 г. было передано смоленским дворянам.

Прокопий Ляпунов и часть дворян Первого ополчения пытались хоть немного обуздать казаков. И вот возмущенный грабежами и убийствами мирных граждан воевода Матвей Плещеев поймал 28 казаков и велел их утопить. Однако их подоспевшие товарищи отбили осужденных. Мало того, казаки собрали круг и начали высказывать претензии руководству ополчения. Ляпунов разгневался, решил покинуть лагерь ополчения и уехать в Рязань. По приказу Заруцкого казаки нагнали его у Симонова монастыря и уговорили остаться. Заруцкий боялся, что в Рязани Ляпунов начнет сбор нового и уже однородного дворянского ополчения.

Поляки хорошо знали все происходившее в лагере осаждающих. Гонсевский понимал, что ополчение держится на Ляпунове, а казаков с Трубецким и Заруцким он не боялся. И «староста московский» решил устроить провокацию. Во время одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Исидора Заварзина. Заварзин захотел освободить товарища и вступил в переговоры с Гонсевским, предлагая выкуп. Гонсевский воспользовался этим случаем и велел написать подложную грамоту от имени Ляпунова. Грамота была адресована во все города России. Там говорилось: «Где поймают казака — бить и топить, а когда, бог даст, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим».

Подделка была отдана освобожденному казаку, а тот, вернувшись к своим, отдал грамоту Заварзину: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашею братьею, казаками, Ляпунов делает! Вот грамоты, которые литва перехватила». Взяв грамоту, Заварзин ответил: «Теперь мы его, блядского сына, убьем!»

22 июня 1611 г. казаки собрали круг, зачитали письмо и потребовали на круг главных воевод. Князь Трубецкой и атаман Заруцкий на круг не поехали. Прокопий Ляпунов тоже отказал посланному за ним атаману Сергею Карамышеву. Тогда круг направил к Ляпунову двух детей боярских:

Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов поехал к казакам в сопровождении нескольких дворян.

Когда Ляпунов вошел в круг, атаман Карамышев стал кричать, что он изменник, и показал воеводе грамоту. Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». В ответ Карамышев ударил воеводу саблей. Ляпунова пытался защитить дворянин Иван Никитич Ржевский, но озверелые казаки изрубили саблями обоих.

Заметим, что ни князь Трубецкой, ни тем более атаман Заруцкий не пытались не только защитить Ляпунова, но даже соблюсти приличия после его смерти. Три дня изрубленные тела Ляпунова и Ржевского валялись рядом с казацким острожком. Тела были сильно обезображены бродячими собаками. Лишь на четвертый день тела бросили в простую телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда тела перевезли в Троице-Сергиев монастырь и там захоронили без всяких почестей. Надпись на простом каменном надгробии гласила: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 119 (1611) года июля в 22 день».

Убийство воеводы показало, что главные воеводы потеряли контроль над ополчением, а само ополчение из земской рати, вставшей на защиту отечества, превратилось в шайку разбойников.

Через несколько дней после убийства Ляпунова в ополчение из Казани доставили список с иконы Казанской Богородицы. Руководство ополчения решило устроить торжественную встречу иконы. Духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с казаками выехали верхом. Казаки решили, что служилые люди хотят отличиться от них благочестием, и они начали оскорблять их. Вскоре казакам и этого показалось мало, и они пустили в ход сабли. Несколько десятков дворян и стрельцов было убито и ранено. Иван Заруцкий и Дмитрий Трубецкой, как и в случае с Ляпуновым, принципиально не вмешивались.

После этого инцидента началось массовое бегство из ополчения дворян и других служилых людей. Наиболее богатые из дворян покупали у Заруцкого воеводства и другие должности и отправлялись на места службы наверстывать заплаченные деньги.

Под Москвой остались в основном воровские казаки и некоторое число дворян, привыкших к разбоям и разгульной жизни. Большинство из них привыкло жить и ладить с казаками в Тушине и Калуге у Лжедмитрия II.

4 августа 1611 г. к Москве вновь подошло воинство Петра Сапеги, везшее с собой большой обоз с провиантом. Сапега атаковал казачьи

острожки за Яузой, намереваясь прорваться в Китай-город через Яузские ворота. Однако казакам удалось отбиться от сапеженцев. Из Белого города пошли на вылазку поляки Гонсевского и тоже были отбиты с большим уроном.

На следующий день Сапега напал на русских с запада. Навстречу ему опять сделали вылазку осаженные. В Белом городе шли ожесточенные бои. Полякам удалось захватить Арбатские и Никитские ворота Белого города и беспрепятственно провести в Кремль обоз с продовольствием. Позже поляки — участники сражения — писали, что русские были чрезвычайно испуганы и вечером 5 августа их можно было разгромить наголову. Однако когда Александр Гонсевский попытался ввести в бой свежие хоругви[84], стоявшие в Кремле, то они попросту отказались выходить из-под защиты стен.

Утром 6 августа Гонсевский и Сапега отдали приказ о генеральной атаке русских. И на сей раз несколько хоругвей отказались повиноваться. Гонсевскому пришлось дать отбой. Вскоре Петр Сапега заболел и 14 сентября умер в Кремле в доме Шуйского.

В марте 1611 г. литовский гетман Ян Карл Ходкевич с частью польских войск, дислоцированных в Ливонии, двинулся на Русь. Для начала он осадил Печерский монастырь. Осада монастыря продлилась шесть недель. Поляки семь раз ходили на приступ и были отбиты. Из Риги доставили несколько тяжелых осадных орудий, среди которых были большие стенобитные пушки «Самсон» и «Баба». Башни и стены крепости были повреждены бомбардировкой, но осажденные не сдавались. В конце концов гетману Ходкевичу пришлось снять осаду с монастыря и двинуться к Москве.

Заруцкий и Трубецкой знали о походе гетмана и решили взять Москву до его прихода. 15 сентября осаждающие начали бомбардировку Китай-города. Каленые ядра и мортирные бомбы вызвали сильный пожар. Ополченцы пошли на штурм и ворвались в Китай-город, однако вскоре были выбиты польскими хоругвями, вышедшими из Кремля.

По ряду причин Ян Карл Ходкевич задержался и подошел к Москве только в конце октября. Ходкевичу удалось прорваться в Москву. Однако доставленные им запасы продовольствия были незначительны. Пожары же 15 сентября в Китай-городе уничтожили большую часть продовольствия и особенно фуража.

Пан Ходкевич был опытным полководцем и, правильно оценив ситуацию, счел за лучшее ретироваться из столицы. Он зазимовал в монастыре в Рогачеве в 20 верстах от Ржевска.

Бояре, сидевшие в Кремле, видели, что только прибытие Сигизмунда с войском может их спасти. В начале октября они направили к королю новое посольство, в которое входили князь Юрий Никитич Трубецкой, Михаил Глебович Салтыков и думный дьяк Яков. В грамоте к Сигизмунду говорилось, что новое посольство отправляется потому, что старые послы, как писал сам король, действовали не по тому наказу, который был им дан, ссылались с калужским вором, с осажденными в Смоленске, с Ляпуновым и другими изменниками. Эта грамота начиналась словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Аресений архиепископ архангельский и весь освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольничие» и т. д. Среди подписантов были, разумеется, и Романовы — боярин Иван Никитич и стольник Михаил Федорович. Патриарху Гермогену на подпись грамоту не дали, да он никогда и не согласился бы подписать грамоту, в которой бояре называли себя подданными польского короля.

Посольство должно было доставить радость королю. Бояре согласились практически со всеми его условиями. Но, увы, это посольство представляло не русское государство, а несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Сигизмунд же не шел под Москву не потому, что ждал боярского приглашения, а потому, что не имел возможности идти. Его удерживали происки панов-рокошан и масса иных обстоятельств, но главное — у него не было денег. Создалась безвыходная ситуация: Александр Гонсевский не мог долее удерживать Москву, атаман Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой не могли взять Москву, король не мог выручить Гонсевского. Сложившуюся ситуацию могла кардинально изменить лишь новая сила. И эта сила не замедлила появиться.

Глава 12. Кузьма Минин и князь Пожарский против ляхов и казаков

Трудно найти человека в России, который не знал бы о подвиге Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Однако дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишенного честолюбия. Вообще этакого исправного служаку-бессребреника — совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI века князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из прусс») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»), Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатным родам по женской линии. Родословная Пожарских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее.

В 1238 г. великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. С конца XVI века Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX века это уже было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Мугреево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича, Василий, получил в удел волость с городом Пожар (Погара)[85] в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале

XV века стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 год, на царской службе состояли тринадцать стародубских князей.

Отец нашего героя стольник Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Никита Михайлович Сорок-Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 г. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации Казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI века одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае. Но юность его прошла недалеко от Суздаля в родовом гнезде — селе Мугрееве у реки Лух. Дмитрий стал вторым ребенком в семье, у него были старшая сестра Дарья и младший брат Василий. В 1587 г. скончался отец, Михаил Федорович, и все заботы о семье пришлось

взять на себя матери Марии Федоровне, урожденной Беклемышевой.

Старинный дворянский род Беклемышевых вел свою родословную от некоего Гавриила, «мужа честна», выехавшего из Новгорода Великого из Прусского конца на службу в Москву к Василию I. Внук Гавриила Федор за что-то получил прозвище Беклемыш, и его потомков стали именовать Беклемышевыми. Правнук Федора Беклемыша Иван Никитич Беклемышев-Берсень[86] был очень близок к Ивану III. Так, в 1495 г. в Новгородском походе он имел должность постельничего великого князя. Беклемышев-Берсень был знаменитым дипломатом своего времени, ездил послом в Литву и Крым. Сравнительно небольшой чин — он был думным дворянином — не мешал ему играть важную роль как в международной, так и во внутренней политике Ивана III. Иван Никитич пытался стать советником и у Василия III, но тот вообще стал пренебрегать Боярской думой. Берсень позволил себе вступить в спор в Боярской думе с Василием III по поводу Литовской войны. Великий князь рассвирепел и заорал: «Поди, смерд, прочь, не надобен ми яси!»

Заметим, что таких речей в думе никогда не позволял себе ни Иван III, ни тем более его предшественники. Берсень же попал в опалу, а в 1525 г. был по приказу Василия III обезглавлен на льду Москвы-реки. Однако на его потомство опала не была наложена.

Младший сын Берсеня Федор Никитич выдал в 1571 г. свою дочь Ефросинью за Михаила Федоровича Пожарского. Уже в браке Ефросинья по каким-то причинам сменила свое имя на Марию.

Уже в девять лет Дмитрию Пожарскому довелось подписать деловую бумагу. После смерти мужа Мария Федоровна на помин его души отдала Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю деревню. Жалованная грамота была составлена от имени наследника, и Дмитрий поставил под ней свою подпись.

В 1602 г. царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатичетырехлетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры.

Дмитрий Михайлович Пожарский за всю свою военную карьеру не проиграл ни одного боя, если не считать восстания в Москве. Князь был «морально устойчив» — вместе со всей страной он целовал крест Лжедмитрию I, а затем Василию Шуйскому и больше никому — ни Тушинскому вору, ни королевичу Владиславу.

6 октября 1611 г. монахи Троицкого монастыря опять разослали грамоты по городам с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек

и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропускать и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель…».

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквах русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?» И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земский староста Кузьма Минин Сухорук

К Кузьме Минину хорошо подходят слова кардинала Мазарини об Оливере Кромвеле: «Такие люди, как удар молнии, о ней узнают, когда она поражает…».

О судьбе Минина и Пожарского и сборе Второго ополчения написано немало, поэтому я расскажу лишь о стратегическом плане Пожарского и о его отношении к казакам[87].

Еще в Нижнем Новгороде Пожарский и Минин разослали по всем городам грамоты: «…междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у бота, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадою, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми… идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужцы и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы, всякие люди

Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и домы с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налогу или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы своею землею о том совет учиним и дурна никакого ворам делать не дадим… Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точна так же и литовского короля».

Содержание грамот было фактически манифестом Второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, а также от Марины с ее «воренком», но и наведут в стране порядок — «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди Второго ополчения. Как писал историк С.М. Соловьев, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с юго-запада Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разосланных по городам Семибоярщиной.

Поляки и Семибоярщина узнали о созыве Второго ополчения, когда князь Пожарский еще был в Мугрееве. Как-либо помешать сбору Второго ополчения ни Семибоярщина, ни поляки не могли за неимением свободных войск. Боярской думе оставалось лишь вести психологическую войну — рассылать грамоты, обличающие вождей Второго ополчения. Бояре начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить мужественного патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. От твердо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 г. воевода Дмитрий Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма

Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким, — это повторить судьбу Ляпунова и погубить Второе ополчение.

В январе 1612 г. Дмитрий Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалю, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земский собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землей выберем на Московское государство государя, кого нам бог даст».

Князь Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками — это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или «воренке» Марины Мнишек. Теоретически могли быть разобраны лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен — уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с Первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное, в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Между тем осложнилась обстановка на севере Руси. 8 июля 1611 г.

самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскову шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его войска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Иван-город. 4 декабря 1611 г. Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем.

Вождям Первого ополчения давно требовался кандидат на престол. Многие казаки, не говоря уж о дворянах, не любили атамана Ивана Заруцкого и не желали «воренка» Ивана Дмитриевича. Поэтому в Псков срочно была послана делегация казаков во главе со сподвижником Тушинского вора Казарином Бегичевым. В Пскове Казарин только взглянул на самозванца, как закричал во всю мочь: «Вот истинный государь наш калужский!» 2 марта 1612 г. по предложению Ивана Плещеева Первое ополчение присягнуло Псковскому вору или, как его иногда называют историки, Лжедмитрию III.

Узнав о намерении князя Дмитрия Пожарского двинуть войско на Москву в обход, князь Трубецкой и атаман Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода в день Великого поста 23 февраля 1612 г. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители встретили Пожарского хлебом-солью, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам.

Плещеев был «липовым боярином», получившим сей чин у Тушинского вора. Позже он пошел в Первое ополчение, но после убийства Прокопия Ляпунова покинул его. Под Москвой Плещеев вдоволь насмотрелся на казацкие бесчинства и безоговорочно встал на сторону Минина и Пожарского.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасать Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе

костромичей Пожарский назначил им нового воеводу князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из Первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге Первого ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки Второго ополчения. В первых числах апреля 1612 г. основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

4 апреля 1612 г. в Ярославль пришла грамота из Троице-Сергиева монастыря. Дионисий, Авраамий Палицын, Сукин и Андрей Палицын уведомляли, что «2 марта злодей и богоотступник Иван Плещеев с товарищами по злому воровскому казачьему заводу затеяли под Москвою в полках крестное целованье, целовали крест вору, который в Пскове называется царем Димитрием; боярина князи Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, дворян, детей боярских, стрельцов и московских жилецких людей привели к кресту неволею: те целовали крест, боясь от казаков смертного убийства; теперь князь Дмитрий у этих воровских заводцев живет в великом утеснении и радеет соединиться с вами. 28 марта приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины, прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам, и все бы православные христиане, соединясь, промышляли над польскими и литовскими людьми, и над теми врагами, которые завели теперь смуту. И вам бы положить на своем разуме о том, может ли и небольшая хижина без настоятеля утвердиться, и может ли один город без властодержателя стоять: не только что такому великому государству без государя быть? Соберитесь, государи, в одно место, где бог благоволит, и положите совет благ, станем просить у вседержителя, да отвратит свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам православным христианам порухи не сделали. Нам

известно, что замосковские города — Калуга, Серпухов, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут вашего совета. Да марта же 28 приехал к нам из Твери жилец и сказывал, что в Твери, Торжке, Старице, Ржеве, Погорелом Городище также креста не целовали, ждут от вас промысла и совета; Ивана Плещеева в Тверь не пустили, товарищам и его казакам хлеба купить не дали. Молим вас усердно, поспешите придти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменного города, острогов, наряду».

В этой грамоте также говорилось о страдальческой кончине патриарха Гермогена: «В изгнании нужне умориша».

Я специально подробно привожу грамоту монахов, которую никак не комментировали ни Соловьев, ни другие историки. А ведь суть грамоты — «соберитесь в одно место, где бог благословит» и выберите царя. А где может бог благословить, указано ниже: «…поспешите придти к нам в Троицкий монастырь». Понятно, что монастырское начальство крайне обеспокоено, как бы Земский собор не собрался в Ярославле и не выбрал бы царя без них. А Дионисий и Палицын очень хотели провести собор в Троице-Сергиевом монастыре. Там вполне могло случиться и чудо — явился бы Сергий Радонежский и указал бы достойного кандидата на престол. Кроме того, у монахов были вполне земные аргументы: крепкие стены и большие пушки Троицы. Наконец, недалеко было и Первое ополчение, и троицкие монахи надеялись контролировать ситуацию, играя на противоречиях руководителей ополчения. Надо ли говорить, что Минин и Пожарский не попались в ловушку для дураков. Они и не подумали идти в Троицу, а призыв монахов выбрать «пастыря» использовали в своих грамотах, рассылаемых по стране.

7 апреля из Ярославля по городам пошли грамоты, где говорилось: «Бояре и окольничие, и Дмитрий Пожарский, и стольники и дворяне большие и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князья, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкари и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют. По умножению грехов всего православного христианства, бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения…(*Далее следовало перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и последовавшего за этим буйства казаков*). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы и казаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без совета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке, желая бояр, дворян и всех

лучших людей обить, именье их разграбить и владеть по своему воровскому казацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и обезглавлен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы все православные христиане общим советом, согласились со всею землею, обет богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке (то есть Псковскому вору. — *А.Ш.*) и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылаться? И как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками».

Созыв собора в обстановке смуты и хаоса — дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли учреждения типа министерств — Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване Грозном и Борисе Годунове. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова.

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом русского государства еще со времен

Ивана III. Однако новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

В отношении Первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. С другой стороны, по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей Первого ополчения. С некоторой долей упрощения ситуации это можно представить так Минин и Пожарский признавали власть Первого ополчения только под Москвой — и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 г. к Суздалю подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошел к Переславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода Первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

Считая себя правителем государства, князь Пожарский взял в свои руки все внешнеполитические дела. Воевода прекрасно понимал, что у Второго ополчения нет сил для одновременной войны с поляками и шведами, и решил выиграть время, вступив в переговоры со Швецией. Для этого 13 мая 1612 г. в Новгород был послан Степан Татищев с грамотами от Минина и Пожарского к митрополиту Исидору, новгородскому воеводе князю Ивану Большому Никитичу Одоевскому и шведскому воеводе Якобу Делагарди.

Князь Пожарский из Ярославля вступил в переговоры со шведским королем и австрийским императором. Повод — поиск кандидатов на русский престол и коалиция против Речи Посполитой.

Ярославское правительство действительно предлагало престол брату нового шведского короля Густава II Адольфа принцу Карлу-Филиппу и

брату императора Священной Римской империи эрцгерцогу Максимилиану.

Князь Пожарский пытался устроить Польше войну на два фронта (как в 1939 году!) при довольно большой вероятности успеха. Однако по ряду причин, в том числе из-за турецкой угрозы, Рудольф II не выступил против Польши. Однако сам факт ведения переговоров ярославского правительства с австрийским императором был замечен в Польше и стал серьезным аргументом у радных панов против продолжения королевской войны с Россией.

А внутри страны толки о брате шведского короля и брате императора Священной Римской империи создавали Пожарскому большой пропагандистский эффект. Ну, предположим, собрали вожди ополчения в Ярославле собор представителей всех русских городов, а кандидатура одна — стольник Пожарский. А других нет. Под знаменем Второго ополчения, кроме него, не было ни Рюриковичей, ни Гедиминовичей. И получилось бы, что Пожарский избрал сам себя. А тут лучшие в Европе кандидаты — эрцгерцог и принц. Другой вопрос, если собор обнаружит у каждого из них принципиальные недостатки. Ну тогда, простите, по всей Европе искали, ничего лучшего не нашли, больше некому царем быть, как только Дмитрию Михайловичу.

Казалось, еще немного — и Земский собор изберет славного воеводу царем, а митрополита Кирилла — патриархом. Со Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 г. войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед князем Пожарским и Кузьмой Мининым возникла роковая дилемма — идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей-неволей придется сотрудничать с Первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что собой представляла публика из Первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но, с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует Второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий

Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в Первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков — Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа.

Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего произошедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя — приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан князя Трубецкого и атамана Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была еще одна причина спешить к Москве — надо было спасти дворян и детей боярских, все еще остававшихся в Первом ополчении, от казацкой расправы.

В свое время украинные города направили в Первое ополчение своих ратных людей. Теперь они стояли в Никитском остроге под Москвой и постоянно подвергались оскорблениям и угрозам со стороны казаков атамана Заруцкого. «Украинцы» послали к Пожарскому в Ярославль дворян Кондырева и Бегичева с соратниками просить, чтобы ополчение отправлялось на Москву как можно скорее, чтобы спасти их от казаков. Когда посланцы увидели, в каком довольстве живут ратники Второго ополчения, то не могли промолвить и слова от душивших их слез. Многие во Втором ополчении лично знали Кондырева и Бегичева и теперь едва узнавали их — так жалко они выглядели. Им дали денег и одежду и отправили назад с радостным известием, что ополчение выступает к

Москве. Заруцкий и казаки узнали, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, и решили избить их. Дворянам удалось укрыться в полку Дмитриева, а остальные «украинцы» разбежались по своим городам.

Разогнав «украинцев», атаман Заруцкий решил преградить путь Второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно атаман Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в Первом ополчении, и Иван Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Иван Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове.

Ходкевич подошел к Москве, но напасть на позиции Первого ополчения не решился. В свою очередь, Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая ввод войск Ходкевича. Гетман не сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвел ротацию польского гарнизона в Кремле.

Александр Корвин Гонсевский со своим отрядом покинул Москву, а его место начальника гарнизона занял полковник Николай Струсь. Его отряд и оставшийся полк Осипа Будилы стали главной силой, отбивавшей вылазки казаков.

Обратим внимание, что речь идет о королевских войсках, а не о частных армиях польских магнатов. Но к 1612 г. и королевские войска, действовавшие в России, превратились в банды озверелых грабителей. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведу цитату польского историка XIX века Казимира Валишевского, пытавшегося в своем труде по возможности оправдать своих соотечественников. «Взбунтовавшись из-за задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича с января 1612 г. перешли от конфедерации к дезертирству. Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений»[88].

Разумеется, Александр Гонсевский ушел из Москвы не с пустыми руками. Под видом боярского залога в счет жалованья полякам за службу он забрал много драгоценностей из сокровищницы русских царей — иконы в богатых золотых окладах, украшенные самоцветами, древние щиты и доспехи, оправленные черненым серебром стулья, сундучки с отборным

жемчугом, меха, ковры и многое другое, а также прихватил литую серебряную печать Василия Шуйского. Не погнушался Гонсевский взять и царские регалии — царский посох, венцы Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Венец царя Бориса был украшен лазурным и синим сапфирами, доставленными с Цейлона, а также алмазами, рубинами и жемчугом. Венец Лжедмитрия I украшал необыкновенной величины и чистоты алмаз. Взял, не побрезговал Александр Гонсевский и чудесного единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу.

В конце июля главные силы Второго ополчения выступили из Ярославля. Отойдя 7 верст от города, ополчение остановилось на ночлег. Здесь князь Пожарский передал командование второму воеводе ополчения своему свояку князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, велев им идти в Ростов и ждать его там, а сам с небольшим конвоем поехал в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь помолиться у гробов своих предков — стародубских князей. Для современного историка это мелкий эпизод, не заслуживающий внимания. А для того времени поездка к прародительским гробам имела большое политическое значение. Кто припомнит, чтобы какой-либо иной воевода Смутного времени перед решающим сражением шел молиться к прародительским гробам? А вот московские великие князья и цари обязательно совершали оное деяние перед походом. А что сделал Лжедмитрий I, войдя в Москву? Тоже полез молиться в Архангельский собор к гробам московских правителей. И вот, следуя традиции, князь Дмитрий Пожарково-Стародубский отправился к гробам своих предков — правителей Руси Рюриковичей.

Князь недолго пробыл в Суздале и быстро нагнал войско в Ростове. Там к Пожарскому привели гонца из подмосковного лагеря атамана Внукова. Тот рассказал о бегстве Заруцкого и просил князя идти как можно быстрее под Москву. Но главной целью миссии Внукова было выяснить отношения Пожарского к казакам, оставшимся под Москвой. Пожарский и Минин отнеслись к Внукову и приехавшим с ним казакам очень доброжелательно, дали денег и подарков и велели передать, что идут к Москве немедленно. И действительно, вслед за казацкими посланцами ополчение двинулось через Переяславль-Залесский к Троице-Сергиеву монастырю.

14 августа ополчение подошло к Троице и стало лагерем между монастырем и Клементьевской слободой.

В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой

частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому пришлось дать отряд из 700 конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала — враги захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

Вечером 18 августа 1612 г. ополчение Пожарского, не доходя 5 верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан Первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

В итоге Второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских ворот до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы Второго ополчения составляли немногим более 10 тысяч, а у князя Дмитрия Трубецкого осталось не более 3–4 тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал 500 конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора Первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у гетмана Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города

между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков — атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1939 г., и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 г. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью 400 возов с продовольствием в Кремль, 600 конных поляков сопровождали воза, а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С.М. Соловьев утверждал, что в Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа гетман Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного 5-часового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они (то есть дворяне Пожарского. — *А.Ш.*) богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провезти свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь, казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, гетман Ходкевич отступил, всеми силами стараясь сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьевы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него-де осталось всего 400 человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Яна Карла Ходкевича двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

Глава 13. Казацкий мятеж в Москве

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а, наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они-де должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября 1612 г. среди казаков пошли разговоры, что надо уезжать из-под Москвы и отправляться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются.

Если бы воровские казаки провалились в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тюфякин привел из Одоева 300 всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета — что делать. Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы.

В свою очередь, воеводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту: «…которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству…».

21 сентября был получен ответ: «От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будилы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому… Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились… Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы… Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, — мы их уже хорошо знаем».

Это поляки, разграбившие Москву и пол-России, пишут про «честность»! Паны-рокошане разглагольствуют о верности королю. Вот как только «ослы и байбаки» загнали поляков в Кремль и разгромили Ходкевича?! В таких случаях на Украине о поляках говорили: «всравшись орет — наша берет!»

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сидение» под Смоленском. Осенью же 1612 г. он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наемников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ этого места в XX веке была построена гостиница «Москва») была устроена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная Первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почетной капитуляции, то есть выпустить поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казаки узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой Кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, — князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам, русские воеводы согласились.

Вышедшие из Кремля боярыни и княжны пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский историк Р.Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто „литва“ держала бояр в неволе во все время осады Москвы»[89].

Такой вывод мастистого ученого, многие десятилетия занимавшегося

историей Руси в XVI — начале XVII веков, представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые, начиная с Ивана IV, именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекся, и правителем России с точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр — холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы Смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это, с одной стороны, чин, присваиваемый законным правителем страны, а с другой — звание высокородных людей, передаваемое по наследству. К 1612 г. в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный. Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то — Лжедмитрий I, кому-то — Василий Шуйский, а кому-то — Тушинский вор. Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин — это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно, людно и оружно». Но в октябре 1612 г. у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин, и они никого не представляли. Наоборот, большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого были куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками, освободил их, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме Первого и Второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы — дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в это момент князь

Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на соборе 1613 года.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, чтобы те не очень мешали казакам нападать на бояр, выходящих из Кремля, а при необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение», и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

И ют 26 октября (3 ноября по новому стилю) открылись Троицкие ворота Кремля, и на Каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой. Собственно, эта сцена стала хрестоматийной, и ее повторяют один в один все наши историки. Однако все историки по незнанию или иному умыслу забывают, что на следующий день из Спасских ворот Кремля вышел крестный ход православного духовенства, сидевшего в осаде вместе с поляками.

Впереди в сопровождении кучки монахов шел седой иерарх с крестом. Это был «черный кардинал» Смутного времени — крутицкий митрополит Пафнутий. За ним шли галасунский (архангельский) архиепископ Арсений и кремлевское духовенство.

Обратим внимание, что Пафнутий и другие духовные лица, видимо, ожидали резни на Каменном мосту и пошли отдельно от бояр.

В тот же день, 27 октября (4 ноября) произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой — Второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Поляки совершили столько зверств на русской земле, что властям малых городов не всегда удавалось защитить пленных от самосуда населения. Так, в городе Галиче толпа перебила всех пленных из роты Осипа Будилы. То же случилось с ротой Стравинского в Унже. Более

удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соли Галицкой — ее освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Польских офицеров во главе с Осипом Будилой 15 декабря доставили в Нижний Новгород, где взяли под строгий караул. Позже Будила напишет, что местные власти решили их всех утопить в Волге, но вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь.

Войдя в Кремль, ратники Пожарского и казаки Ляпунова ужаснулись. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, а Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с матерью уехали в свою вотчину — село Домнино Костромского уезда.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Ходкевича и вместе двинулись осаждать укрепленный городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошел до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна», и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Иван Карамышев и Чемесов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек.

27 октября Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге

от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Зиму 1612–1613 г. князь Пожарский провел в Москве. После освобождения столицы от поляков его влияние постепенно падало. Историки давно ломают копья в спорах — домогался ли Дмитрий Михайлович царского престола. Сторонники этой версии любят приводить показания дворянина Л. Сукина, который в 1635 г. утверждал, что «Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Противники утверждают, что-де Сукин врал со злости на князя. Главным же аргументом против «воцарения Пожарского» служит миф о храбром, но наивном и глуповатом воеводе, который и помыслить не мог о царском венце. Хорошей иллюстрацией этого мифа стала народная песня, записанная в 40-х годах XIX века П.В. Киреевским:

Собралися все князья, бояре московские,
Собиралися дуду думати,
Как и взговорют старшие бояре — воеводы московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»
Как и взговорют бояре — воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына!»
Как и взговорит к боярам Пожарский-князь:
«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
Не достоян я такой понести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.
Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —
Михаила сына Федоровича».

Давайте зададим себе простой вопрос, почему никто из историков не отрицает полководческого таланта Пожарского, его блестящих способностей, как политика, так и дипломата? И вдруг зимой 1612 г. Рюрикович Пожарский предлагает выбрать в цари малограмотного безродного подростка, всю жизнь проведшего за бабскими юбками, из семейства изменников, активно участвовавшего во всех заговорах против государства Российского с 1600 года. Я уж не говорю о том, что Михаил, в отличие от Пожарского и большинства его ратников, целовал крест

Владиславу, а его отец находился в польском плену.

Что же произошло, почему так поступил славный воевода? Может, его польским ядром контузило или временное затмение нашло? Нет, Дмитрий Михайлович Пожарский активно участвовал в борьбе за престол. Почему же не осталось письменных свидетельств очевидцев о предвыборной борьбе Пожарского? Ну, во-первых, резонно предположить, что все такие документы были уничтожены по указу Михаила, а во-вторых, Москва — не Варшава и не Париж, громко обещать панам злотые за избрание на престол и произносить исторические фразы, что-де Париж стоит мессы, не принято. Ни Годунов, ни Михаил ни разу не предлагали себя на престол, а, наоборот, категорически отказывались от него. Соответственно, и Пожарский не мог нарушить традицию. Но, увы, он совершил две роковые ошибки. Во-первых, о чем уже говорилось, вошел в соглашение с боярами при капитуляции поляков, а во-вторых, не сумел удержать в Москве дворянские части из Второго ополчения. В результате тушинским казакам угрозой применить силу, а в отдельных случаях и грубой силой удалось затащить на престол Михаила Романова.

Предположим, что князь Пожарский действительно был глупым служакой и на самом деле поддержал кандидатуру Михаила. Надо ли говорить, что об этом факте 300 лет тараторили бы романовские пропагандиста. Рисовались бы сусальные картинки и иконы, где седой воевода подает корону юноше с ангельским ликом. Увы, официальная пропаганда как-то невнятно говорит о позиции Пожарского на соборе. А теперь предположим, что Пожарский пытался «воцариться», но потерпел неудачу. Как должна была это отразить официальная историография? Вот, мол, лез князь Дмитрий на престол, а его поперли казаки-тушинцы и посадили Михаила? Тогда у многих возник бы резонный вопрос, а на каком основании Романовы оттерли от престола спасителя России, да еще и князя Рюриковича? Да и у меня самого, когда я в 5-м классе прочитал какую-то книжку о Пожарском, где рассказывалось, как царь Михаил унижал князя, возникла мысль, а как Пожарский допустил, чтобы престол заняла столь ничтожная личность? Естественно, что самым популярным объяснением позиции Пожарского на соборе было то, что-де по простоте души сам и отказался от престола.

Освобождение Москвы и отступление короля Сигизмунда дало возможность московскому правительству заняться созывом собора для избрания царя. В ноябре 1612 г. по всем городам были разосланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось: «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви божии в

прежнюю лепоту облеклись и божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми божиими промышлять некому, без государя вдосталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не поится и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания собора начались 6 декабря 1612 г., хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний собора уже три столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они так соскучились по сусальным картинкам «ля святая Русь», что с восторгом повторяли сказки XIX века.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX — начала XX века, то в основном их мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в России второй половины XIX века — начала XX века.

Официальная версия событий хорошо изложена у С.М. Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов или своего природного русского, и порешили „литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: литовский король Великий Новгород взял обманом“. Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: „Кто принес такую грамоту, кто, откуда?“ В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение: „Что это ты подал, атаман?“ — спросил его князь

Дмитрий Михайлович Пожарский. „О природном царе Михаиле Федоровиче“, — отвечал атаман. Одинакое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Как уже говорилось, наши церковные историки постарались «умертвить» Пафнутия еще в 1611 г. Но, на их беду, он был жив. Это обнаружено одним из лучших историков русской церкви профессором богословия Антоном Картуковым, который, находясь с 1919 г. в Париже, несколько десятилетий посвятил истории православной церкви и выпустил многотомный труд.

После смерти патриарха Гермогена митрополит крутицкий Пафнутий стал первым лицом в русской церковной иерархии. Он-то и руководил собором в первые месяцы. Лезть самому в патриархи ему не позволяли ни состояние здоровья, ни его прежние похождения. Естественно, Пафнутий не мог простить Пожарскому, что в июле 1612 г., будучи в Ярославле, тот пытался сделать митрополитом крутицким игумена Исайю. И Пафнутию ничего не оставалось делать, как примкнуть к своим давним покровителям — Романовым. Перед самым приездом Михаила Романова в Москву Пафнутий умер, и встретил претендента на престол уже казанский митрополит Ефрем.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии, 14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р.Г. Скрынников: «За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины»[90].

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 г., но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И.Б. Черкасский, И.Н. Одоевский и Б.М. Салтыков, а между тем первые двое получили боярство 11 июля 1613 г., а двое последних — в декабре 1613 г. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским

человеком. Кузьма Минин — исключение в XVII веке, в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься, как могли выбрать на престол в такой сложный момент шестнадцатилетнего юношу? Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12–14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая, по некоторым данным, и решила исход битвы. Младший лейтенант Буона-Парте в 16–17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана. Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем подворье. Неужто почти за четыре века десятки ученых, изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым. Увы, это был довольно спокойный мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях.

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так что в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на медведей.

Михаил Романов присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь Второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки — сиди, Миша, дома, читай псалтырь, дави мух на окнах или иными боярскими делами занимайся.

Так может быть избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание Михаила ставило Россию в крайне неблаговидное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава, в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В плену у поляков был митрополит Филарет — отец

Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя — патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархи только Филарета. И это при том, что у Владислава «в кармане» был патриарх Игнатий, принявший уже тем временем унию.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси — Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если забыть его происхождение от Чингисида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любили шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин и диссидент князь Петр Долгоруков, оба князя Рюриковичи по происхождению, утверждавшие, что у них более прав на корону, чем у царей династии Романовых.

А был ли в 1613 году альтернативный кандидат на престол?

К власти рвался Гедиминович князь Дмитрий Трубецкой. Но он был довольно слабый политик и неудачливый воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его.

Боярин Федор Мстиславский «со товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в Соборе.

Интересно, что в документах начала XVII века имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось, главой клана был Филарет, а он недолюбливал своего брата Ивана. Видимо, родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и некоторые советские историки утверждают, что князь Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 г. Тем не менее уже после воцарения Михаила Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей «докупаясь государства». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвижению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 г. участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из Смуты было бы избрание государем славного воеводу, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против князя Пожарского сплотились все — и Пафнутий, и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков Второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина — голод, царивший в Москве зимой 1612–1613 г. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмосковье остались толпы казаков, по разным сведениям, их было от 10 до 40 тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город — Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторю, казаков не донских, не запорожских, а местных — московских, костромских, брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 г. князь Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано 11 тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входящих в различные никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшеся блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имениа». То есть за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с, мягко говоря, легкомысленными девицами из Лоскутного ряда. Казаки опять остались без средств. За годы Смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Князя Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалованье и с песнями уйти в свои станицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно — не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как

мог Михаил Романов укорять казаков за преступления на службе у Тушинского вора? Да вместе же служили вору и выполняли приказы твоего отца — тушинского патриарха и твоих родственников — тушинских бояр.

Не будем забывать, что в «период избирательной кампании» Романовы и их родня Салтыковы направо и налево раздавали казакам деньги и землю. Так, к примеру, атаман Филипп Максимов получил большую сумму денег и поместье перед самым избранием Михаила.

И вот пятьсот вооруженных казаков, сломав ворота, ворвались к крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшему в то время обязанности местоблюстителя патриарха: «Дай нам, митрополит, царя, государя на Россию, кому нам поклонитися и служити и у ково жалованья просите, до чево нам гладною смертию измирати!»

Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 г. произошел государственный переворот — воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные истории типа приведенной выше версии С.М. Соловьева.

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 году в плен к шведам. Пленников допрашивали в Новгороде каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях. Они говорили, что во время заседания Земского собора казаки и чернь ворвались в Кремль, набросились с ругательствами на членов Боярской думы, обвинив их в том, что они выбирают царя, чтобы властвовать самим. Казаки будто бы повторили боярам легенду о том, что царь Федор Иоаннович, умирая, завещал престол Федору Никитичу Романову. Многие бояре, в том числе и родственники Михаила Федоровича, ссылались на молодость казачьего кандидата и его отсутствие в Москве. Попытка бояр еще раз отложить выборы не удалась: «казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

С показаниями Чепчугова, Дурова и Пушкина поразительно совпадает текст «Повести о Земском соборе 1613 г.»: бояре будто бы предложили выбрать царя из числа восьми «вельмож боярских», но пришедшие на собор казачьи атаманы обвинили их в самовластии и выдвинули

кандидатуру Михаила Федоровича Романова, ссылаясь на то, что именно его отцу «благословил посох свой» царь Федор. Иван Никитич Романов возразил на это: «Тот князь, Михайло Федорович, еще млад и не в полнеем разуме». Но казаки этому не вняли: «Но ты, Иван Никитич, стар, в полнее разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будеши», и в тот же день заставили перепуганных бояр присягнуть Михаилу Федоровичу.

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 г. шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Жак Маржерет, служивший в России со времен Бориса Годунова, в 1613 г. в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им[91].

Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только Р.Г. Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI–XVII веков А.Л. Станиславский. В его фундаментальной монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов — казачий ставленник».

Любопытно, что большинство отечественных историков, начиная с Иловайского, утверждают, что донские казаки присягали Лжедмитрию I, Тушинскому вору и королевичу Владиславу, а затем и Михаилу Романову. Ни донские, ни волжские казаки, я уж не говорю о запорожских, никому из перечисленных персонажей не присягали, поскольку это противоречило казачьему менталитету. Вопрос о присяге московским царям впервые был поднят в 1632 г., но тогда казаки категорически отказались принимать ее.

Глава 14. Как Иван Сусанин казакам под руку попал

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос — а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил-де слишком молод и неопытен и т. д. и т. п. Но его, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа Рязанского Феодорита и родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе послам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилиться над остатком рода христианского… и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву…» В заключение наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московским государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 г. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Феодоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостию, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику,

Михаилу Федоровичу. Бог его, государя на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости. Всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение».

Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация событий февраля 1613 года. Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора, а бог лично «помимо всех людей» выдвинул кандидатуру племянника в цари.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переяславля-Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с матерью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

Ипатьевский монастырь почти с трех сторон окружен водой — реками Волгой и Костромой — и обнесен толстыми каменными стенами. Взять такую крепость без длительной осады невозможно, и понятно, что именно туда отвезла мать свое дитя из разоренной Москвы. Но тут же возникает естественный вопрос: а как могли бы взять Ипатьевский монастырь поляки, заведенные Иваном Сусаниным в непроходимые леса в начале 1613 г.?

Увы, следует снять с поляков обвинение в убийстве народного героя Ивана Сусанина. Начну с того, что никому не известно, чем занимался Михаил с матерью с начала 1613 г. по 13 марта 1613 г. Об этом ничего не говорят ни грамоты послов, ни речи позднее приехавших в Москву Михаила и Марфы. Но вот в начале XIX века делается сенсационное открытие — «подвиг Ивана Сусанина». Оказывается, после сдачи Москвы, но еще до 13 марта 1613 г., большой отряд поляков решил захватить в плен или убить Михаила Романова, чтобы не допустить его избрания на престол. Михаил с матерью находились в это время в Костроме или в рядом стоящем Ипатьевском монастыре, но злодеи ляхи об этом не знали.

Поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию историка С.М. Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьева и Глинки Иван Сусанин спасал царя. Посему и опера

получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя[92]. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х годах XX века «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612–1613 г. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н.И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси[93]. За что же они стали его пытать и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Костомаров писал: «Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем ворам: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытать, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту».

Костомаров был прав. Никаких польских отрядов вблизи Костромы зимой 1612–1613 г. не было и быть не могло. Я уж не говорю о том, что у поляков сохранились сведения о передвижении всех своих отрядов и о судьбе почти всех шляхтичей. Бесследное исчезновение хотя бы пары радных панов в костромских лесах, безусловно, было бы отмечено польскими историками XVII–XXI веков.

Так что если Иван Сусанин и был убит, то только казаками, скорей

всего запорожцами, которые в начале зимы 1612 г. возвращались с русского Севера: из района Вологды — Кирилло-Белозерского монастыря и др.

Ну а когда в 1619 г. царь Михаил посещал свои костромские вотчины, к нему обратился крестьянин Богдан Собинин с челобитной, где рассказал, что его тестя Ивана Сусанина Богдашкова литовские люди запытали-де, дабы узнать, где государь. Обратим внимание: сказочники XIX–XX веков даже перепутали фамилию героя с отчеством. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятьку дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова.

Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А главное, зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

Миф о Сусанине оказался чрезвычайно востребованным как при царизме, так и при социализме. Естественно, что с наступлением эпохи рыночных отношений эксплуатация мифа стала источником доходов.

Так, например, пользуется успехом туристический маршрут «Кострома — Сусанино». Вот цитата из программы тура: «9.00 — отъезд в село Сусанино (бывшее Молвитино) — 65 км от Костромы. Экскурсионная программа: музей подвига Ивана Сусанина. Экскурсия по памятным местам Сусанина. Часовня на месте деревни Деревеньки, где жил патриот, Юсуповское болото — памятный камень на месте гибели Сусанина».

Итак, точно установлено место гибели Сусанина. Где-то в окрестностях нашли ржавый обломок сабли и чьи-то кости. Естественно, что сабля принадлежала злым панам, зарубившим старца, а оные кости оказались останками героя. Теперь наши СМИ что-то невнятно бормочут о сравнительной экспертизе ДНК «мощей» и окрестных жителей. Ну, если выяснят, что есть родство убитого с современными жителями, что это даст? Только то, что кости принадлежат местному уроженцу, не более.

А теперь мы вернемся к послам, прибывшим 13 марта 1613 г. в Кострому. Михаил приказал им явиться в Ипатьевский монастырь на следующий день, о чем послы оповестили весь город. Наутро послы, костромской воевода, местное духовенство с крестами и иконами, а также толпа зевак двинулись к Ипатьевскому монастырю, расположенному в 2–3 верстах от города. Михаил с матерью встретили процессию у входа в монастырь. Послы объявили Михаилу о цели своего визита, и он «с великим гневом и плачем» ответил, что не хочет быть государем, а мать его добавила, что не благословляет сына на царство.

Послы со слезами молили и уговаривали Михаила, говорили, что выбрали его по изволению божию, а не по его желанию, «положил бог

единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах». Далее послы стали доказывать, что все вышеупомянутые правители московские незаконно сели на престол, а вот Михаил один законный.

Процедура длилась свыше шести часов. Наконец Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на провидение и непостижимые судьбы божии. Марфа благословила сына. Михаил принял посох у архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

Теперь пора было начинать царствовать. Государство по-прежнему находилось в критическом состоянии. Садись в сани, и через три дня государь будет в Москве. Санный путь 14 марта (по старому стилю) почти идеален, а через две недели начнется распутица, и уже не будет санного пути, но не будет еще и водного. Но Михаил выехал лишь 19 марта.

Почти два месяца вояжировал Михаил из Костромы в Москву. 2 мая 1613 г. царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке.

Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 г.

Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, боярин князь Пожарский — державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

История царствования Михаила Федоровича — тема отдельного большого исследования. Я лишь остановлюсь на нескольких его аспектах, связанных с историей Смутного времени.

Михаил, вернувшись в Москву в мае 1613 г., нашел уже нормально функционирующий государственный аппарат. Основные приказы (министерства) были воссозданы Мининым и Пожарским еще летом 1612 г. в Ярославле. Зимой 1612–1613 г. аппарат был существенно усилен чиновниками, съехавшимися в Москву.

Боярскую думу по-прежнему возглавлял князь Федор Иванович Мстиславский. Он был именным представителем боярства, ибо по-

прежнему писалось: «Бояре — князь Ф.И. Мстиславский с товарищи». Важную роль играл в думе и князь Иван Михайлович Воротынский. Но, увы, оба были абсолютно тупы в военном деле и весьма посредственными администраторами. Оба были в солидном возрасте и слабы здоровьем. Мстиславский умер в 1622 году, а Воротынский — в 1617-м.

Мстиславский и Воротынский удержались у власти исключительно в силу слабости царя, который принципиально был против выдвижения умных и энергичных государственных деятелей. Царя Михаила Романова монархические историки называют Кротким. Естественно, что наименование дано на эзоповом языке, поскольку назвать кротким человека, отправившего на виселицу четырехлетнего ребенка, довольно сложно. Вероятно, что «кротость» на эзоповом языке означала «слабость ума». Семнадцать лет, проведенные в тепличных условиях, и не могли дать другого результата. За царя фактически правила его мать инокиня Марфа и его родня — Салтыковы. Замечу, что дядя царя Иван Никитич Романов занимал третье место после Мстиславского и Воротынского, но Марфа относилась к нему весьма настороженно, и его роль в управлении государством была крайне мала.

Управление государством инокиней резко нарушало писаные и неписаные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем слоям населения России, за исключением разве что «воровских» казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача, или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613–1620 гг. И если бы «кроткого» Михаила заменили любым другим претендентом на трон, в истории России мало что изменилось бы.

Глава 15. Звездный час атамана Ивана Заруцкого

Атаман Иван Заруцкий оставил подмосковные таборы 28 июля (7 августа) 1612 г. С ним было от 2250 до 2500 казаков.

28 июля (7 августа) 1612 г. шляхтич Иосиф (Осип) Будило записал в своем дневнике: «Заруцкий, боясь бояр из войска Пожарского, которые считали его изменником, ушел от Трубецкого в Коломну и, взяв там царицу — жену Дмитрия, ушел с нею в Михайлов». В «Новом летописце» также говорится об уходе Заруцкого в Рязанскую землю: «Заруцкий же, слышав под Москвою с своими советники, что пошол их Ярославля со всею ратью князь Дмитрей и Кузма, и собрався с казаками с ворами мало не половина войска ис под Москвы побегоша. И пришед на Коломну Маринку взяша и с Воренком, с ее сыном, и Коломну град выграбиша. Поидоша в Резанские места и там многу пакость делаша. И пришед, ста на Михайлове городе». В «Пискаревском летописце» сказано, что Заруцкий бежал «на Коломну, к жонке, к Маринке» «с невеликими людьми», а оттуда ушел в город Сапожок и Михайлов, «и там стал воровати».

Историки спорят, кто из казаков пошел с Иваном Заруцким, а кто остался. Наиболее компетентный А.Л. Станиславский писал: «…можно предположить, что за Заруцким последовали прежде всего казаки его полка. Известны имена трех атаманов Заруцкого.

Иван Чика активно участвовал еще в восстании Ивана Болотникова, к повстанцам он присоединился после битвы на Пчельне „со многими казаками“. Осенью 1608 г. Чика участвовал в составе отрядов Лжедмитрия II в осаде Троице-Сергиева монастыря, застрелив из самопала видного защитника монастыря И. Внукова. В феврале 1612 г. станица Чики (70 казаков) уже входила в Первое ополчение и находилась на постое во владимирском Рождественском монастыре.

Матерый Мартинов (или Пантелеймон Матерый), как и Иван Чика, в ноябре 1608 г. возглавлял станицу, осаждавшую Троице-Сергиев монастырь.

Тихон Чулков впервые упоминается в источниках уже как атаман Первого ополчения — его казаки в ноябре 1611 г. собирали „корма“ в Тарусском уезде.

Таким образом, по крайней мере некоторые атаманы Заруцкого имели

достаточно большой служебный „стаж“, и нет оснований считать, что с ним ушли „худшие“ или „лучшие“ казаки или что „ранее служившие казаки сплотились вокруг Д.Т. Трубецкого“, хотя, конечно, с Трубецким осталось также немало „старых“ атаманов, таких как Афанасий Коломна, служивший к 1613 г. „всякие твои государевы службы, зимние и летние, с травы да с воды с Поля 25 лет“.

„Карамзинский хронограф“ утверждает, что с атаманом Заруцким ушли бывшие „тушинцы“, „которые с ним вместе воровали, были у вора в Тушине и Колуге“, однако таких казаков, без сомнения, было немало и в полках Трубецкого. Достаточно указать на станицу Степана Ташлыкова, в декабре 1609 г. осаждавшую Троице-Сергиев монастырь, а в марте — апреле 1613 г. находившуюся в Москве. Остался с Трубецким и атаман Кондратий Миляев, служивший в лагере Лжедмитрия II еще в 1608 г.»[94].

Короче, точных данных нет! Я же не собираюсь гадать и воинство Ивана Заруцкого буду называть просто казаками.

Атаман Заруцкий намеревался захватить Переяславль-Рязанский, но у Шацка наперерез ему двинулся Владимир Ляпунов, сын покойного Прокопия. В конце сентября 1612 г. у села Киструс в 16 верстах от Рязани Ляпунов разбил казаков, которые отступили на юго-восток Рязанской земли и остановились в Сапожке.

Чтобы помешать атаману Заруцкому укрепиться в Мещерском крае, в Шацк из Рязани было направлено 300 стрельцов. Кроме того, в Шацке находился мордовский отряд под командованием кадомского князя Кудаша Кильдеярова и часть мещерских дворян. Заруцкий был вынужден вновь отступить. В районе Венёва был разбит отряд атамана Чики, а сам атаман доставлен в Тулу к купцу Григорию Тюфякину. 11 декабря 1612 г. его казаки заняли городок Михайлов, который на несколько недель стал резиденцией «царицы» Марины и «царя» Ивана.

Однако долго оставаться в Михайлове Заруцкий побоялся и в конце декабря перешел в хорошо укрепленную крепость Епифань. Возможно, что это было как-то связано с болезнью царевича Ивана. В декабре до московских воевод дошел слух, что «воренок на Михайлове умер». В любом случае, Иван Заруцкий сделал правильный ход.

2 апреля 1613 г. в Михайлове произошел переворот. Местные жители, натерпевшиеся от казаков, подняли восстание и частично перебили, а частично взяли под стражу казаков из гарнизона Заруцкого.

В Епифани наш атаман устроил подобную столицу и даже завел собственную канцелярию. Любопытно, что часть архива оной канцелярии была захвачена в 1616 г. вдалеке от Епифани — под Юрьевцем на Волге.

Там был разгромлен отряд «черкас», то есть малороссийских, или запорожских, казаков. Среди пленных казаков оказался и родной брат Ивана Заруцкого Захария. У него-то и нашли «листы».

Московские власти не имели достаточных сил для захвата Епифани. По указу Пожарского из дворян казанского края был основан большой отряд, который двинулся к Епифани ловить «воренка». Однако, не дойдя до верховий Дона, казанцы остановились в Арзамасе, откуда в начале марта 1613 г., сославшись на нехватку припасов, вернулись в Казань.

Замечу, что Москва пыталась решить вопрос с атаманом Заруцким не только силовыми, но и дипломатическими методами. В марте 1613 г. Земский собор направил к Заруцкому в Епифань трех казаков «полка Трубецкова» — Василия Медведя, Тимофея Иванова и Богдана Твердикова — «з боярскими и з земскими грамоты». Этих казаков хорошо знал и сам Заруцкий, и его казаки еще по Первому ополчению.

Посланцев Земского собора поначалу встретили в Епифани неласково — их дочиста ограбили и заперли под замок. Но позже Заруцкий сменил тактику и позволил посланцам вернуться в Москву, отправив с ними свои грамоты. Правда, награбленное так и не вернули, и в Москве бояре выдали посланцам компенсацию по 10 рублей на брата. В грамотах Заруцкий просил, чтобы его царское величество, то есть Михаил, «на милость положил, вину его отдал, а он царскому величеству вину свою принесет и Марину приведет».

На казачьем круге в Епифани многие склонялись перейти на службу к царю Михаилу Романову. Более двухсот дворян и казаков бежали от Заруцкого из Епифани, среди них были сапожковский воевода И. Толстой и атаман М. Мартинов. Оба впоследствии получили царское прощение. Видимо, в тот момент сам Заруцкий не знал, что делать, и всерьез рассматривал вариант выдачи Марины московским властям. Толстой и Мартинов показали в Москве, что «Зарутцкий-де будто хочет итги в Кизылбаши, а Маринка-де с ним итти не хочет, а зовет его с собою в Литву». Понятно, что уход в Литву означал конец авантюры Заруцкого. В конце концов, атаман принимает решение воевать с Москвой до конца. К тому времени в Епифани у Заруцкого имелось 2 тысячи русских и 400 черкас, то есть запорожских, или малороссийских, казаков. Черкасы пришли к Заруцкому в марте 1613 г. из Поморья. Историк АЛ. Станиславский задает вопрос: «…не с действиями ли этого отряда связан „подвиг Ивана Сусанина“?»[95] Замечу, что слово «подвиг» взято в кавычки не мной, а Станиславским.

10 апреля 1613 г. войско атамана Заруцкого покинуло Епифань и

двинулось к городку Дедилову. Там Заруцкому удалось отбить атаку отряда тульского воеводы князя Г. В. Тюфякина. Казаки, ограбив Дедилов, двинулись к малой крепости Крапивне. 13 апреля казакам удалось поджечь деревянный острог Крапивны с четырех концов. Небольшой гарнизон был перебит, казаки убили даже попа городской Пречистенской церкви. Крапивненский воевода Максим Денисович Ивашкин был ранен и взят в плен.

13 апреля 1613 г. из Москвы против Ивана Заруцкого была направлена хорошо вооруженная рать под началом князя Ивана Никитича Одоевского. 20 или 21 апреля воинство атамана Заруцкого вышло из Крапивны и двинулось на юг, где не было правительственных войск. Неделю Заруцкий провел в местечке Черни. Там по приказу атамана был четвертован крапивненский воевода Ивашкин.

В мае 1613 г. Иван Заруцкий дважды пытался штурмовать город Ливны, но оба раза был отбит. В двадцати верстах от Ливн в Чернавске Заруцкий зарыл клад. В 1649 г. там при рытье рва был найден винный котел. Говорили, что это «положенья вора Ивашки Заруцкого, потому как он шел из-под Москвы, и в тех местах и где ныне город и слободы Ивашка Заруцкий с Маринкою стоял… а, чают, вынесли то положенье чернавские пушкари».

От Ливн атаман Заруцкий повернул на северо-восток и в начале июня занял местечко Лебедянь. Оттуда атаман отступил к Воронежу. По пути к нему пристало несколько сотен донских казаков.

29—30 июня 1613 г. в четырех верстах от Воронежа произошло сражение казаков Заруцкого и войска князя Одоевского. Заруцкий понес большие потери, но не был разбит. 1 июля ему даже удалось сжечь Воронеж. Тем не менее Ивану Заруцкому пришлось опять бежать на юг.

Замечу, что в Польше внимательно следили за борьбой московских воевод с атаманом Заруцким. Весной 1613 г. под Боровском был схвачен запорожский сотник Корнила с грамотами к атаману Заруцкому от литовского гетмана Я.К. Ходкевича.

Вскоре в Москву бежал ротмистр Синявский, который также вез к Заруцкому грамоты из Польши. Польские источники утверждают, что грамоты были от Ходкевича, а по русским данным — от самого короля. Текст грамот до нас не дошел, а содержание их известно лишь в переложении царской грамоты, адресованной донским казакам: будто бы король приказывал Заруцкому «делать смуту» в Московском государстве и за это обещал ему в вотчину на выбор Новгород Великий (в то время занятый шведами), Псков с пригородами или Смоленск и «учинить его

великим у себя боярином и владетелем».

Между тем Иван Заруцкий продолжал терять сторонников — за Доном у него было уже не более 500 казаков. От реки Медведицы Заруцкий двинулся к Волге. Там он вступил в союз с ногайским князем Иштериком. Казакам вместе с ногайцами удалось захватить Астрахань. Астраханский воевода князь Иван Хворостин и несколько десятков чиновников и обывателей были казнены по приказу атамана Заруцкого и Марины Мнишек.

Москва, занятая борьбой с поляками на западе, со шведами на севере и с бандами воровских казаков по всей стране, не могла сразу выделить достаточных сил для борьбы с Заруцким. Поэтому в начале 1614 г. правительство предприняло ряд дипломатических мер. Так, 15 июня 1614 г. на Дон в поселок Смагин-юрт приехал царский посол Иван Опухтин. С ним было послано царское знамя, деньги, сукна, порох и различные припасы. Собрав круг, посол подал атаману царскую грамоту, где говорилось: «И вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердный бог помощи подаст. К нам, великому государю, по началу и по своему обещанию службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет».

Донское казачье войско почти единогласно обещало «служить и прямить» Михаилу так же, как и царям, его предшественникам. Одного из сторонников Заруцкого донцы сами повесили, а второго нещадно избили батогами и бросили в середину круга под царское знамя к ногам посла. Опухтин попросил помиловать виноватого, чем вызвал бурное одобрение казаков.

Волжским казакам царь также направлял грамоты, деньги, сукна, вино и «разные запасы». Москва начала переманивать на свою сторону и ногайцев, послав грамоту Иштерику, где говорилось, что Иван Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана.

Атаман Заруцкий проигнорировал царскую грамоту. Волжские же казаки в большинстве своем заявили о своей верности Москве. Лишь ближайшие к Астрахани станицы атамана Верзиги встали на сторону Заруцкого. 560 «охотников за зипунами» отправились к нему в Астрахань. Присоединился к Заруцкому и Терский городок.

В самой Астрахани Заруцкому и Марине было неспокойно. Марина хорошо помнила страшный звон московских колоколов 17 мая 1606 г. и боялась того же в Астрахани. Она даже запретила ранний благовест к заутреням под предлогом, что звон колоколов пугает ее маленького сына.

Пользуясь тем, что Астраханский край фактически был отрезан от остальной России, атаман и Марина распускали по городу нелепейшие слухи. Так, Заруцкий объявил, что Московское государство захвачено Литвой. Предполагают, что Заруцкий объявил себя в Астрахани царем Димитрием. Во всяком случае, до нас дошел документ — челобитная какого-то казака на имя царя Димитрия Ивановича, царицы Марины Юрьевны и царевича Ивана Дмитриевича.

Кто-то распустил слух, что Лжедмитрий II находился в Персии. Вячеслав Козляков приводит еще более забавную версию: «Во время астраханского стояния зимой 1613—14 года Иван Заруцкий действительно не останавливался ни перед какими средствами, чтобы собрать силы для похода на Москву. Только так мог родиться фантастический проект союза с ногайцами, который предполагалось скрепить не только присутствием атамана в Астрахани, но еще и браком Марины Мнишек с одним из высших сановников Большой орды — кековатом (главой одного из двух кочевых ногайских улусов) мурзой Яштереком. Делалось это, видимо, для того, чтобы привлечь поссорившихся друг с другом как раз из-за „кековатства“ ногайского князя Иштерека и мурзу Яштерека»[96]. Глядя на сохранившиеся изображения Марины, лично я сомневаюсь, что Заруцкий хотел этого брака. Но при необходимости, думаю, Марина бы согласилась.

В Астрахани атаман Заруцкий от имени царя Димитрия, царицы Марины и царевича Ивана вступил в переговоры с персидским шахом Аббасом и пытался склонить его к наступательному союзу против Москвы. Шах поначалу пообещал Заруцкому дать войско и помочь деньгами и продовольствием. Но до прихода персидского войска в Астрахань дело не дошло. В 1617 г. шах Аббас извинился перед московскими послами Тихоновым и Бухаровым за обещание помочь Заруцкому. Шах уверял, что казаки ввели его в заблуждение, утверждая, что при них находился царь московский Иван Димитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать. А как только шах узнал о воровстве Марины и Заруцкого, то не дал им никакой помощи.

Весной 1614 г. после окончания ледохода атаман Заруцкий с казаками собрался идти на стругах на Самару и Казань, а берегом Волги должна была идти ногайская орда. Однако Заруцкому так и не пришлось стать Стенькой Разиным. В марте 1614 г. воевода Петр Головин уговорил гарнизон Терского городка отложиться от «воров» и поцеловать крест царю Михаилу. Затем воевода Головин составил отряд из семисот ратных людей под началом стрелецкого головы Василия Хохлова и приказал им идти на Астрахань.

По прибытии в Астрахань Хохлов привел к присяге ногайских татар. Кроме того, ногайский князь Иштерек написал князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представил положение зависимого татарина в смутах Московского государства: «Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязаться защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Димитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, а то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами».

Еще до подхода отряда Хохлова в Астрахани началось восстание против Заруцкого. Город оказался во власти восставших, а казаки с Заруцким и Мариной заперлись в кремле. Узнав о подходе Хохлова, в ночь на 12 мая «царское семейство» с верными казаками бежало на стругах вверх по Волге.

Василий Хохлов со стрельцами на стругах и лодках немедленно бросился в погоню. Он нагнал казаков Заруцкого и наголову их разбил. Среди пленных оказалась и фрейлина Марины полячка Варвара Казановская. Однако самому Заруцкому с Мариной и «воренком» удалось уйти на трех стругах, затерявшись в волжских протоках и островах. Волга ниже Царицына помимо основного русла имеет ряд параллельно текущих левых рукавов, самый крупный из которых — Ахтуба. Рукава соединяются с основным руслом многочисленными протоками. В мае при высокой воде Волга в нижнем течении представляет собой архипелаг островов. В этом-то архипелаге и затерялись три струга Заруцкого.

А тем временем воевода князь Одоевский вместо ловли беглецов вступил в переписку с Хохловым. Ведь к приходу московской рати весь Астраханский край был очищен от воров, к большому негодованию Одоевского. Он писал Хохлову, чтобы тот не извещал царя об астраханских событиях до его прихода, а если уже послал гонца, то вернул бы его с дороги, «потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах». Не приняв никакою участия в освобождении Астрахани, Одоевский требовал от Василия Хохлова, чтобы тот заставил астраханцев устроить ему торжественную встречу: «А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать».

Заруцкий же рукавами и протоками Волги прошел мимо Астрахани, вышел в море, а затем по реке Яик (Урал) дошел до Медвежьего городка. Валишевский считает, что Заруцкий собирался бежать в Персию, но тогда непонятно, почему он не сделал этого сразу, выйдя на стругах в Каспий? В мае море довольно спокойное, а в случае волнения он мог переждать в одной из безлюдных бухт.

В Медвежьем городке Иван Заруцкий с Мариной оказались фактически в плену у местного казачьего атамана Уса. Князь Одоевский в Астрахани узнал о появлении Заруцкого на Яике и 6 июня 1614 г. отправил туда на стругах двух стрелецких голов — Пальчикова и Онучина — с отрядом стрельцов. Стрелецкий отряд 24 июня осадил Медвежий городок. Атаман Ус с товарищами осознали безнадежность сопротивления, и на следующий день городок сдался. Казаки били челом, целовали крест государю Михаилу Федоровичу и выдали атамана Заруцкого с Мариной, Иваном и чернецом Николаем. В тот же день всех их под конвоем отправили в Астрахань.

Любопытно, что уже к началу 1612 г. вокруг Марины собралась группа католических попов и монахов. Причем все «латаны» были весьма «компетентными», как на подбор. К примеру, итальянский монах Джованни Фаддеи ранее долго жил в Персии. Это он надоумил Заруцкого предложить персидскому хану начать войну против Московии. Фаддеи вошел в состав посольства «царя Ивана Дмитриевича» и отправился к шаху Аббасу. Там он и остался, а затем вернулся в Европу. Любопытно, что Фаддеи позже писал, что московиты жестоко пытали отца де Мелло и Варвару Казановскую, заставляя принять православие, но они остались верны католицизму. Подлинные же отчеты Фаддеи римскому папе до сих пор хранятся в секретных архивах Ватикана.

Не менее интересной фигурой является и чернец Николай. Николай де Мелло родился в Португалии, в Испании он вступил в орден святого Августина. С 1578 г. жил в Мексике, бывшей тогда испанской колонией, через пять лет Николай перебрался в другую испанскую колонию — на Филиппины. Там он обратил в католичество молодого японца, который стал его помощником и сопровождал в дальнейших скитаниях. Николай и его помощник долго скитались по Индии. В Персии они присоединились к английскому посольству, возглавляемому Антонио Ширли. Обратно посольство Ширли возвращалось через Россию, но Николай с напарником почему-то решили остаться в Москве. Вскоре два иностранца-нелегала, один из которых был едва ли не первым японцем, оказавшимся в России, были схвачены стрельцами. На допрос их отправили не в Разбойный

приказ, а в Посольский приказ. У Николая, назвавшегося «ишпанской земли чернецом», были найдены грамоты персидского шаха к папе римскому и испанскому королю.

На всякий случай «ишпанца» и японца царь Борис велел отправить в места не столь отдаленные. Шесть лет монахи провели в камерах-кельях Соловецкого монастыря. Лжедмитрий I приказал даровать свободу бедным августинцам. Но пока те добирались до Москвы, на престоле оказался Василий Шуйский, придерживавшийся несколько иных взглядов на католических агентов. По царскому указу августинцев заточили в Борисоглебский монастырь близ Ростова. Первое время их строго держали в кельях, а потом стали выпускать на прогулки. Как мы уже знаем, Шуйскому стало не до них, а митрополитом Ростовским был Филарет (Федор Никитич Романов), с разрешения которого дружки получили возможность даже покидать пределы монастыря. В то время для русских монахов считалось незазорным ходить по окрестностям и собирать милостыню. Вспомним замечательную пушкинскую сцену в корчме у литовской границы. Вот и стали августинцы собирать милостыню. Кстати, в заточении де Мелло не терял зря времени и научился говорить по-русски почти без акцента. Но бродить по окрестностям ему, видимо, надоело, а может, и мало подавали, и побрел страдалец в Ярославль, прямо во двор, где жил Юрий Мнишек с дочерью. Охрана даже не обратила внимания на бродягу-монаха — десятки таких попрошаек таскались по улицам Ярославля. Но у пана Юрия глаза на лоб полезли, когда монах властной рукой отклонил медяки и попросил пана передать папе римскому сведения величайшей важности.

Между ярославскими сидельцами и узниками Борисоглебского монастыря завязалась оживленная переписка. Де Мелло оказался поразительно хорошо осведомлен о дворцовых интригах в Москве, о боевых действиях царских войск против Ивана Болотникова и о прочих государственных делах. Но лучше всего августинец знал ситуацию в верхах православной церкви, что служит косвенным указанием на источник всей его информации. Однако где-то де Мелло допустил промах, и московские власти переводят августинцев в Нижний Новгород под строгий надзор.

Где-то в конце 1611 г. де Мелло удается бежать из Нижнего. Что стало с японцем, я не знаю, но чернец Николай объявился в Коломне, где был радостно встречен царицей Мариной. С тех пор де Мелло был неразлучен с Мариной и последовал за ней в Медвежий городок.

Что же касается остальных «агентов» в рясах, они незаметно исчезли еще в Астрахани накануне 12 мая 1614 г. Как скромно заметил

Валишевский, «прочие монахи, по-видимому, разбежались раньше».

6 июля 1614 г. караван стругов с пленными прибыл в Астрахань. Там Марину и Заруцкого разлучили и срочно отправили вверх по Волге в Казань. При перевозке пленников, говоря газетным штампом, были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Их везли на двух отдельных караванах судов. Марину с сыном сопровождало 600 стрельцов, а Ивана Заруцкого — 350. При нападении больших сил противника охране было приказано немедленно убить пленных, включая ребенка. Из Казани пленников сухим путем отправили в Москву.

В конце 1614 г. положение царя Михаила Романова было относительно стабильно. Казалось бы, самое время учинить публичный процесс над заводчиками Смуты на Руси. А главное — рассказать всю правду русскому народу. Ведь начиная с 1603 г. московские правители — Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский и «Семибоярщина» — безбожно врали. Царская власть, царское слово были сильно и опасно дискредитированы. А ведь Смута еще не кончилась. На западе идет война с ляхами, на севере — со шведами, по всей стране гуляют воровские шайки, не исключено появление новых самозванцев. Разоблачение заводчиков Смуты дало бы огромный политический козырь молодому царю в борьбе с внешним и внутренним врагом.

А тут у московского правительства такие возможности! Под руками были и Марина Мнишек, и десятки знатных ляхов, которые знали первого самозванца еще с 1603 г., монах Варлаам, с которым Гришка бежал в Литву, родственники Отрепьева, монахи Чудова монастыря и т. д. и т. п. Но как раз розыск заводчиков и мог погубить новую династию. Ведь именно Романовы стояли у истоков Смуты.

Испуганный Михаил срочно прячет концы в воду. Возможно даже буквально — по польским официальным данным, Марина Мнишек была утоплена, по русским официальным данным, Марина умерла с горя в монастырской тюрьме, а по неофициальной версии, ее задушили двумя подушками.

Заруцкий был посажен на кол, а четырехлетнего «царевича» Ивана отняли у матери в одной рубашонке. Поскольку было холодно, палач нес его на казнь, завернув в собственную шубу. Ивана публично повесили на той самой виселице, где кончил свою жизнь Федька Андронов. По свидетельствам очевидцев, ребенок был столь легок, что петля не затянулась, и он погиб лишь через несколько часов от холода.

Не хочу спорить о том, была ли эта казнь «государственной необходимостью»[97]. Но вот что противно — уже три века историки,

писатели, журналисты и святоши пролили море слез по «невинно убиенным царевичам» Димитрию Углицкому и Алексею Николаевичу. Но вот кто-нибудь из этих шулеров от истории вспомнил бы о шестнадцатилетнем венчанном великом князе всея Руси Дмитрии Ивановиче, замученном в московском застенке 14 февраля 1509 г., или о повешенном «воренке» — царевиче Иване Дмитриевиче. Они не нужны для политических дрязг, вот о них-то и забыли.

Глава 16. Казаки на русском Севере[98]

С конца 1612 г. по весну 1617 г. польские королевские войска не вели крупных наступательных операций против государства Московского. Однако по всей стране шла война с бандами поляков и казаков. Вся Русь была в огне войны — от Соловков до Астрахани и от Смоленска до Казани. Были волости, где бои шли более активно, но волостей, где царил бы мир и порядок, практически не было.

Ряд историков называют события 1613–1618 гг. гражданской войной. Действительно, по количеству участников боевых действий и их регулярности, числу разоренных городов, убитых и раненых людей эта война превосходит войны Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Но в отличие от иных гражданских войн на Руси или, к примеру, в Англии в середине XVII века, единое командование, единую идеологию и единую цель в войне имела только одна сторона — московское правительство.

До 1612 г. у ляхов и казаков было знамя — все время воскрешающийся царь Дмитрий Иоаннович. Сейчас же этого знамени не стало, Маринкин «воренок» серьезным кандидатом на престол не был. Теперь ни у поляков[99], ни у казаков не было единого командования. Каждый воевал сам по себе. Уже не было никакого идеологического прикрытия — ни царистского, ни «антикрепостнического», о котором так много писали совковые авторы. Грабь, жги, убивай — вот единственные лозунги польско-казацких отрядов. Я недаром поставил не запятую, а дефис между поляками и казаками. Почти в каждом отряде, действовавшем в России под командованием польского шляхтича, состояли казаки. Причем часто они составляли большую часть банды.

Рассказ о том, что происходило на просторах России в 1613–1618 гг., не уместится и в нескольких томах и будет представлять интерес лишь для узких специалистов, поэтому я остановлюсь лишь на более ярких и важных эпизодах.

Начну с русского Севера. Туда еще летом 1612 г. Трубецкой послал из-под Москвы девять станиц казаков в погоню за черкасами, то есть малороссийскими казаками, грабившими северные местности. Не исключено, что князь Дмитрий Тимофеевич просто пожелал избавиться от наиболее буйных станиц. Тем более что шансов поймать черкас у них

практически не было. Узнав об «избрании» на царство Михаила, эти девять станиц, всего около тысячи человек, попросили Москву прислать к ним воеводу, чтобы тот привел их к присяге новому царю и повел воевать, то есть грабить окрестности Новгорода.

Однако бояре приняли решение отправить их во Псков, который оказался тогда под угрозой шведского нападения. В Москве понимали, что это вряд ли придется по вкусу казакам, и возникла большая трудность в назначении воеводы: «Никто из знатных бояр не хотел идти с ними за начальника»[100]. Сперва возглавить войско и привести его к присяге поручили простому дворянину Владимиру Аничкову, и только через месяц, в Неделю жен-мироносиц (18 апреля), уже сам царь (а точнее, его мама) назначил в этот поход более знатного человека — стольника князя Семена Васильевича Прозоровского.

Из Ярославля вместе с Прозоровским выступили казачьи станицы атаманов Ивана Микулина, Добрыни Степанова и Максима Чекушникова, а из Белоозера прибыли казаки Федора Аршина и Ивана Анисимова. Из Москвы в поход отправились 200 казаков атамана Астафия Петрова. Все эти лучше обеспеченные станицы Второго ополчения («полка князя Пожарского») составили необходимый противовес остальным самовольным отрядам и опору для царского воеводы: какие-то из них и прежде входили в «княж Семенов полк Прозоровского».

Из атаманов стоит отметить Максима Чекушникова, который в государевых войсках со времен Василия Шуйского: «сидел в осаде» в Москве от Лжедмитрия, сражался в рядах «низового войска» Федора Шереметева, а затем — в первом земском ополчении. В апреле 1612 г. в бою под Угличем против отрядов Второго ополчения Максим, вместе с тремя другими атаманами, перешел на сторону князя Пожарского.

Всего, таким образом, собралось не менее 15 станиц казаков (до полутора-двух тысяч бойцов). Одни отряды были конными, другие — пешими, с самым разнообразным снаряжением: известно, что в них встречалось немало служилых татар и «поляков» (возможно, бывших тушинцев). Большинство этих бойцов было вооружено «вогненным боем» (пищалями).

Кроме того, из Ярославля с Прозоровским выступило какое-то количество поселенных здесь служилых татар, а из Ростова подошли бывшие слуги Филарета Романова — «дети боярские ростовского митрополита», и в итоге воеводам удалось сформировать несколько конных «боярских» сотен.

Никакой дисциплины в войске Прозоровского не было. «Те казаки…

едучи дорогою, по нашему указу кормы емлют, а сверху кормов воруют, проезжих всяких людей на дорогах и крестьян по селам и по деревням бьют и грабят, из животов(имущества) на пытках пытают и огнем жгут и ламают и до смерти побивают…».

В конце зимы 1613 г. не менее 170 казаков ушли из своих станиц и двинулись в сторону Новгородской земли Среди бежавших был и казак Смирной Иванов, чья судьба вообще характерна для эпохи Смуты. Холоп «служки» Троице-Сергиева монастыря, он попал в плен к «тушинцам» в 1608 г. при защите обители. В качестве слуги польских панов жил в Тушинском лагере, затем перебрался в Калугу, а к 1611 г. оказался уже в Новгороде, где некоторые поляки поступили на службу к шведам. Оттуда «Смирка» выехал в Москву с послом новгородцев Л. Бутурлиным, а затем примкнул к казакам — к станице атамана Ивана Алексеева, расположенной в Угличе.

Дойдя до Торжка, беглые казаки схватили бежецкого дворянина Леонтия Степановича Плещеева и предложили ему возглавить их поход «на немцев». Представитель захудалой по службе ветви знатного боярского рода, Леонтий, только что прибыл в Торжок в надежде вступить здесь во владение вновь полученным поместьем, но встретил препятствие со стороны воеводы — «для того, что теми поместьями владел он сам». Плещеев почти год находился в плену в Тушинском лагере, так что казаки, скорее всего, хорошо знали и его, и его родственников — воевод Лжедмитрия II. Леонтий принял их приглашение и 3 марта повел отряд на север, к Удомле, занятой шведами. Здесь, на границе Новоторжского и Новгородского уездов, находились два небольших монастыря — они-то и были целью казаков.

Должно быть, шведы не ожидали нападения: по словам Плещеева, новоторжцы давно уже «с немцами ссылались и всякими товары торговали без ведома бояр». Изгнав их из Удомли, казаки укрепились в остроге и, по своему обычаю, обложили поборами местное население. По-видимому, они готовились выйти летом на стругах в реку Мсту для нового набега на Новгородскую землю.

Однако московские «бояре и воеводы» были озабочены прекращением разбоев и защитой крестьян во всех уездах страны. Получив известие, что Плещеев, бежав из Торжка, «прибрал к себе воров, и стал в острошке в Новгороцком уезде… и крестьян грабят, и насильства чинят великие», они распорядились выслать на Удомлю карательный отряд — «дворян, и детей боярских, и стрельцов, а велели б» этих воров, «переимав, к себе привести» и посадить в тюрьму (18 марта). Правда, новоторжские воеводы не

выполнили этот указ, а Прозоровский, проходя с полком недалеко от Удомли, решил действовать иначе. С целью привлечь казаков к своему походу, он отправил к ним самого авторитетного и надежного атамана своей рати — Максима Чекушникова. Атаман успешно справился с поручением, причем на казачьем кругу ему пришлось действовать не только убеждением, но и угрозами: по словам Смирного Иванова, Максим вместе с казаком своей станицы Левкой Золотовым «силой» привели их отряд к присяге Михаилу Федоровичу. Леонтию Плещееву пришлось поступить под начало Прозоровского, хотя впоследствии он заносчиво писал, что это «князь Семен и Левонтей сошлись со мною в Усть-реке…».

Таким образом, сбор полка князя Семена Прозоровского продолжался до самого начала боевых действий в мае 1613 г.; к этому времени его численность должна была превысить 2 тысячи конных и пеших ратных людей.

Рать Прозоровского собиралась на севере и потому двигалась на Псков необычным путем — из Ярославля через Кашин, Углич, Бежецкий Верх, Устюжну Железнопольскую и далее на запад. Однако в Усть-реке (волость Бежецкой пятины, более 100 верст от Устюжны) дорогу ей преградили шведы. Завязались упорные бои с переменным успехом. Противник, потеряв убитым своего военачальника Франсрука и несколько человек пленными, отошел к селению Белая на реке Мсте. Но и Прозоровскому стало ясно, что дальнейший поход ко Пскову, под угрозой нового нападения, слишком рискован. Узнав о походе московской рати, тихвинский воевода Андрей Григорьевич Трусов решил сдать им город.

Трусовы принадлежали к верхушке новгородских служилых людей «по отечеству», занимая видные места в войске и местной администрации. Василий Иванович (двоюродный брат воеводы), дворянин Водской пятины, бился во главе сотни новгородцев с Болотниковым под Тулой (1607 г.); Ларион и Богдан упоминаются как головы «земских ратных людей» Каргополя и Белоозера (1609 г.). Сам Андрей Григорьевич, дворянин Обонежской пятины, до назначения в Тихвин числился воеводой в Устюжне. «В безгосударное время» Трусовы поначалу присягнули Карлу-Филиппу и остались в рядах местной администрации, однако известие об избрании на царство Михаила Романова изменило их дальнейшую судьбу. Дело в том, что и они, и их предки издавна состояли в каких-то тесных отношениях еще с Федором Никитичем (Филаретом) и даже с дедом царя Михаила боярином Никитой Романовичем и хорошо помнили их «давную милость и взыскание».

В середине мая, в разгар боев со шведами, Андрей Трусов отправил к

Прозоровскому своего подчиненного, новгородца Бежецкой пятины Микиту Кулибакина с несколькими грамотами — видимо, не только от воеводы, но и от игумена и иных тихвинцев. Микита с честью выполнил опасное поручение.

Прозоровский снарядил в поход отборный конный отряд во главе со стряпчим Дмитрием Баимовичем Воейковым (дворянские сотни Воейкова и Арцыбашева, атаманы и казаки, всего 400 человек, включая служилых татар). Второму сотенному голове отряда, Леонтию Арцыбашеву, было поручено «тайным обычаем» пробраться в Тихвин, чтобы действовать с воеводой. Для столь рискованного дела Прозоровский вновь выбрал наиболее подходящего человека: имея поместье в окрестностях монастыря, Леонтий хорошо знал его обитателей, а Андрею Трусову приходился давним сослуживцем, поскольку сам являлся видным дворянином Обонежской пятины.

В Тихвине Арцыбашев условился о восстании сразу после больших православных праздников — Дня Святой Троицы и Понедельника Святого Духа — во вторник (25 мая). По древнему русскому обычаю договор скрепили крестным целованием: тихвинцы поклялись, что выступят против шведов, а Леонтий, от имени царского войска, — что ратные люди, в основном казаки, не причинят никакого вреда посадским людям. Надо отметить, что предстоящее дело в глазах обитателей Тихвина было связано с огромным риском. Все дни перед восстанием они «скорбели», боясь предательства, и, к удивлению и насмешкам шведов, провели в единодушной молитве вечер и ночь на вторник.

Сомнения тихвинцев чуть было не оправдались на следующий день. Когда на второй час после рассвета часть шведов была перебита и поймана на караулах, выяснилось, что царский «полк» «замешкался». Только на третий час, как некое знамение, показались русские воины «от восточныя страны, от Московского государства» (то есть на Московской дороге), что вселило в восставших уверенность в победе. Они открыли огонь из пушек по «светлице» внутри укреплений Успенского монастыря, где засел капитан Йохан Делакумбе, и сломили упорство остатков его отряда. Сам «немецкий воевода» и еще несколько шведов были взяты в плен и отправлены в Москву, а город сдан отряду Воейкова. Монахи во главе с настоятелем монастыря принесли благодарение перед чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери, и при стечении всего народа впервые прозвучали молитвы «о христолюбивом Царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси, да подаст ему Господь Бог свыше победу на вся враги его».

Воеводе, сдавшему Тихвин, — Андрею Трусову — Михаил Федорович

поспешил послать грамоту с «государевым жаловальным милостивым словом» за службу; он пожаловал и самого воеводу, и остальных бывших с ним дворян, велел им «быта к себе к Москве, видеть государевы очи» (удостоил личного приема). Похоже, такой же чести удостоился и игумен Успенского монастыря Онуфрий, который принял участие в торжествах венчания Михаила Федоровича на царство (11 июля 1613 г.).

Летом 1613 г. шведский полковник Павел Брута осадил Тихвин. Ему удалось взять город, а русский гарнизон был загнан в «замок» (деревянный острожек). Далее Брута, «сразившись с 2 тысячами польских казаков, разбил их и отнял пять знамен, которые, в качестве счастливого предзнаменования к приезду, послал принцу Карлу Филиппу, спешившему тогда в Выборг. В назначенный для приступа день, 11 августа, он сумел так успешно отрезать примыкающие к укреплениям два монастыря, что один из них, где оборону вел игумен с сыном, осажденные вынуждены были покинуть, причем 700 человек пали, а остальные стремительно бежали в дальние места[101].

Из наших было убито только четверо рядовых, но это соединялось с более значительной потерей: погибли некоторые командиры, а именно начальник петардной роты (Арлин Куртц) и сам полковник Павел Брута. Все они приняли смерть в строю, и тела их были отправлены в Выборг для почетных похорон. Бежавший игумен, собравшись с духом, возвратился назад в сопровождении некоторых русских казаков и „татарских мурз“ и поспешил на помощь оставленному монастырю. Шведы, став поперек дороги, встретили его боем и, уложив большую часть на месте, остальных загнали в реку поблизости; самого предводителя взяли в плен с сыном и 15-ю знаменами и с триумфом повели в Новгород.

После гибели Брута наши (то есть шведы. — *А.Ш.*) с жаром продолжали осаду крепости, но осажденные, чтобы с большей силой отбивать нападения, опоясали ров двойным рядом кольев.

Наши, ничего не добившись, несмотря на частые приступы, начали рыть подземный подкоп, но сделали его слишком длинным, так что там едва можно было зажечь огонь. А когда собрались копать другой, покороче, неприятель узнал об этом через пленных, вовремя занял его и обратил в ничто все усилия осаждающих… Люди у них (шведов) из-за неправильной выплаты жалованья были непокорны и ленивы к таким работам, а после того как блюстители твердой военной дисциплины недавно пали в бою, стали крайне своевольны»[102].

В итоге в конце августа 1613 г. шведам пришлось снять осаду с

Тихвина.

Далее Юхан Винекинд пишет: «Из Онежского края пришла весть, что снятия шведами осады Тихвинского замка, где с обеих сторон пролито было крови, пожалуй, больше, чем в течение всего пятилетия по всем другим местам Московии, русские (то есть казаки. — *А.Ш.*), выйдя оттуда, стали делать пиратские набеги по всему Ладожскому озеру. Для отражения их Якоб готовит суда и людей на ближайшую весну и назначает начальником Матса Сефферсона»[103], который должен был командовать отрядом из трех шнеков[104].

Сборщик «государева хлеба» П. Ногин в сентябре 1613 г. писал Якобу Делагарди и новгородскому воеводе И.Н. Одоевскому, что всеми старорусскими погостами владеют «воровские» казаки.

Осенью 1613 г. из Москвы на Новгород, где еще в 1611 г. обосновались шведы, вышло войско под командованием князя Д.Т. Трубецкого. В войске насчитывалось 1045 казаков. На несколько месяцев московское войско задержалось в Торжке, и там в него влилось еще несколько казачьих отрядов, в том числе и участника освобождения Москвы атамана подмосковного полка Трубецкого Макара Козлова. В октябре 1614 г. Козлова обвинят в том, что его отряд, направляясь на службу к Трубецкому, по дороге грабил села царицы-инокини Марфы и боярина Ф.И. Мстиславского, а еще в том, что казаки ограбили игумена Кирилло-Белозерского монастыря Матвея. Об этом случае подробно рассказали монахи в 1621 г. игумен Матвей ехал в Москву с «чудотворной иконой». Его сопровождало несколько монастырских слуг. Между Переяславлем и Троице-Сергиевым монастырем, на реке Дубне, монастырский обоз был остановлен казаками. Монастырские слуги попытались защитить игумена, но были «переранены». Казаки хорошо поживились: они сняли с Матвея роскошную соболью шубу, а также забрали 46 коней, «суды», «всякий запас» и «наличными» 211 рублей и 26 алтын.

Добыть «корма» для казаков Трубецкому удавалось с большим трудом. Так, сборщики Г. Резубов и М. Епишев, присланные Трубецким в Городецк, взяли там две подводы Спасского Нового монастыря, но были осаждены на своем дворе монастырскими слугами и крестьянами, а также крестьянами из «многих боярщин».

Дворяне и казаки из войска Трубецкого часто конфликтовали между собой: «Бяше же у них в рати настроение великое и грабеж от казаков и ото всяких людей». В Тверском уезде в 1613–1614 гг. «казаки беспрестанно… ходили войною и дворян и детей боярских, и их людей, и крестьян до

смерти побивали, жгли и мучили». В 1615 г. посадские люди из Твери писали в челобитной, что они «от Литвы, и от немец, и от русских воров от казаков… разорены до основанья». А когда сборщики в том же году приехали в Тверской уезд за оброчными деньгами, то увидели, что крестьяне «разбрелися розно от казачья разоренья».

Казаки из войска Трубецкого по «подговору» посадских людей Твери разграбили тверское поместье князя Б.В. Касаткина-Ростовского. Во время поездки из Торжка в Тверь сын боярский Г. Ржевский попал в казачий отряд «неволею».

На помощь Трубецкому для захвата Новгорода в сентябре 1613 г. был направлен под Старую Руссу Андрей Федорович Палицын (дальний родственник троицкого келаря Авраамия Палицына) с отрядом новгородских дворян и четырьмя казачьими станицами атаманов Ивана Балаша, Бессонна Гаврилова, Андрея Звенигородца и Мурзы Елисеева. Сам Палицын служил в Тушине у Лжедмитрия II, затем — воеводой в подмосковных ополчениях, так что, видимо, был старым предводителем казаков. К началу 1614 г. у Палицына, по свидетельству новгородца Н. Калитина, было 2500 человек.

Из атаманов отряда Палицына наибольшую известность получил Иван Балаш. В конце апреля или в начале мая 1612 г. он во главе отряда малороссийских и русских казаков пытался захватить Тверь, вставшую на сторону Второго ополчения, дрался с тверским воеводой И.П. Турским, а затем угнал пасшийся недалеко табун лошадей тверских дворян. В 1613 г. атаман разорил ржевское поместье И. Благого.

В сентябре 1613 г. несколько сот малороссийских казаков, — по моему мнению, это были запорожцы, состоявшие на шведской службе, — вышли из повиновения шведского командующего Делагарди из-за невыплаты жалованья. Командовавшие ими полковники Барышполец и Сидор Острожский двинулись в Белозерский уезд.

В январе 1614 г. в Белозерск «с царским жалованным словом к черкасам» выехали войсковые есаулы Герасим Обухов и Важен Борисов, а также тридцать рядовых казаков. Видимо, их целью было привлечение «черкас» на царскую службу, чего запорожцы и сами хотели. Так, в феврале 1614 г. С. Острожский со своим полком стоял на Олонце, ожидая царской грамоты и желая «служить государю». Но ко времени прибытия Обухова и Борисова в Белозерск царские войска уже вели бои с «черкасами». 4 февраля 1614 г. на Олонце казаки разгромили отряд запорожцев.

Между прочим, из Москвы в Тихвин поступил приказ, чтобы казаки шли оттуда на соединение с Трубецким, но у казаков было иное мнение.

Они было собрались идти в Астрахань к Заруцкому, но в середине 1614 г. узнали о пленении Заруцкого, Марины и «воренка» и остались на месте.

Тем не менее воевода Андрей Трусов не пожелал ехать в Москву лицезреть нового царя, а вместе с атаманом Никитой Мамаевым и большим отрядом казаков отправился в Заонежье «за зипунами». Голова Угрим Лупандин, приехав во второй половине февраля 1614 г. на реку Пашу, где должны были стоять казаки, никого там не застал: «Атаманы и казаки пошли… врознь в Заонежские погосты». В дозорной книге Олонецкого погоста 1616–1617 гг. говорится, что «немецкие и литовские люди и казаки многих крестьян з женами и з детьми побили, и дворы их сожгли, и животы поймали без остатку, а которые крестьяне после войны остались, и те обнищали».

Оттуда-то в марте 1613 г. в Судскую волость Белозерского уезда прибыли 300 «шарповщиков» — казаков во главе с Денисом Исаевым и Михаилом Григорьевым. Казаки эти, заняв какую-либо волость, находились в ней «недели по две и больше, а крестьян жгут и мучают».

Войско же князя Дмитрия Трубецкого дошло лишь до Бронниц, где было остановлено шведами. Царь Михаил Романов разрешил войску отступить. При отходе войско понесло большие потери.

Шведский король Густав-Адольф не побрезговал и сам явился в русских пределах. Осенью 1614 г. после двух приступов он овладел Гдовом. Но затем король возвратился в Швецию с намерение начать военные действия в новом году с осады Пскова, если до тех пор русские не согласятся на выгодный для Швеции мир. Густав-Адольф действительно желал этого мира, не видя никакой выгоды для Швеции расширять свои завоевания в России и даже удерживать все прежде захваченные земли. Он не желал удерживать Новгород, нерасположение жителей которого к шведскому подданству он хорошо знал. «Этот гордый народ, — писал он о русских, — питает закоренелую ненависть ко всем чуждым народам».

Якоб Делагарди получил от короля Густава приказ: если русские будут осиливать, то бросить Новгород, разорив его. «Я гораздо больше забочусь, — писал король, — о вас и о наших добрых солдатах, чем о новгородцах». Причины, побудившие шведское правительство к миру с Москвой, высказаны в письме канцлера Оксенштирна к командующему шведским отрядом Горну: «Король польский без крайней необходимости не откажется от прав своих на шведский престол, а наш государь не может заключить мира, прежде чем Сигизмунд признает его королем шведским: следовательно, с Польшею нечего надеяться крепкого мира или перемирия. Вести же войну в одно время и с Польшею и с Москвою не только

неразумно, но и просто невозможно, во-первых, по причине могущества этих врагов, если они соединятся вместе, во-вторых, по причине датчанина, который постоянно на нашей шее. Итак, по моему мнению, надобно стараться всеми силами, чтоб заключить мир, дружбу и союз с Москвою на выгодных условиях».

14 июля 1614 г. войско Дмитрия Трубецкого было выбито шведами из Бронниц и в беспорядке бежало к Старой Руссе и далее к Москве.

По шведским данным, в июле 1614 г. из Сум и Соловков в Финляндию вторгся отряд из 400 русских стрельцов и 200 казаков. Навстречу им двинулся шведский воевода Ханс Мунк. Бой произошел у деревни Уганьской. Не выдержав натиска, стрельцы и казаки побежали вниз к реке. Пока они, толкаясь, усаживались в ладьи, три ладьи затонуло. Многие сами бросились в реку и утонули, 30 человек убитых осталось на берегу, а 15 человек шведы взяли в плен. Трофеями шведов стали и два знамени.

Успевшие сесть в ладьи и отчалить стрельцы и казаки с реки увидели, что силы Мунка невелики, и решили высадиться вновь, но Мунк, двигаясь вдоль берега, воспрепятствовал этому. Но вскоре ладьи вышли в озеро, и там, вне досягаемости шведов, стрельцы и казаки сумели высадиться на берег и укрылись за кустами. Мунк ждал их в открытом поле, но так как русские не покидали своего укрытия, шведы напали на них прямо в кустах. В этой схватке Мунк получил тяжелую рану и был вынужден вернуться в деревню, а командование принял Ханс Йонссон.

От командующего шведскими войсками под Улеаборгом Эрика Харе пришло известие, что казаки ворвались в страну, причинили много вреда, убили крестьян на границе, а у рыбаков на берегу отобрали неводы, рыбу и все, что только могли захватить с собой. Харе выслал против них своих солдат, которые отняли захваченное и освободили взятых в плен.

Из Ковакнуса пришли вести, что казаки побывали в Лапландии и взимали там всяческие поборы, а если чего им не давали добровольно, то брали силой. Кроме того, отряд казаков собрался в Олонце, намереваясь отомстить Хансу Мунку за свое поражение.

Летом 1614 г. на Ладоге была сформирована шведская эскадра для борьбы с русскими судами, действовавшими на озере. Командовать шведскими судами, то есть быть адмиралом, был назначен капитан Адриан Полидор. 19 мая одиннадцать шведских шнеков встретились с несколькими ладьями казаков. После перестрелки русские отступили и укрылись в устье небольшой реки. Шведы, судя по всему, не рискнули войти в эту реку и довольствовались тремя ладьями, брошенными на берегу казаками.

После этого шведы отправили из Новгорода большой конвой «людей в

Ладогу, чтобы привезти оттуда порох и другие припасы. По дороге посланные были встречены казаками, которые напали на них, отбили четыре ладьи и заставили повернуть назад. Возвратившихся господин Якоб послал, однако, вторично, и так как на этот раз дул сильный попутный ветер, то им удалось проскочить мимо казаков. Когда же они приняли в Ладоге на борт десять бочонков пороху и другой груз, Розенкранц послал с ними такой сильный конвой, что они сами напали на казаков, разбили и прогнали их, причем не только вернули свои четыре галеры, но и захватили все, какие были у казаков, и сверх того обезопасили путь.

Затем Розенкранц 10 июля отправил в Нотебург большие пушки, прибывшие из Новгорода в Ладогу. (Речь идет о старинных русских медных пушках, захваченных шведами в Новгороде. — *А.Ш.*) Но едва только суда с ними вошли в устье реки, как ветер переменился и погода испортилась. Тем временем неприятель, собравшись в количестве более 1500 человек, намеревался захватить пушки. Поэтому Розенкранц приказал доставить орудия обратно в Ладогу, но враг последовал за ними и показался в виду города. Поэтому из города была сделана вылазка, и в течение четырех часов продолжалась перестрелка.

Но неприятель, имея перевес в силе, высадился на обоих берегах, открыл оттуда огонь, и шведы были вынуждены отступить. Розенкранц просил поэтому его величество прислать на помощь 800 человек, чтобы прогнать врага, спасти пушки и не дать неприятелю сжечь созревший на полях хлеб.

Для этого в Ладогу были направлены рейтары из Новгорода. Тем временем противник тоже увеличивал свои силы. Прибыло еще тридцать неприятельских ладей, так что всего там насчитывалось теперь не менее 2 тысяч человек. К Розенкранцу же прибыли на выручку десять ладей из Нотебурга. Только в августе войска Розенкранца напали на неприятеля и обратили его в бегство, после чего пушки были совершенно безопасно доставлены в Нотебург, а оттуда впоследствии Ивар Нильссон переслал их в Швецию. В то же время Розенкранц направил 350 человек с рейтарами к укреплению, возведенному неприятелем под Posowa (Посово). Посланные храбро напали на врага и заставили его отступить. Часть солдат неприятеля спаслись на ладьях, часть в лесу, предварительно запалив укрепление. Но ускользнуло всего четыре ладьи; тридцать три было захвачено. Из людей, убежавших в лес, часть тоже была перебита»[105].

Летом 1614 г. казаки активно действовали и в тылу русских войск. Они успешно грабили Белозерский, Пошехонский, Вологодский, Каргопольский, Костромской, Ярославский, Романовский, Угличский и

Кашинский уезды. До 30 марта 4 тысячи казаков появились в Каргопольском уезде, где грабили купцов, ехавших в Каргополь, и «заложили» дороги на Вологду и Белозерск. Для защиты от казаков в апреле 1614 г. в Каргополе в дополнение к 150 имевшимся там стрельцам решили набрать еще 50 человек помимо 30 «вольных» людей, нанятых на службу «миром».

23 апреля 1614 г. угличский воевода И. Головин на реке Мологе разгромил отряд малороссийских казаков. Захваченные в плен казаки показали, что они шли из Заонежских погостов вместе с русскими казаками. В Вологодском уезде отряд разделился, и малороссийские казаки пошли на Мологу, а русские — в Пошехонье, «а говорили-де… меж себя, что им идти к Заруцкому».

1 мая того же года в Вологодский уезд, проломив засеки, вошел другой отряд казаков и черкас. Шел он «из-за Шексны-реки, из-за Череповца». Казаки разграбили Павлов, Конильев и Никольский (на Комельском озере) монастыри и «наборзе Любим-городок разорили». В итоге «мая до 12-го числа на Вологде было осадное время» — кто-то из местных жителей укрылся в городе, а другие попрятались от казаков в лесах.

Часть воровских казаков во главе с костромичем атаманом Прохором Кориным в мае 1614 г. перешла из Вологодского уезда в Ярославский и Романовский, а затем двинулась в Пошехонье, однако на Вологодчине от этого не стало спокойней. Так, 12 июня казаки увели 13 лошадей из архиепископской вотчины в Лежаском волоке, а князь Ф. Дябринский с 26 мая по 24 июня не мог выехать из Вологды в Москву, поскольку «в Вологодском уезде и по Московской дороге воры были». Сын боярский Третьяк Жданов попал в плен к казакам, а вологодские крестьяне опять бегали от казаков по лесам.

Боевые действия со шведами закончились в 1615 г. 30 июля 1615 г. Густав-Адольф осадил Псков, где воеводами были боярин Василий Петрович Морозов и Федор Бутурлин. У короля было 16-тысячное войско, в котором находились и русские казаки. Первая стычка с осажденными кончилась для шведов большой неудачей — они потеряли Еверта Горна в числе убитых. 15 августа шведы подошли к Варламским воротам и, совершив богослужение, начали копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и малые городки, а подальше устроили большой деревянный город, где находилась ставка самого короля. Всего городков шведы построили более десяти и навели два моста через Великую реку.

Три дня с трех сторон шведы бомбардировали город. Только каленых ядер они пустили 700 штук, а простых чугунных — числа нет, но Псков не

сдавался. 9 октября шведы пошли на приступ, но он не удался.

Шведы вынуждены были пойти на переговоры. Русские также были слишком слабы, чтобы вести наступательные действия. Переговоры затянулись — за годы Смутного времени накопилось много проблем и вопросов. Перемирие было подписано 6 декабря 1615 г., а мирный договор — лишь 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь, на 54-м километре от ее впадения в Ладожское озеро.

Глава 17. Казаки-лисовчики

От казаков страдал не только русский Север. Замечательный московский историк-источниковед А.Л. Станиславский писал: «О пребывании казаков в Костромском уезде дают некоторое представление дозорные книги 1615 г. Так, много пустых дворов отмечено в них в поместье стольников С.В. и М.В. Прозоровских в Любимской осаде, „а те крестьяне побиты в прошлом, в 122-м (1613–1614 г.) от казаков… запустела деревня от казачья разоренья в прошлом, 122-м году — высекли тех крестьян казаки… крестьяне от казачья разоренья побрели в мир безвестно“. В костромской вотчине А.И. Полтева к 1615 г. из 50 осталось всего 9 крестьянских и 10 бобыльских дворов; 6 дворов были сожжены казаками в 1613/14 г. и 25 запустели: их владельцы, по данным дозорной книги, „от казаков и от черкас посечены и от казачья разоренья разошлись в мир безвестно“. По рассказам русских дворян, захваченных шведами 17 июня 1614 г., казаки выжгли и разграбили Костромской и Романовский уезды и перебили местных жителей»[106].

Утверждения советских историков об участии казаков в крестьянской борьбе на стороне крестьян не выдерживают никакой критики. Вот выдержки из вологодских «дозорных книг»: «Деревня Суслово сожжена от казаков… 12 дворов пустых, крестьян в них было 12, и те крестьяне от казаков пожжены и посечены и безвестно сошли… Деревня Рожково, казаки сожгли, пуста, четыре места дворовых пусты; жил Куземка Самойлов на чети выти, казаки сожгли; жил Демка Александров на чети выти, казаки сожгли; жил Ивашка Кудыга на полчети выти; жил Ермолка Козмин на полтрети выти, и они от казачья разоренья сошли безвесно, и пашня их пуста».

С декабря 1614 г. в районе Вологды действовали казаки атаманов Баловня и Белля. Об их деятельности повествует отписка чарондского воеводы, датированная мартом 1615 г.: «…на Чаронде посад и села и деревни вызжены и лутчие люди повысечены, и животы их пограблены, а молотчие-де крестьяне огнем созжены з женами и з детьми».

В самой Чаронде в 1614–1615 г. казаки сожгли шестнадцать из двадцати шести дворов пашенных крестьян и девять из тридцати дворов непашенных людей. В декабре 1614 г. — январе 1615 г. казаки захватили весь Чарондский уезд, воеводе удалось бежать, и сбор налогов в уезде прекратился.

Несколько слов стоит сказать и об атамане Михаиле Баловне. Его отец Иван Баловень был городовым казаком. В 1592 г. он упомянут в отписке головы Б. Хрущева как самовольно уехавший из Воронежа в Данков. По некоторым данным, Михаил Иванович Баловень какое-то время в 1613 г. служил в Тихвине.

В следующем, 1614 году Баловень собрал отряд казаков и отправился к Москве. О действиях Баловня и его товарищей воеводы доносили: «Там и там стояли казаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженых видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от мученья и пыток, кроме замерзших»[107].

В войске Баловня, по данным Станиславского, было не менее 30 станиц атаманов, имена которых сохранили расспросные речи и челобитные казаков: Леонтия Алексеева, Петра Андреева, Михаила Ивановича Баловнева, Первуши Булгакова, Матвея Губарева (Губаря), Родиона Гурьева, Тимофея Долгова, Томилы Долгова, Лаврентия Домбровского, Игнатия Ефремова, Сидора Заварзина, Герасима Иванова, Захария Киреева, Родиона Корташова (Кордаша), Второго Крылова, Федора Лабутина, Леонтия Мельникова, Герасима Обухова, Василия Осокина, Григория Попова, Ермолая Семенова, Мурзы Семенова, Андрея Харитоновича Стародубова (Стародуба), Будая Степановича Татаринова (Татарина), Ермолая Терентьева (Ермака), Василия Тимофеева, Александра Григорьевича Трусова, Петра Черного и Третьяка Черного. Вторым после Михаила Баловня предводителем в войске, возможно, вторым войсковым атаманом, был Ермолай Терентьев.

Среди этих атаманов мне интересен Александр Григорьевич Трусов скорей всего и наш знакомый переметчик — Андрей Григорьевич. Кстати, тот же Станиславский упоминает Александра Трусова среди «тихвинских сидельцев». Не могли же одновременно в маленьком Тихвине быть воевода А.Г. Трусов и казачий атаман А.Г. Трусов.

Историки оценивают воинство Баловня, двигавшееся к Москве, в 15–20 тысяч казаков. На мой взгляд, эта цифра явно преувеличена. Казаков было 5–7 тысяч. Вначале их лагерь разместился в районе села Ростокино на реке Яузе, к которому казаки подошли по Троицкой дороге. Туда же сразу потянулись московские посадские люди со своими товарами и открыли там торговлю. Вскоре в Ростокино явились и представители правительства — дворяне И.В. Урусов и Ф.И. Челюсткин, а также дьяк Иван Шевырев, возглавлявший Приказ сбора казачьих «кормов», и дьяк Иван Федоров, ранее собиравший пятинные деньги в районах, занятых казаками. В их

обязанности входило «переписать и разобрать» казаков, «сколько их пришло под Москву». Но приезд их вызвал новую волну возмущений казаков: «…атаманы и казаки к дворяном и к дьяком к смотру не шли долгое время и переписывать себя едва дали, а говорили: то они, атаманы, ведают сами, сколько у кого в станицах казаков». То есть казаки по-прежнему настаивали, что состав станиц — это их внутреннее дело, как и у донских казаков.

Между 10 и 14 июля вышел царский указ о запрещении посадским людям ездить в Ростокино с товарами, что еще больше разозлило казаков. Тогда 14 июля в Москву приехал атаман Г. Обухов с семью казаками и привез челобитную от войска. Из записи в расходной книге Разрядного приказа видно, что казаков приняли хорошо и выдали 11 алтын на корм их лошадям. Казаки добились своего — запрет на торговлю с ними был снят.

Казаки шантажировали московских бояр — если их государь не пожалует, то они пойдут к пану Лисовскому в Северную страну.

Из Ярославля было вызвано войско князя Бориса Лыкова. Кроме того, прибыл отряд окольничего Артемия Измайлова. Узнав о подходе царских войск, казаки перешли по требованию бояр в район Донского монастыря.

23 июля 1615 г. отряд окольничего А.В. Измайлова прошел от Рогожской слободы к Симонову монастырю и остановился напротив казачьего табора на другом берегу Москвы-реки. Пока посланцы Измайлова уговаривали казаков оставаться на месте, сам окольничий во главе своего отряда двинулся к казачьему лагерю. «Они ж, казаки, а туго не узнашася, начата битися», — сообщает летописец. Царские воеводы побили «воров».

Большая часть казаков во главе с Ермолаем Терентьевым начала отступать по Серпуховской дороге, а остальные — по Калужской дороге. Измайлов и Лыков двинулись за ними, по дороге несколько раз громили их отряды и нагнали основную толпу в Малоярославском уезде на реке Луже. Здесь казаки были наголову разбиты, «а остальные, видя над собою от государевых людей тесноту, добили челом и крест целовали».

Судя по летописи, царские воеводы на месте никого не казнили, а пригнали в Москву только 3256 казаков. В столице их «разобрали». Семерых атаманов во главе с Михаилом Баловнем повесили в Москве. 23 сентября еще 35 атаманов, есаулов и казаков разослали по тюрьмам Нижнего Новгорода, Коломны, Касимова, Балахны, Костромы, Галича и Суздаля.

Большинство же казаков Баловня записали в посадские сотни и стрелецкие приказы. Из тюрьмы казака освобождали только по поручной

записи, что «ему не изменить, в Литву, и в Немцы, и в Крым, и в ыные ни в которые государства, и в изменичьи городы, и к Лисовскому не отъехать, и в воровским казаком к изменником не приставать, и с воры с ызменники не знатца, и грамотками и словесно не ссылатца, и не лазучить, и иным никаким воровством не воровать».

Некоторые воровские казаки были возвращены своим помещикам.

Любопытно, что среди казаков Баловня оказалось немало дворян. Само собой разумеется, что многие дворяне и дети боярские на расспросах в Москве плакались, мол, насильно казаки их к Москве повели. Другие жаловались на бедность. Так, каширский дворянин С.Д. Минохов мотивировал уход в казаки «бедностью безпоместной», новгородец С.Д. Обентов — «бедностью и разорением». По царскому указу у всех дворян, пойманных с Баловнем, были отняты поместья.

Подлинным бедствием для Московского государства да и не только для него, а и для всей Европы, стали походы польско-казацкого отряда легендарного Александра Лисовского. Шляхтич Лисовский был отпетым бандитом и за «подвиги» в Польше во время рокоша был приговорен к смертной казни заочно. Кстати, позже король Сигизмунд III простил пана за аналогичные «подвиги», но уже на Руси.

Отряд Лисовского был поначалу невелик — около 600 человек, но после взятия Карачева он удвоился за счет подхода поляков и малороссийских казаков. Любопытно, что казаки называли Лисовского «батькой». Точное число казаков, служивших у Лисовского, и сколько из них было донцов, запорожцев и других — неизвестно. Есть лишь отрывочные данные, как, например, то, что 60 волжских казаков к нему привел атаман Ляд, как минимум одну станицу привел атаман Яков Шишов и т. д.

Главным преимуществом отряда Александра Лисовского была мобильность. Весь его отряд был конным, да и к тому же многие «лисовчики» имели запасных лошадей. В 1615 г. Лисовский совершил рейд вокруг Москвы радиусом 200–300 км.

Хитроумные советники предложили инокине Марфе послать ловить «лисовчиков»… Дмитрия Пожарского. С Лисовским русским, безусловно, надо было кончать, но был ли смысл давать такое поручение Пожарскому? Князь был многократно ранен, что не давало ему возможности, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без этого словить «лисовчиков»? Тут нужен был не стратег, а лихой гусар типа Дениса Давыдова.

Царь Михаил и его окружение были заинтересованы в том, чтобы

воевода осрамился и не поймал Лисовского, а в случае удачи тоже невелика заслуга — поймать грабителя.

29 июня 1615 г. князь Пожарский с отрядом из 690 дворян, конных стрельцов и иноземных наемников, а также не менее 1260 казаков двинулся из Москвы на ловлю «лисовчиков». Среди наемников был и шотландский капитан Яков Шав, которого Пожарский отказался принять на службу в 1612 г. Однако теперь Шав служил примерно, чем завоевал доверие воеводы.

Царь Михаил дал наказ (инструкцию) Пожарскому о методах борьбы с «лисовчиками»: «Расспрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолбы; а как надолбы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, что они безвестно не пришли и дурна какова не учинили».

Когда Пожарский миновал Калугу, из его войска сбежали 15 казаков из разных станиц, а возглавил беглецов некий Афанасий Кума, которого казаки избрали своим атаманом. Позже Кума на допросе покажет, что до «казачяны» он был крестьянином дворцового села Михайловского, а брат его Трофим служил в том же селе попом. А казаком Афанасий стал после «разорения» Звенигородского уезда пришедшими из Тушина «литовскими людьми».

После ухода от Пожарского численность отряда Кумы стала быстро расти. Так, в октябре 1615 г. в нем было уже около 500 казаков. Пожарский говорил о Куме, что «он такова вора не видел», настолько возмутительны были его разбои. Казаки Афанасия убили верейского воеводу В.А. Загряжского, штурмовали острог в Рузе, разграбили Верейский, Рузский, Звенигородский, Боровский, Можайский и Медынский уезды, города Кременск и Вышгород. Помимо разбоев и грабежа «вор Офонька и иные казаки хотели своровать, государю изменить, отъехать к Лисовскому».

В ноябре 1615 г. Афанасия Куму удалось поймать, и князь Пожарский потребовал его казни: «А только государь такова вора пощадит, казнить не велит, и тем городом, которые он разорил, и вперед и досталь запустеют». Однако Афанасий всё отрицал, мол, не грабил он, не убивал, а только отъехал от Пожарского «для кормов». Дальнейшая судьба Кумы неизвестна.

Еще несколько казаков, в том числе Т. Трофимов, бежали из войска князя Пожарского в Речь Посполитую.

Александр Лисовский на какое-то время засел в городе Карачеве. Узнав о быстром продвижении отряда Пожарского через Белев и Болхов,

Лисовский испугался, сжег Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу. Разведчики донесли об этом воеводе, и тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков, а в Болхове — 2 тысячи конных татар.

Рано утром на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом князя Пожарского, которым командовал Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал скоротечного встречного боя и отступил. Отошел и другой русский отряд под началом воеводы Степана Исленьева. На поле битвы остался лишь сам Пожарский с 600 ратниками. Пожарский долго отбивал атаки более чем 3 тысяч поляков, а потом приказал установить укрепление из сцепленных обозных телег и засел там.

Лисовский не мог и предположить, что у Пожарского так мало людей, поэтому не посмел атаковать его, а раскинул стан неподалеку — в двух верстах. Пожарский не хотел отступать и говорил своим ратникам, уговаривавшим его отойти к Болхову: «Всем нам помереть на этом месте».

Устыдившись, к вечеру вернулся воевода Степан Исленьев, а ночью подошли и остальные беглецы. Утром Пожарский, видя вокруг себя большую рать, начал преследование Лисовского. Тот быстро снялся с места и стал под Кромами, но, видя, что погоня не прекращается, он за сутки проделал 150 верст и подошел к Болхову, где был отбит воеводой Федором Волынским. Затем Лисовский подошел к Белёву, сжег его и направился было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и занял Перемышль, трусливый воевода которого оставил город без боя и бежал со своими ратниками на Калугу.

Пожарский остановился в Лихвине. Здесь к нему подошло несколько сотен ратников из Казани. После непродолжительного отдыха князь возобновил преследование Лисовского. Тот по-прежнему отступал. Поляки сожгли Перемышль и прошли на север между Вязьмой и Можайском.

Князь Пожарский после нескольких дней невероятно быстрой (для русского войска того времени) погони тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге был отвезен в Калугу.

Оставшись без князя Пожарского, войско потеряло боеспособность. Отряд казанцев самовольно ушел в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками побоялись продолжать преследование «лисовчиков». И Лисовский свободно прошел под Ржев Володимиров, который с трудом удержал воевода боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева, Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свои города.

После этого Лисовский не нападал уже на города, а пробирался как

тень между ними, опустошая все на своем пути: прошел между Ярославлем и Костромой к Суздальскому уезду, потом между Владимиром и Муромом, между Коломной и Переяславлем-Рязанским, между Тулой и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошелся с Лисовским, но тот без существенных потерь ушел. Так Лисовскому удалось уйти в Литву после своего поразительного в военной истории и надолго запомнившего в Московском государстве круга.

Замечу, что молниеносные рейды, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли даром для его здоровья. В октябре 1616 г. в походе Александр Лисовский внезапно упал с коня мертвым. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли, остается лишь гадать.

Глава 18. Поход Владислава

Война с поляками в 1613–1616 гг. шла довольно вяло. Характерный пример: 1 июля 1616 г. по царскому указу воеводы князь Михаил Тинбаев и Никита Лихарев с отрядом в полторы тысячи всадников совершили лихой рейд в Литву, разгромив окрестности Сурежа, Велижа и Витебска. В свою очередь, отряд литовцев и казаков действовал у Карачева и Кром. За ними гонялись воеводы князь Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, но уничтожить не сумели, и большинство литовцев ушло за рубеж.

В июле 1616 г. паны определили отправить королевича Владислава с войском на Москву. Интересно, что радные паны, с одной стороны, были уверены в успехе, а с другой — не доверяли королевичу. Поэтому вместе с ним сеймом было послано восемь специальных комиссаров: епископ Луцкий Андрей Липский, каштелян бельский Станислав Журавинский, каштелян сохачевский Константин Плихта, канцлер литовский Лев Сапега, староста шремский Петр Опалинский, староста мозырский Балтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец Яна Собеского) и Андрей Менцинский.

Обязанностью комиссаров было следить, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий. Главными условиями были: 1) соединить Московское государство с Польшей неразрывным союзом; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское, а из Северского — города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск и Курск, а также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстляндию.

Вторая половина 1616 г. и начало 1617 г. прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек Паны собирали деньги буквально по копейке. К примеру, Лев Сапега занял огромные суммы, а в Литве ввели специальную подать для оплаты наемников.

Между тем в западной и юго-западной частях России продолжали бесчинствовать отряды воровских казаков, из которых настоящие донские и запорожские казаки не составляли и десятой доли. Многие из них обрадовались, узнав о походе Владислава. К королю прибыли атаман Борис

Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 г. Владислав принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

В апреле 1617 г. Владислав торжественно двинулся в поход из Варшавы. Архиепископ-примас напутствовал его: «Господь дает царства и державы тем, которые повсюду распространяют святую католическую веру, служителям ее оказывают уважение и благодарно принимают их советы и наставления. Силен господь бог посредством вашего королевского высочества подать свет истины находящимся во тьме и сени смертной, извести заблужденных на путь мира и спасения, подобно тому как привел наши народы посредством королей наших Мстислава и Ягайло». Владислав отвечал: «Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу господа бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утвержден. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность».

Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к гетману Жолкевскому для отражения наступления турок. Посему королевич вернулся на несколько месяцев в Варшаву и лишь в августе прибыл в Смоленск.

В конце сентября войско Владислава подошло к Дорогобужу, который уже был оставлен отрядом Яна Карла Ходкевича.

Узнав о прибытии королевича, дорогобужский воевода И.Г. Ададуров (бывший постельничий Василия Шуйского) открыл ворота ляхам и целовал крест Владиславу как русскому царю.

Владислав приказал не разорять город, а наоборот, он торжественно прикладывался к крестам и образам, которые ему подносило православное духовенство. Русский гарнизон был отпущен по домам. Воевода Ададуров с казаками и частью дворян присоединился к войску королевича.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало панику в отстоявшей на 70 верст Вязьме. Местные воеводы князья Петр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин бросили город и бежали в Москву, стрельцы и часть горожан последовали за ними. А казаки из гарнизона Вязьмы отправились разбойничать в Малороссию.

18 октября 1617 г. Владислав торжественно вступил в Вязьму. Надо ли говорить, что от этих успехов двадцатидвухлетний королевич впал в эйфорию и направил в Москву воеводу Ададурова и жителя Смоленска Зубова с грамотой. В ней говорилось, что «…по пресечении Рюрикова дома

люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила. В то время мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершенных летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершенный возраст к скипетродержанию, хотим за помощию божиею свое государство Московское, от бога данное нам и от всех вас крестным целованием утвержденное, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и неспокойное государство по милости божией покойным учинить».

Владислав утверждал, что вместе с ним в Москву идут патриарх Игнатий, архиепископ Смоленский Сергий и бояре князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищами. Но грамота эта не произвела никакого действия в Москве, а Ададурова и Зубова схватили и разослали по городам, воевод же Пронского и Белосельского высекли кнутом и сослали в Сибирь, а имения их раздали московским дворянам.

Поляки попытались внезапно овладеть Можайском, но получили отпор. Можайские воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев заперлись в городе и решили стоять насмерть. А из Москвы на помощь Можайску двинулись воеводы Б.М. Лыков и ГЛ. Валуев. Помимо 3 тысяч дворян и боевых холопов у них было четыреста татар и 1600 казаков. Город Волоколамск был занят русским 5-тысячным отрядом во главе с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Лыковым. Поляки сочли за лучшее отойти обратно к Вязьме.

Ситуация в королевском войске под Вязьмой стала обостряться. Алчные наемники и «рыцарство» начали требовать денег. Но у королевича казна как на грех оказалась пуста, а тут еще как всегда внезапно наступили морозы и голод. Русские воеводы Лыков и Валуев чуть ли не ежедневно посылали под Вязьму казаков и татар, которые уничтожали поляков, пытавшихся добыть еду в окрестностях города. Любопытно, что значительная часть русских партизан передвигалась на лыжах.

Первыми от Владислава, как положено, побежали казаки. Нравы казаков хорошо можно проиллюстрировать на примере перехода двух сотен казаков во главе с атаманом Д.И. Конюховым. Отряд Конюхова занимал Федоровский монастырь недалеко от Вязьмы и прикрывал Владислава с запада. В одну прекрасную ночь двое молодых казаков убежали в Можайск, прихватив у атамана двух лошадей, 30 золотых и дорогие ткани: атлас,

камку и сукно. Атаман возмутился и написал письмо Б.М. Лыкову, что, мол, готов вернуться на царскую службу, если Лыков найдет похищенное имущество и отдаст жене Конюхова. А та, в свою очередь, должна лично написать письмо мужу.

Положение у московских воевод тоже было не блестящее, и волей-неволей приходилось пользоваться услугами изменников. Жену атамана Анну нашли в Волоколамске, где она жила у матери и братьев. Ей вернули украденное у мужа имущество, а взамен Анна под диктовку написала грамоту: «…мы-то, жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею, от нужи, и тебе было чево боятись?» Заканчивалась грамота так «Умилися на наши слезы, не погуби нас во веки, приедь к государю и, что государю годно, то учини».

Конюхов получил грамоту и, оставив монастырь, вместе с отрядом отправился в Можайск «За службу и за выезд» атаман 27 февраля 1618 г. был награжден в Москве «сорокой куниц и сукнами».

Получив известие о «сидении» Владислава в Вязьме, радные паны направили письмо комиссарам с предложением закончить дело миром с русскими. В конце декабря 1617 г. в Москву был направлен королевский секретарь Ян Гридич с предложением устроить перемирие с 20 января по 20 апреля 1618 г., немедленно разменять пленных и начать переговоры. Бояре отказали ему.

5 июня 1618 г. польское войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман Ходкевич предложил двинуться на Калугу, в менее опустошенные войной края, но комиссары настояли на походе на Москву. Но на пути ляхов был Можайск, где засел с войском воевода Лыков. Взять Можайск приступом поляки не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда поляки атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 г. в качестве летней резиденции царя Бориса. Гетман Ходкевич надеялся таким путем выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было всего несколько сотен защитников, но полякам так и не удалось его взять.

В конце июня начались бои за Можайск. Поляки стояли под городом, но полностью блокировать его не могли. Запасы продовольствия в Можайске быстро таяли. Поэтому по приказу из Москвы воеводы Лыков и Черкасский с основной частью войска покинули его в начале июля, оставив небольшой гарнизон с осадным воеводой Федором Волынским.

Борисово Городище было сожжено русскими, а его гарнизон отступил к Москве.

Владислав с войском вновь начал наступление на Москву. А с юго-

запада ему на помощь шел малороссийский гетман Петр Конашевич Сагайдачный.

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск — Вязьма — Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую Яворницкого: «Прежде всего он (Сагайдачный) взял и разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей…»[108].

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Ряский, побив в них множество мужчин, женщин, детей „до сущих младенцев“; а потом, ворвавшись в рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек казаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его. Полковник Милостивый, долго замешкавшись вследствие страшного грома и проливного дождя, успел придти к городу только августа 12 дня, в тот самый день, когда в город Сапожков пришло 40 человек великорусских ратных людей. Последние, выйдя из Сапожкова города с несколькими обывателями его, не допустили Милостивого до Михайлова „и победили множество воюющих запорог“»[109].

17 августа к Михайлову подошел сам гетман с основными силами и потребовал сдачи города. Но ратники и обыватели отвергли предложения казаков. Они отвечали со стен крепости: в Москве избран законный царь, и мы ему крест целовали, но ни польских королевичей и каких-либо других правителей нам не надо. 17 августа запорожское войско приступило к штурму крепости.

Сагайдачный приказал стрелять по городу калеными ядрами и пускать стрелы с зажигательными веществами. Запорожцы соорудили «примет» — завалили землей и хворостом ров, подтащили бревна, соорудив своеобразный помост до уровня крепостных стен.

Атаки казаков длились два дня. Тогда какой-то обыватель Митрофан повел осажденных на вылазку через Северные ворота. Казаки не ожидали выступления и бежали. Михайловцам удалось сжечь «все щиты, штурмы и приметы» (различные деревянные защитные устройства).

На следующий день разъяренный Сагайдачный объявил жителям Михайлова, что он возьмет город как птицу, и предаст огню, а всем жителям от мала до велика прикажет отсечь руку и ногу и бросить псам. 23 августа запорожцы снова стали готовиться к штурму. А защитники на виду запорожского войска совершили крестный ход с иконами и хоругвями по стенам крепости.

С началом штурма михайловцы вновь пошли на вылазку. Со стен города из пушек и пищалей вели огонь не только ратники, но и женщины и дети. «И всепагубный враг Сагайдачный с остальными запорогами своими отъиде от града со страхом и скорбию августа в 27 день, а жители богохранимого града Михайлова совершают по вся лета торжественные празднества в те дни, в первый приступный день августа в 17 день, чудо архистратега Михаила, а об отшествии от града запорог августа в 27 день празднуют великому чудотворцу Николе»[110].

Оставив Михайлов, Петр Сагайдачный двинулся на соединение с Владиславом, который к этому времени занял оставленный русскими Можайск и двигался к Звенигороду. Московские бояре выслали против Сагайдачного семитысячный отряд во главе с князем Пожарским. Дмитрий Михайлович должен был воспрепятствовать форсированию казаками Оки. Однако в Серпухове князь Пожарский тяжело заболел и был увезен в Москву, а командование принял второй воевода — окольничий Г.К. Волконский. В конце августа он перешел с войском из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигался Сагайдачный. Однако большинство дворян за воеводой не последовали и предпочли остаться в Серпухове. К 25 августа в распоряжении Волконского осталось всего 275 дворян и детей боярских. Подавляющую часть войска Волконского составляли казаки, которые не рвались драться с войском Сагайдачного.

6 сентября запорожцы (по сведениям Волконского, 7000 «старых» казаков и 3000 слуг) начали переправляться через Оку не в районе Каширы, а под Коломной, у устья реки Осетр. Русский воевода спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня.

Поначалу запорожцы были отброшены на правый берег, но на следующий день Петру Сагайдачному удалось форсировать Оку. А 8 сентября воинство князя Волконского попросту разбежалось. Большая часть его казаков отправилась во Владимирский уезд, где начала грабить

вотчину князя Мстиславского, а сам воевода драпанул в Москву с отрядом из 300 всадников, в основном из дворян. Это позволило Сагайдачному беспрепятственно сжечь Каширу и перебить почти всех ее обывателей. В связи с этим в следующем, 1619 году было решено город не восстанавливать, а построить новый, и уже не на левом, а на правом берегу Оки.

13 сентября Владислав взял Звенигород, а через 5 дней гетман Сагайдачный вошел в Бронницы. 20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

В ночь на 1 октября поляки и запорожцы[111] двинулись на штурм Москвы. Между Арбатскими и Никитскими воротами атакующим удалось ворваться в Земляной город, но стены Белого города остались неприступными.

Понеся большие потери, ляхи и запорожцы отступили. 20 октября начались переговоры на реке Пресне, недалеко от современного Белого дома. Послы обеих сторон спорили, сидя на лошадях. Пять дней прошло в бестолковой перебранке. А тут заявился Дедушка Мороз, и 27 октября Владислав бросил свой стан в Тушине и двинулся на север на Переяславскую дорогу.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

Гетман Сагайдачный пошел на юг по Калужской дороге. Казаки страшно опустошили Серпуховской уезд, сожгли посад самого Серпухова, но взять кремль не смогли. То же самое повторилось и в Калуге — посад разграбили, но кремля не взяли. Под Калугой Петр Сагайдачный простоял до Деулинского перемирия.

1 декабря 1618 г. в селе Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченные ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались

вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил Романов отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь, поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»), России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский Посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая турецкая армия перешла Днестр.

В том же 1621 году шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил 20-тысячный отряд, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос, что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?..

Возникает естественный вопрос — собственно, зачем гетман Сагайдачный и его казаки стремились к Москве? Ведь походы Гришки Отрепьева и Тушинского вора по своим целям кардинально отличались от похода королевича Владислава. Оба самозванца хотели захватить власть в Московском государстве и оставить все как есть — православную веру, административный аппарат и т. д., произведя лишь необходимые кадровые перестановки. А в 1617–1618 гг. королевич и шляхта чувствовали себя конкистадорами в землях инков. Они несли погрязшим в ереси туземцам истинную веру и должны были стать господами в новых землях. Овладей ляхи Московским государством, естественно, всем вольностям малороссийских и запорожских казаков пришел бы конец, а возможно,

произошло бы и полное искоренение казачества.

Сагайдачный не мог этого не понимать. Так зачем же он пошел? А может, ему ничего не оставалось, как возглавить движение казаков, рвавшихся к легкой добыче?

Но, в любом случае, гетман этим упрочил свое положение как перед королем, так и перед казаками. И, вернувшись в Малороссию, Сагайдачный вновь провозглашает себя гетманом.

Не прошло и нескольких месяцев, как Сагайдачный понял свою ошибку. Гетман публично покаялся и просил прощения у иерусалимского патриарха Феофана за злодеяния, совершенные им и его казаками в России в 1618 г.

Мало того, он посылает в Москву своего атамана Петра Одинца «со товарищи» с просьбой принять гетмана вместе со всем Войском Запорожским на службу к царю.

В марте 1620 г. Одинец держал речь перед боярами. Вот ее официальная запись: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по сю сторону Переколи под самою стеною; татар было на Переколи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; божиею милостию и государевым счастием татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его к царской милости к себе ныне и впредь искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турками в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турками, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посягатья нет ли?» Черкасы отвечали: «Посяганья на нас от польского короля никакого не бывало; с турками он в миру, а на море нам на турских людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих

холопей»[112]. Царь послал Сагайдачному 300 рублей «легкого жалованья» и отправил грамоту.

Прошу прощения у читателя за длинную цитату, но иначе никак не схватить за руку «самостийных сказочников». Ведь именно за поход на Москву Сагайдачный стал кумиром нынешних украинских самостийников. Ему с помпой открыли памятник. Флагман украинского флота, бывший пограничный корабль «Киров», назван «Гетман Сагайдачный».

Глава 19. «Воровские казаки»

Великая Смута в государстве Российском началась 13 октября 1604 г. с вторжения частных армий польских магнатов и закончилась 1 декабря 1618 г. Деулинским перемирием[113]. Все эксцессы, происходившие потом, — это лишь мелкие разбои воровских казаков. Таким образом, именно поляки в течение 13 лет и двух месяцев были главной действующей силой русской Смуты.

А какую роль в Смуте играли казаки? Ответить на это очень сложно. С одной стороны, по числу участников боевых действий казаки после 1606 г. существенно превышали поляков. Но, с другой, именно шляхтичи во многих случаях командовали большими и малыми отрядами казаков, а главное, поляки «цементировали» рати самозванцев.

Надо честно сказать, что уровень боевой подготовки шляхтичей был куда выше, чем московских служилых людей и детей боярских. И это вполне естественно — шляхтичи махали саблями чуть ли не ежедневно, а дети боярские между войнами сидели на печи, ожидая, пока царь соберет ополчение. Это превосходство будет ощущаться и далее — в Смоленской войне и в малороссийских войнах царя Алексея Михайловича. Лишь с введением регулярных войск европейского образца рота русской пехоты или эскадрон драгун будет разгонять сотни конных шляхтичей.

Схематично механизм Великой Смуты можно представить так. Окружение бояр Романовых, включая чудовских старцев, произвело диверсию и раскололо монолит державы. В пролом кинулись польская шляхта, донские и запорожские казаки. И тут сдетонировал «противогосударственный элемент», как назвал его Соловьев, — городовые казаки, часть стрельцов и детей боярских, которые в чисто эгоистических целях стали поддерживать больших и малых самозванцев. К ним присоединились десятки тысяч наиболее активных и агрессивных крестьян, увидев в Смуте единственный шанс перейти в иное сословие.

Как мы видели, клан Романовых всегда был на стороне антигосударственного начала — Гришки Отрепьева и Тушинского вора. А в 1610–1612 гг. все почтенное семейство, кроме Филарета, сидело в осаде вместе с поляками.

После освобождения Москвы князем Пожарским Романовы фактически устроили казачий переворот и добились избрания самого худшего из претендентов на престол — Михаила Романова. Почему же

Михаил не только усидел на престоле, но и основал династию? Да просто всем здоровым силам русского народа нужно было знамя, какой-то штаб для координации борьбы за православную веру и национальную независимость. «На безрыбье и рак — рыба», и если бы вместо Михаила Романова на престоле оказался другой претендент, все равно бы стольники, дети боярские и стрельцы шли бы на смерть за царя и веру православную.

Итак, ляхи, запорожцы и донцы ушли с богатой добычей… А воровские казаки остались. Оправдались ли их надежды на своих — тушинского царя и тушинского патриарха?

Частично — да. Многие сотни казаков получили солидные денежные оклады и поместья. По сведениям Станиславского: «Самые ранние сведения о получении казаками поместий относятся к февралю — марту 1619 г. Уже весной 1619 г. было установлено твердое соотношение между величиной поместных окладов казаков и реальными дачами, которое, за некоторым исключением, соблюдалось писцами и отдельщиками в большинстве уездов. В его основе лежал особый указ: в апреле 1619 г. поместья в Рязанском уезде отделялись казакам „в их оклады по статьям, по колику которой статье велено дата чета“. Сохранившиеся материалы об испомещении казаков позволяют реконструировать нормы этого указа: на каждые 100 четвертей оклада казакам давалось 18 четвертей реальной земли. Количество крестьянских дворов не было определено столь строго. В Рязанском уезде всем казакам независимо от окладов досталось не более одного двора. В то же время в Каширском уезде было установлено соответствие не только между окладами и поместными дачами, но и между окладами и максимально допустимым числом крестьянских дворов: казаку И. Обатурову при окладе 250 четвертей в сентябре 1619 г. отделили 45 четвертей земли с двумя крестьянскими дворами, но затем его поместье было уменьшено на 9 четвертей, так как „те крестьяне положены по крестьянской складке на 300 четвертей, а с пятидесяти чети в тех же крестьянех ему ж, Ивану, девять чета; казаку Софону Гаврилову пять чети без третника, Матфею Спирдонову четыре чети с третником“.

Таким образом, оклад 300 четвертей соответствовал поместью в 54 четверти земли с 3 крестьянскими дворами, а минимальный оклад —150 четвертей — поместью в 27 четвертей с одним крестьянским двором.

В Рязанском уезде в 1619 г. получили поместья из дворцовых земель в Болванниковской волости и в Каменском стане тремя отдельными группами 68 казаков…

В Каширском уезде 89 казаков получили поместья одновременно. 15 сентября 1619 г., в дворцовой Лысцовской волости. Отделяли их С.С.

Чириков и подьячий И. Шумов. Среди казаков было 5 атаманов и 5 есаулов… Иван Шумов впервые упоминается как атагиман в 1615 г. В 1617 г. за участие в подмосковных ополчениях и другие службы он получил 13 рублей „вновь“ из Галицкой четверти…»[114].

В 1619 г. нескольким казакам были пожалованы выморочные дворянские и казачьи поместья в Вологодском и Шацком уездах. Так, атаману Алексею Жерлицыну, принимавшему участие в подавлении восстания М.И. Баловня, пожаловано 83 четверти; есаулу Никифору Степанову — 150 четвертей; казакам Ивану Терскому и Сысою Петрову — по 46 четвертей.

Любопытна судьба донского атамана Филата Межакова. Согласно сфабрикованным документам об избрании Михаила Романова, «7 февраля на заседании Собора первую „выпись“ с предложением Михаила подал от Дона атаман Филат Межаков»[115].

Ну какой Филат депутат от Дона?! Что там, в Раздорах, собрали круг и согласно давнему обычаю казаки выбрали его, чтобы отправить в Москву? Каждый знал, что Межаков был простой атаман одной из станиц в ополчении Ляпунова, в убийстве которого он принял активное участие. А сейчас Межаков был заводчиком казаков-бузотеров, требовавших избрания «тушинской династии». Романовы не забыли услуги и сделали Филата с родней и приближенными вологодскими помещиками.

Случайно сохранившиеся документы Вологодского архива рассказывают о дальнейшей судьбе атамана.

«Двадцать четвертого февраля 1625 года вологжанин Яков Шетилов подал на имя царя челобитную, где утверждал, что помещик Филат Межаков „со товарищи“ незаконно владеют частью земли. „Милостивый государь, пожалуй меня в Вологодском уезде у Миколы в Заболотье пустым жребьем, что розданы с разными помещиками“, — смиренно просил челобитчик.

Началась земельная тяжба, материалы которой приоткрывают нам историю нравов господствующего класса XVII столетия.

В ответ на приведенную челобитную Поместный приказ прислал сыскную грамоту, предписывающую учинить разбор делу. И что же?

Через полгода тот же Яков Шетилов снова жалуется царю: „...по твоей государевой грамоте велено про ту лишнюю землю сыскать, измерить. А вологодский подьячий Ондрей Корова тое мне земли не отвел, земли в том селе не мерил, а сноровил тем, которые тою землею владеют, для ради своей корысти“.

Сообразив, что дело принимает серьезный оборот, обиженные помещики подают встречную челобитную: „…бьет челом на нас ложно Якушка Шатилов, за нами лишне обволные земли нет“.

Почуяв земельную поживу, к делу подключаются еще трое вологжан. Они засыпают Поместный приказ челобитьями, выпрашивая себе новые владения все в том же злополучном сельце Никольском.

Пятого ноября в Москве вологодский помещик Филат Межаков со своими противниками „с очей на очи ставлен и в той лишней земле допрашивай“. Истцы обнаружили старые писцовые книги на село Никольское, уличив Межакова во владении лишней землей. Заодно решили расправиться и с Якушкой Шатиловым, указав, что он „бьет челом ложно, пристав к их челобитью“. Спустя месяц Поместный приказ приговорил: отобрать у Межакова лишние земли, отдав их челобитчикам по справедливости.

Приговор вынесен, осталось привести его в исполнение, но…

Вот как об этом повествует один из участников событий: „Те помещики отделять нам в поместье лишние земли не дали, лаяли и грозили убойством и раздельщика Михаила Колзакова с крестьянского двора збили Иван Филатов Межаков сотоварищи, и бив, отдельщика ограбили“. На следующий день горемычным снова досталось. Сын Филата Межакова Иван организовал раздельщикам настоящее побоище: „…да нас и людишек наших и помятых били и чуть жива покинули и ограбили, и ходили, государь, с ружьем, с пищалми, и саблями, и с рогатины…“.

Снова начались препирательства. Раздельщики требовали исполнения приговора и наказания виновных за бунтарские выходки. Те не уступали, напоминая царю о своих былых заслугах, прося милости и земельных пожалований. Наконец, 25 июля 1626 года царь Михаил Романов лично повелел непокорных вологодских помещиков „за ослушание бить батоги нещадно, да вкинуть в тюрьму на неделю“.

Спустя некоторое время в Москву прилетела очередная жалоба. Оказывается, воевода на Вологде медлил с выполнением царского указа и „батоги били только пяти человек“, да и то, вероятно, незначительных лиц.

Почему же вологодские помещики оказались такими строптивыми? Ответ на это дают факты из биографии Межакова. Это казацкий атаман, пожалованный, как и многие, за „государеву службу“ поместьем. Он принимал участие в освобождении Москвы от поляков в 1612 году. Стремясь задобрить ненадежное казачье войско, правительство Михаила Романова практиковало в награду за службу раздачу земли, справедливо полагая, что новоявленные помещики будут вести себя спокойнее. Так и

было, пока не затрагивали их интересы. Стоило правительству, в нашем случае, издать неугодный указ, как казачья вольница „встрепенулась“, отказавшись подчиняться воеводской власти. Правда, своеобразный „бунт“ длился недолго. В конце концов непокорный помещик Филат Межаков проиграл дело, землю переделили в начале 1627 года.

Не успели затихнуть страсти, как на Межаковых снова подали жалобу. Оказывается, в том же году Филат Межаков скончался, а сын его Ивашка, вероятно, не поделив наследство, „зарезал дядю своего родного Степана, и с той поры сбежал безвестно“. Поместные земли снова стали предметом приказной волокиты»[116].

«В Вяземском уезде 17 и 19 сентября 1619 г. двум рядовым казакам были отделены… бывшие поместья вяземских дворян, причем по более щедрой норме, чем их товарищам в Кашире и Рязани: по 32 четверти земли…

В Воронежском уезде до 16 июля 1619 г. из „отписных“ земель (в том числе стольника Г.И. Морозова и подьячего Г. Ларионова) получили поместья 83 стойких защитника Борисова Городища во главе с атаманами Антоном Синеглазовым (у него были максимальные поместный и денежный оклады — 600 четвертей и 28 руб.) и Михаилом Котовым. Кроме того, 1 августа 1619 г. воронежское поместье московского дворянина В А Униковского было поделено между двумя „вязниковскими“ атаманами Иваном Филатьевым и Андреем Стародубом, а также казаком Титом Баевым»[117].

До августа 1620 г. бывший соратник Михаила Баловня А Стародуб по доносу Тита Баева был арестован и повешен за убийство архимандрита Печерского монастыря и двух монастырских слуг.

В 1621 г. от руки местного боярского сына погиб Иван Филатьев. В 1619 г. поместье умершего воронежского сына боярского М. Струкова получил атаман Василий Ломонос, отличившийся в боях под Можайском, где убил шесть «мужиков». Ломонос к тому времени уже владел поместьем в Шацком уезде. В 1628 г. воронежское поместье было у Василия Ломоноса отписано и возвращено сыну М. Струкова. К 1622 г. поместьем в Воронежском уезде владел предводитель вязниковских казаков Иван Орефьев: его поместный оклад составлял 300 четвертей, а денежный — 10 рублей. Судя по всему, Орефьев получил поместье только в 1619 г. В отличие от своих товарищей по вязниковскому войску, он прожил в этом поместье не менее 20 лет, участвовал в Смоленской войне и в разные годы выполнил несколько важных государственных поручений. Так, например, в

1638 г. после захвата Азова донскими казаками ездил туда «для проведывания вестей».

К 30 мая 1619 г. поместье в Ливенском уезде в 100 четвертей было выделено атаману Воину Внукову, владевшему с 1613 г. еще одним поместьем в Вологодском уезде. Однако в июле того же года Внуков лишился ливенского поместья «за воровство».

До 6 июля 1619 г. еще более 50 «вермстанных» казаков, в том числе станицы Нагая Тобынцева, получили поместья в Ливенском уезде на землях, отписанных у столичных дворян, и многие в соответствии с «указанными нормами» — 18 четвертей земли на 100 четвертей оклада.

Не позднее 1619 г. в ближайшем к Звенигороду Городском стане Звенигородского уезда (село Васильевское, деревни Мышкино, Агафонова и несколько пустошей) получили поместья 13 атаманов: Богдан Подорван, Влас Баврин, Семен Суровцев, Борис Топорков, Василий Митрофанов, Бессон Постников, Панкрат Вахтырев, Елизар Клоков, Иван Костерев, Микула Завьялов, Иван Железков, Нагай Тобынцев, Третьяк Бурков. Все они принимали самое активное участие в кампании 1617–1618 гг.

Список этот можно продолжить на много страниц.

Часть казаков, наделенных землей, постепенно правдами и неправдами пролезла в дворяне. Увы, среди наших историков пока не нашлось желающих отследить этот процесс. Понятно, что потомки этих новоиспеченных дворян позже доказывали, что они если не Рюриковичи, то их предки где-то в XIII–XVI веках вышли «из немец», но, в крайнем случае, из Литвы, где, само собой разумеется, принадлежали к благородному сословию. Признаваться же в том, что его род пошел от воровских казаков, не желал ни один дворянин XVIII–XIX веков.

Характерный пример: атаманам Борису Каменное Ожерелье, Василию Ломоносу и Василию Шайдурову в 1625 г. удалось войти в звенигородское дворянство на правах дворовых детей боярских, хотя они даже не имели земель в Звенигородском уезде. Получив дворянство, они стали очень активно расширять свои земельные владения в различных уездах. Так, Борис Каменное Ожерелье, назначенный головой к воронежским стрельцам и казакам, в 1627 г. к своей алатырской вотчине (117 четвертей), данной ему еще в 1619 г., получил несколько поместий в Воронежском уезде общей площадью 180 четвертей, из которых 90 четвертей находилось в совместном владении с Василием Шайдуровым. Но бывшему атаману дарованных земель было мало. Борис занялся еще торговлей и в июне 1631 г. получил жалованную грамоту на каменную лавку в рыбном просольном ряду на Ильинском крестце в Китай-городе. Символична и

смерть атамана — в 1638 г. он погиб от татарской сабли, когда «ехал из Тамбова з беглыми своими крестьяны».

Василий Шайдуров, также служивший головой в Воронеже, тоже стал крупным землевладельцем. В 1636 г. он владел вологодской вотчиной в 100 четвертей и воронежскими поместьями в 186 четвертей.

Однако поместья в России получили лишь меньшинство воровских казаков. Большинство же было переписано в городские казаки и стрельцы. Часть казаков, в том числе и участники похода Владислава, волею и неволею оказавшись в Сибири, пополнили ряды сибирского казачества. Так, 12 июля 1619 г. в Тобольск были отправлены «колодники, казаки Федька Бобров и Первушка Шершень с товарищи», всего 19 человек, а тобольские воеводы должны были назначить им жалованье «против сибирских городов пеших казаков».

Насильно в холопы к прежним господам казаков, как правило, не загоняли. Однако сотни, если не тысячи, воровских казаков добровольно записались в холопы к новым господам или в монастырские служки. Кстати, многие монастыри набирали казаков для охраны. Так, Соловецкий монастырь в 1615 г. нанял 70 казаков. В холопы попала большая часть чуров.

Характерные примеры «охолопления» казаков: в Елецкой десятине 1621–1622 г. записаны ставшие холопами боярина патриарха Филарета И.А. Котловского и московского дворянина И.А. Хлопова казаки Василий Короткий и Борис Иванов… В Кашинской десятине того же года отмечен как холоп князя Ф. Ромодановского атаман Ждан Самсонов. К 1622 г. уже жили в Москве «в боярских дворах» бывшие мятежные вязниковские казаки, получившие земли в Козельске, Афанасий и Герасим Дмитриевы.

Правда, сытая и спокойная жизнь в холопах казакам часто надоедала, и они бежали в вольные казаки. Так, казак Иван Поленов бежал от боярина И.П. Морозова из Казани на Терек.

Многие казаки занялись разбоем на местах. В июле 1619 г. в Комарицкой волости бесчинствовал отряд беглых казаков во главе с атаманом Каргой. Брянский воевода князь В. Барятинский разгромил отряд, однако Карге с горсткой казаков удалось скрыться — «побежал за рубеж». А в 1621 г. из Москвы «во разбойники» ушел атаман одной из самых многочисленных станиц 1610-х годов Казарин Терентьев с девятью казаками.

Несколько слов стоит сказать и о казаках, ушедших в 1619 г. вместе с королевичем Владиславом. Многих из них король Сигизмунд III сделал мелкопоместными помещиками (пардон за тавтологию). Так, к Смоленску

были приписаны три хоругви по 100 казаков, к Стародубу — 100, к Почепу — 50, к Мглину — 100 и к Трубчевску — 30 казаков. Но среди них были не только бывшие вольные русские казаки, но и малороссийские казаки.

Командовал каждой хоругвью ротмистр. Во время военных действий казаки получали жалованье, а остальное время они жили со своих земельных наделов. Каждому казаку полагалось по четыре волока земли (около 160 четвертей), а также давалось право иметь крепостных крестьян.

Русские казаки приняли активное участие в польско-турецкой войне 1621–1622 гг.: «И как их побили турские люди, и королевич велел им, казакам, Круговому станицею итти… в Мозырь город… Из Мозыря пошли по украинским городам по поместьям, кому в котором городе казаком поместье дано».

Запорожские казаки, вернувшись в Сечь после похода королевича Владислава, как уже говорилось, установили хорошие отношения с новой московской властью. Они периодически получали из Москвы жалованье и, в свою очередь, выполняли поручения русских царей. Больше запорожцы никогда не выступят вместе с поляками против Москвы. Хотя конфликты у них с царями, естественно, будут.

Глава 20. Царь Михаил и вольное казачество

Донское казачество в целом не поддержало царенка Ивана Дмитриевича. Вполне допускаю, что многим, особенно зажиточным казакам, надоела Смута в Московском государстве, но больше всего им импонировал «московский пряник».

В июне 1612 г. в Стамбул к султану Ахмеду I московские бояре отправили послов — дворянина Солового-Протасьева и дьяка Данилова. Они должны были объявить султану, что новый царь хочет быть с ним «в дружбе и любви свыше всех великих государей и на всякого недруга стоять заодно, и чтоб султан посылал в Москву послов своих с полным наказом, да чтоб султан, видя неправду польского короля и панов радных, мстил им за их неправды, послал повеленье крымскому царю идти со всею ордою в Польскую и Литовскую землю, а на Русскую землю ходить им не велел»[118].

Заодно оные послы завезли и гостинец на Дон.

В ноябре 1613 г. с Дона в Москву отправилась станица казаков во главе с атаманом Бедрищевым. Посланцы Дона благодарили царя за милостивое к ним отношение, уверяли в готовности жертвовать за него жизнью и просили о присылке им жалованья — хлеба, пороха, свинцу, селитры и др. Михаил вручил атаману похвальную грамоту к Войску Донскому и знамя за боевые заслуги.

В своей грамоте от 18 марта 1614 г. Михаил писал: «От царя и великою князя Михаила Феодоровича всея Руси на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком, Смаге Степанову (Чершенскому), Епихе Родилову и всем атаманом и казаком Донским, низовым и верховым».

Любопытно, что слово «самодержец» во всех царских грамотах на Дон не встречается вплоть до 1657 г. Замечу, что это совсем не мелочь. Так, в царских грамотах к ногайским князьям вначале ставились слова «Божию милостию, от великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руссии самодержца и многих государств государя и обладателя, наше царское повеленье и милостивое слово…». А в грамотах на Дон подобные выражения цари не употребляли, считая казаков народом не подвластным, а союзным.

В августе 1615 г. из Москвы в Константинополь отправились новые

послы — дворянин Петр Мансуров и дьяк Самсонов, чтобы уговорить султана велеть крымскому хану идти на Литву, потому что польский король, узнав о переговорах между царем и султаном, постоянно ссылается с цесарем, папой, шведским королем и другими правителями, «замышляя всякое лихо» на Россию и Турцию. Также в задачу послов входило нажаловаться султану на набеги азовцев на русские украйны.

Между тем донцы, несмотря на все увещевания Москвы, не вникали в большую стратегию бояр и продолжали промышлять в турецких владениях под Азовом.

Когда русские послы проплывали Азов, местный паша заявил им: «Добро бы было вам донских казаков с азовцами[119] помирить, казаки азовцам теперь чинят тесноту и вред большой, становятся они нам хуже жидов, а если вы казаков с азовцами не помирите. То мы всем городом отпишем султану, и вам к нему приехать не к чести»[120].

А пока послы пререкались с пашой в Азове, туда турки привезли с Мертвого Донца (правый рукав дельты Дона) пойманного на разбое атамана Матвея Лисишникова и двадцать казаков. Турецкий паша, не имея полномочий наказать послов, приказал отвести атамана на морской корабль, который должен был отвезти послов в Стамбул, и там его пытать самым страшным способом. В числе прочего у Матвея Лисишникова вырезали ремни из кожи на спине, а затем повесили на мачте. На пытке казаки показали, что царь прислал к ним с Мансуровым на Дон жалованье, деньги, сукна, хлебные и воинские запасы.

Царские послы объявили паше, что не поедут на том корабле, на котором был повешен «воровской мужик», на что паша ответил: «Здесь живут воры же вольные люди, такие же, что на Дону казаки, взяли они воровских казаков и повесили на корабле не по моему приказу, самовольством, а корабль я дам вам другой».

Наконец, донцы — атаман Смага Чертенский с товарищами — прислали в Азов троих атаманов, которые и заключили перемирие с азовцами, после чего царские послы отправились в Константинополь.

В Константинополе их ждал почетный прием: великий визирь сказал им: «Вы у нас гости добрые, приходите к нам с делом добрым и любительным, и государь наш велел вам почесть воздавать свыше всех послов великих государей и ставит себе государя вашего великим и неложным другом и приятелем». Но казаки незамедлили помешать делу: визирь прислал сказать послам, что донские казаки приступали к Азову двенадцать дней, на Миюсе много кораблей погромили и теперь на

семидесяти стругах идут под город Кафу: «И вы, посланники, — велел сказать визирь, — пришли к государю нашему не для доброго дела, а с обманом»[121].

Послы вновь запели старую песню, что, мол, на Дону живут воры, беглые люди боярские, утекая из Московского государства от смертной казни, живут на Дону, переходя с места на место, разбойническим обычаем. На что посланец визиря возразил: «Вы говорите, что на Дону живут воры; а для чего же вы государь теперь с вами прислал к ним денежное жалованье, сукна, серу, свинец и запасы? Визирь велел вам сказать: если донские казаки какое дурно на море или над Кафою учинят, то вам здесь добра не будет, можно вас здесь за вашу неправду казнить смертью. Пишите к казакам, чтоб они от своего воровства отстали». Послы отвечали: «Присланы мы для общих больших добрых дел; когда мы будем у визиря и об этих больших делах переговорим, тогда и о донских казаках договоримся».

Но вскоре пришло известие, что проходили морем на многих стругах донские казаки, города Трапезунд и Синоп взяли, выжгли, людей многих побили и в плен побрали. Визирь долго не посылал за царскими послами, и те обратились к казначею, зятю визиря, подарили ему сорок соболей, чтобы он замолвил за них словечко визирю. Визирь прислал сказать послам, чтобы они не печалились, все их дела будут сделаны. И действительно, вскоре после этого послов повели к визирю.

Разговор начался неприятно для послов. Визирь сказал: «Не известить мне государю своему о казачьем воровстве нельзя, но как скоро я ему об этом объявлю, то вам добра не будет, говорю вам прямо. Да государь же наш велит в вашу землю послать татар войною, и государю вашему какая от этого прибыль будет?» Послы же твердили свое, — мол, «на Дону живут воры, которые и Московскому государству много зла наделали, первые к Гришке Отрепьеву и к польским людям пристали, а после многих воров назвали государскими детьми. Царское величество с Дону их сослать велит для дружбы к султану. То не диво, что воры беглые люди воруют; но азовские люди не казаки, живут в городе, а каждый год приходят на государя нашего украйны»[122].

В конце концов султан и великий визирь сменили гнев на милость и потребовали от московских послов гарантии, что во время предполагаемого похода султана на Речь Посполитую донские казаки не причинят никакого вреда турецким областям. Послы отказывались ручаться, ссылаясь на то, что у них в наказе об этом нет ни слова и что для окончательного договора

султан должен отправить своего посланника в Москву. В конце концов припертый к стенке Мансуров выдал: «Хотя бы турецкие люди донских казаков до одного человека побили, то наш великий государь вашему за то не постоит: наш великий государь сам о том помышляет, чтоб казаков на Дону не было, и чтоб от их воровства между обоими государями дружбе помешки не было». На что визирь отвечал: «Вы называете донских казаков ворами и разбойниками. За что же ваш государь прислал к ним запасы многие? И они с этими запасами по морю ходят беспрестанно и нашему государю многие убытки делают». Мансуров отвертелся: «Государь наш послал донским казакам запасы, потому что они над ногайскими людьми поиск чинят, полон у них русский отбивают. Кроме того, донские казаки встретили с честью наших посланников Солового-Протасьева с товарищами и вашего посланника и всю зиму кормили. На Дону живут воры разбойническим обычаем, переходят с места на место, а вашего государя азовские люди живут в городе и на нашей украйне разбойничают!» Визирь отвечал, что султан повелит унять азовцев.

А в то время у визиря был польский посол Ян Кохановский, которого визирь посадил ниже московских послов. Кохановский уверял визиря, что на Черном море разбойничают не запорожские, а донские казаки. Московские послы говорили визирю: «Вам самим известно, что разбойничают черкасы».

И русские, и ляхи нагло врали — по Черному морю гуляли и донцы, и запорожцы, о чем господам послам было хорошо известно.

Еще во времена Гришки Отрепьева, пока одна часть запорожцев грабила Московское государство вместе с поляками, другая часть во главе с Петром Сагайдачным действовала против турок и татар. В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Килию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье Черного моря Варну.

В Варне запорожцы взяли добычи больше, чем на 180 тысяч золотых рублей[123]. Об этом в Малороссии была даже сложена песня:

Була Варна здавна славна.
Спавнішії козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній турків забрали.

В 1613 г. казаки дважды выходили в море и разорили несколько городов на юге Крымского полуострова. Турки выслали отряд гребных

судов под Очаков — к входу в Днепро-Бугский лиман, надеясь там перехватить казаков при возвращении домой. Но запорожцы темной ночью скрытно подошли к турецким кораблям и атаковали турок. Несколько басурманских судов было сожжено, а шесть галер захвачено.

В начале весны 1614 г. казаки снова предприняли поход на Черное море, но на этот раз им не повезло. На море поднялась буря и разнесла их в разные стороны. Многие чайки (суда казаков. — *А.Ш.*) потонули, а остальных выбросило на берег, но там казаков изловили турки и всех перебили.

Несмотря на неудачу, летом того же года до двух тысяч казаков вновь вышли в Черное море. Их вели бывшие турецкие невольники, малороссы-потурнаки, принявшие ислам («потурчившиеся»), ради спасения своих жизней служившие ранее туркам, но сумевшие обмануть их и бежать к запорожцам. Они отлично знали все входы в прибрежные черноморские города и предложили казакам вести их флотилию. Казаки согласились и, выйдя в море, двинулись к берегам Малой Азии (Анатолии) и пристали к богатой, крепкой, людной и цветущей гавани Синопу, к тому времени славившейся по всему Востоку как богатством своих жителей, так и прекрасным местоположением с чудным климатом, и потому называемой «городом любовников».

С помощь потурнаков казаки попали в город, разрушили замок, перерезали гарнизон, разграбили арсенал, сожгли несколько мечетей, домов и стоявшие у пристани суда, вырезали множество мусульман, освободили всех невольников-христиан и поспешно ушли из города. Туркам был нанесен ущерб на 40 миллионов злотых.

Известие о нападении на Синоп произвело на турок ошеломляющее впечатление. Султан Ахмед I, узнав об этом, пришел в такую ярость, что поначалу велел казнить великого визиря Насаф-пашу, и только вняв мольбам жены и дочери паши, даровал ему на этот раз жизнь, велев лишь исколотить его буздыганом (большой металлической булавой).

С приказанием же преградить казакам путь домой и истребить их всех до единого султан послал румелийского беглербека Ахмет-пашу. Тот с огромным войском, в котором только янычар насчитывалось до четырех тысяч, отправился к устью Днепра и расположился на урочище Газилер-Гермих («Переправе воинов»). Но казаки обнаружили турецкую засаду и причалили к берегу Днепра ниже «Переправы», вытянули чайки и попытались волоком перетащить их мимо турок, поскольку в этом месте Днепр делал большой изгиб.

Однако турки узнали об этом и напали на казаков, чтобы перебить их

всех до единого. Из 2000 запорожцев им удалось убить только 200 и 20 взять в плен. Остальные же, побросав большую часть своей добычи в воду и взяв лишь самое ценное, успели сесть в чайки и уйти от турок. А плененных казаков доставили в Константинополь и там в присутствии жителей Синопа, приехавших с известием о разорении их города, предали мучительной казни.

Весной 1615 г. запорожцы вновь вышли в море, 80 чаек вошли в пролив Босфор. Казаки высадились на берег в виду султанской столицы. Для начала они подожгли портовые сооружения в Мизивне и Архиоки. А султан в это время был на охоте. Во время обеда в охотничьем доме он вдруг из окна увидел густой дым от двух пылавших пристаней и купеческих судов. Бросив свои забавы, Ахмед I вскочил в седло и помчался в Стамбул.

Прибыв в свою столицу, он немедленно приказал готовить к бою все стоявшие там суда.

А казаки между тем беспечно продолжали свои грабежи и, задавши «превеликий страх и смятение султану и всем цареградским обывателям», спокойно покинули окрестности Стамбула.

Турецкая эскадра сумела нагнать флотилию чаек лишь в устье Дуная. Казаки уходили, как могли, до наступления темноты, а затем повернули и пошли на абордаж. Метая ручные зажигательные снаряды — паклю со смолой, они смогли поджечь несколько османских судов. Еще несколько галер было потоплено, а адмиральскую галеру запорожцы взяли на абордаж и захватили на ней раненого турецкого адмирала. Он предложил казакам выкуп в 30 тысяч рублей, но вскоре умер в плену, так и не дождавшись свободы.

Разгромив турецкую эскадру, запорожцы дошли до Днепро-Бугского лимана и в виду Очакова демонстративно сожгли трофейные галеры.

В мае 1616 г. в море вышли свыше двух тысяч запорожцев и донцов под предводительством гетмана Петра Конашевича Сагайдачного и опытных старшин — есаула Свиридовича и куренного атамана Якова Бородавки. В Днепро-Бугском лимане они внезапно напали на дежурившую там эскадру Али-паши. Турки были разбиты, а 15 галер стали добычей казаков. Следует заметить, что все крупные турецкие гребные суда различных типов казаки называли галерами.

Затем казаки направились к крепости Кафа. Петр Сагайдачный разделил свое войско на три отряда. Два из них, ведомые Свиридовичем и Бородавкой, должны были с наступлением сумерек напасть на город с суши, а третий отряд под началом самого гетмана — с моря. Казакам

удалось под покровом темноты ворваться в город — ворота им открыли православные невольники. Ранним утром запорожцы уже грабили Кафу — проклятый всей Речью Посполитой и Россией город, через который прошли и навсегда исчезли где-то в восточных странах тысячи мужчин, женщин и детей, город, по своему богатству на Черном море уступавший только Константинополю.

Казаки перебили турок и сожгли Кафу, а несколько сотен бывших невольников присоединились к ним. От Кафы Сагайдачный взял курс на юг и пересек Черное море. Благодаря сильному попутному ветру казаки быстро дошли до Минеры, где захватили в порту 26 купеческих судов. От Минеры казаки берегом добрались до Синопа и Трапезунда и взяли приступом оба города, разбили войско паши Цикалы, в море потопили три больших турецких судна, еще несколько судов захватили и повернули домой.

От пленных турок гетман Сагайдачный узнал, что султан отправил к Очакову большую эскадру Ибрагим-паши, чтобы там перехватить казачью флотилию. Тогда гетман решил обмануть Ибрагима и велел держать курс к Керченскому проливу. Чайки запорожцев и струги донцов благополучно достигли устья Дона. Донские казаки отправились по домам, а запорожцы сухим путем двинулись в Сечь.

Весть о казацком погроме Кафы, Синопа и Трапезунда разнеслась по всей Европе. Итальянский священник и писатель первой половины XVII века Отавио Сапиенция утверждал, что казаков в Запорожье набиралось в то время от 30 до 40 тысяч человек, они выставляли от 200 до 300 чаек, смело разъезжали по Черному морю и в 1616 г., и 1617 г. с успехом нападали на города Кафу, Синоп и Трапезунд. О взятии Синопа запорожцами в 1616 г. свидетельствует и турецкий путешественник XVII века Эвлия-эфенди. Он писал, что казаки взяли этот город в одну темную ночь и что по этому случаю великий вширь Насир-паша был казнен за то, что скрыл этот факт от султана.

Несмотря на столь блестящий успех Петра Сагайдачного, запорожцы согнали его с гетманства и выбрали Дмитрия Богдановича Барабаша. Новый гетман весной 1617 г. повел флотилию чаек в очередной поход. На сей раз разграблению подверглись окрестности Стамбула. Как утверждали европейские купцы, «казаки мигали своими походными огнями в окна самого сераля».

Любопытно, что царь, с одной стороны, посылал деньги и боеприпасы запорожцам (мы помним, что гетман Сагайдачный покаялся). Но, с другой стороны, отправил на Дон гневную грамоту: «Дошло до нас известие, что

пришли к вам с Запорог 2 тыс. человек, ходили на море, взяли многие турецкие города и много добычи, теперь же они стоят у вас в войске и хотят вместе с вами идти под Азов. Мы удивляемся, каким образом вы все это делаете без нашего указу».

Но, несмотря на указы и просьбы царя, донцы вновь ходили на море, взяли семь турецких каторг и пленили пашу, за которого потребовали выкуп 3 тысячи золотых. Чтобы навсегда прекратить эти набеги и запереть вход в море, турки засыпали рукав Дона Мертвый Донец, а на берегах другого рукава — Каланчи — построили башни и перекинули через Дон железные цепи. Однако казакам это не было помехой. Они прокопали из Дона, выше Каланчи, прямой канал-ерик в другой рукав, выходили в Черное море и продолжали разорять крымские и турецкие берега, как и прежде.

Чуть ли не ежедневно в Черное море выходили и чайки запорожцев. Так, в августе 1621 г. в морском бою запорожцы потопили 12 турецких галер, а остальных гнали до самого Босфора. Я не стал бы вспоминать об этом походе, если бы на борту одной из чаек не было бы молодого казака Богдана Зиновьевича Хмельницкого. Так прошел его первый боевой дебют.

Но не все проходило так гладко — два похода казаков в 1621 г. окончились неудачами. Ранней весной 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яков Бородавка избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец паши, понеся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. шестнадцать чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капудан-паши Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исакчи на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промаха, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В 1624 г. запорожцы совместно с донцами совершили поход на

Трапезунд. Одновременно другой отряд судов напал на укрепления Азова. Весть об этом в Москву пришла с атаманом легкой станицы Старовым. Разгневанный Михаил повелел заточить Старова со товарищи в Кирилло-Белозерский монастырь, а на Дон 22 октября 1625 г. отправил очередную грозную грамоту: «И на великое подивленье, что вы нашего государского повеленья не слушаетесь. Вспомните, какая вам неволя была при прежних государях, особенно при царе Борисе; не только не могли в Москву приехать, но и в украинные города нельзя было вам показаться, везде вас ловили, в тюрьмы сажали… Мы же вам вольность учинили, атаманов ваших и казаков, которые приезжают с Дону, мы жалуем, велим видеть наши царские очи, бывать у нас у стола. А вы все наше жалованье и повеленье поставили ни во что.

В войне против польского короля вы не подали нам никакой помощи. Многие из вас ходят на Волгу, на Яик и на море, суды и бусы громят и многую шкоду делают, а вы их от того не унимаете… А нам вам за такие ваши грубости, жалованье давать не за что, и в города в ни которые вас пускать и запасы ни с какими из городов к вам ездить не велим»[124].

Получив эту грамоту, донцы порвали все отношения с Москвой и продолжали по-прежнему ходить вместе с запорожцами на море, громили Азов и отбивали у турок пленных христиан. Они периодически появлялись на Волге и Каспийском море и грабили там персидские и русские купеческие суда. Но в этих грабежах в основном участвовали казаки верховных городов, воровские, зачастую не подчинявшиеся приказам главного войска.

В 1627 г. донской атаман Епифан Родилов приказал этих ослушников выловить и доставить на суд войска на Монастырский Яр. Также велено было доставить всех «барыг», покупавших у воровских казаков награбленные товары и пленных и, в свою очередь, снабжавших им порохом и свинцом. Круг порешил таких воров бить ослопьем, а награбленное имущество отобрать. После этого донским казакам под страхом смертной казни было запрещено ходить на Волгу для воровства.

Увы, казаки, как волжские, так и пришлые, продолжали гулять по Волге-матушке. Дело шло к Разинщине.

Список использованной литературы

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицию императорской Академии наук. СПб, 1836.

Бедокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976.

Валишевский К. Смутное время. М.: СП «Квадрат», 1993.

Винекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000.

Воинские повести Древней Руси/Сост. Н.В. Понырко. Ленинград: Лениздат, 1985.

Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004.

Грабеньский Вл. История польского народа. Минск МФЦП, 2006.

Гримберг Ф. Рюриковичи, или Семисотлетие вечных вопросов. М.: Московский лицей, 1997.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Дворянские роды Российской империи / Под ред. С.В. Думина. СПб.: ИПК «Вести», 1993.

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996.

Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в книгах. Российские судьбы. Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский/Издатель К Кренов. М.: Новатор, 1997.

Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

История средних веков/Под ред. С.Д. Сказкина, А.С. Самойло, А.Н. Чистозвонова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954.

История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Мысль, 1988.

Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! М.: Русская панорама,

1998.

Карташов А.В. История русской церкви. Т. 2. Париж, 1959.

Картины былого Тихого Дона. М.: Граница, 1992.

Кириков Б. Углич. Ленинград: Художник РСФСР, 1984.

Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб.: Бельведер, 1993.

Коган В.М., Домбровский-Шапагин В.И. Князь Рюрик и его потомки. СПб.: Паритет, 2004.

Козляков В.Н. Марина Мнишек. М.: Молодая гвардия, 2005.

Кусаинова Е.Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005.

Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. М.: Древнехранилище, 2005.

Лаврентьев А.В. Царевич — царь — кесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг., СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1912.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002.

Мархоцкий Н. История московской войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: 1937.

Михайлова И.Б. Служилые люди северо-восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.

Назаров В. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // Журнал «Историческая Генеалогия». Выпуск 1. Екатеринбург Зеркало, 1993.

Некрасов С. Предки царя Михаила Федоровича. Тверь, 1913.

Низовский А. Русские самозванцы. М.: Издательский дом «Прибой», 1999.

Павлов А. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове.

СПб.: Наука, 1992.

Пасхалова Т., Станюкович А. Усыпальница прародителей царского дома Романовых в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. М.: Новоспасский монастырь, 1997.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886.

Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995.

Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русских редакций. М., 1869.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, датах, фактах. М, Международные отношения, 1995.

Прокофьев С. Тайна царевича Дмитрия. М.: Evidentis, 2001.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. V. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.

Пыляев М. Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1996.

Пятницкий П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896.

Разрядная книга 1650 года. М., 1976.

Раков Э. Монастырь опальных княгинь. СПб., 1995.

Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М.: Северный паломник, 2003.

Рыжов К. Все монархи мира. Москва: Вече, 1998.

Савелов Л.М. Бояре Романовы М., 1914.

Савелов Л.М Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2002.

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича. СПб, 1901.

Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVI века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985.

Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1951.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. М.: Мысль, 1990.

Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

Строганов Л.С. Александровская слобода в Смуту начала XVII в. Александров, 2002.

Тихомиров М. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973.

Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М.: Поиск, 1992.

Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост. В.И. Кузнецов, И.П. Кулакова. М.: Издательство Московского университета, 2001.

Филатович Б. Судьба Романовых. 1912.

Цыбин В.М., Ашанин Е.А. История волжского казачества. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002.

Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007.

Широкорад А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М.: Вече, 2005.

Широкорад А.Б. Исторические портреты. М.: Астрель; АСТ, Ермак, 2003.

Широкорад А.Б. Путь к трону. М.: АСТ; Астрель, 2002.

Широкорад А.Б. Русские пираты. М.: Вагриус, 2007.

Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Узоречье, 2002.

Щуцкая Г. Новые данные о палатах Романовых в Зарядье (Итоги реставрации 1984–1992 гг.), Забелинские научные чтения. Ипорический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1997.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

Иллюстрации

Запорожцы. Старинная картина.

Запорожцы.

Донской казак.

Казак-победитель.

Казак Мамай.

Пешие реестровые казаки.

Реестровый казак конной сотни.

Запорожский казак.

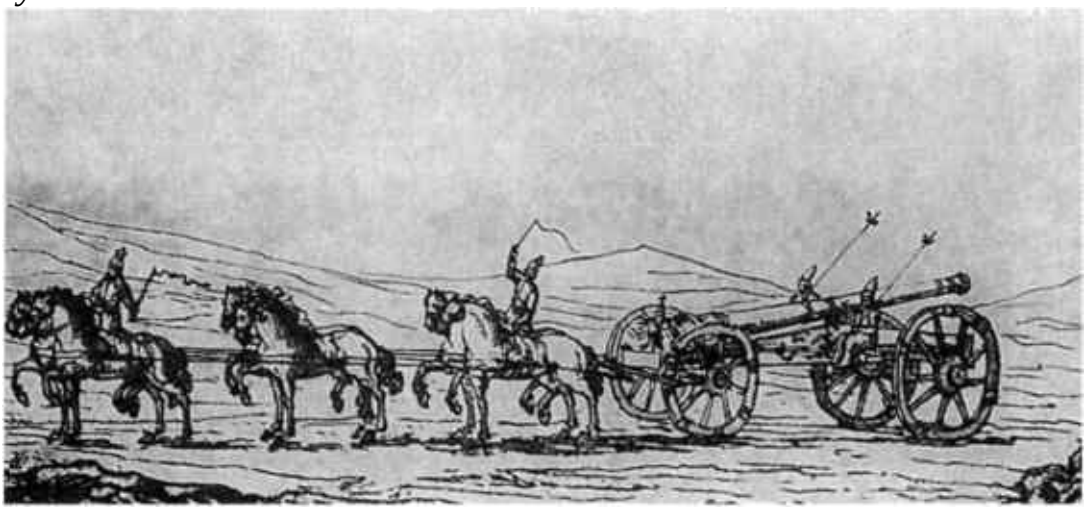
Запорожцы: гетман и казак.

Московский стрелец.

Русский конный воин.

Русская артиллерия в походе.

Казаки перетаскивают лодки через волок.

Осада Троице-Сергиева монастыря поляками. 1608 год. Среди осаждавших были и запорожцы.

Иноки отбивают приступ поляков и казаков от стен Троице-Сергиева монастыря.

Прибытие Тушинского вора в Калугу после бегства из Тушина.

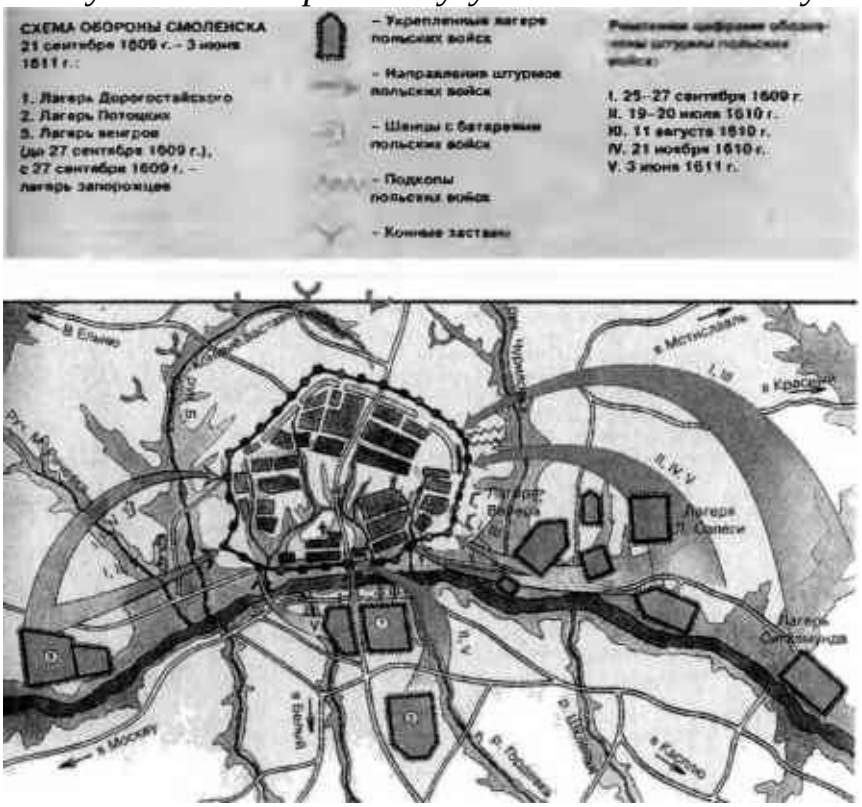

Схема обороны Смоленска 21 сентября 1609 г. — 3 июня 1611 г.

Подвиг Ивана Сусанина.

Марина Мнишек.

Лжедмитрий II — Тушинский вор.

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой.

Лжедмитрий I.

Царь Михаил Федорович.

Дмитрий Вишневецкий — легендарный Байда.

Ян Петр Сапега.

Королевич Владислав.

Гетман Петр Сагайдачный.

Александр Лисовский.

Юрий Мнишек.

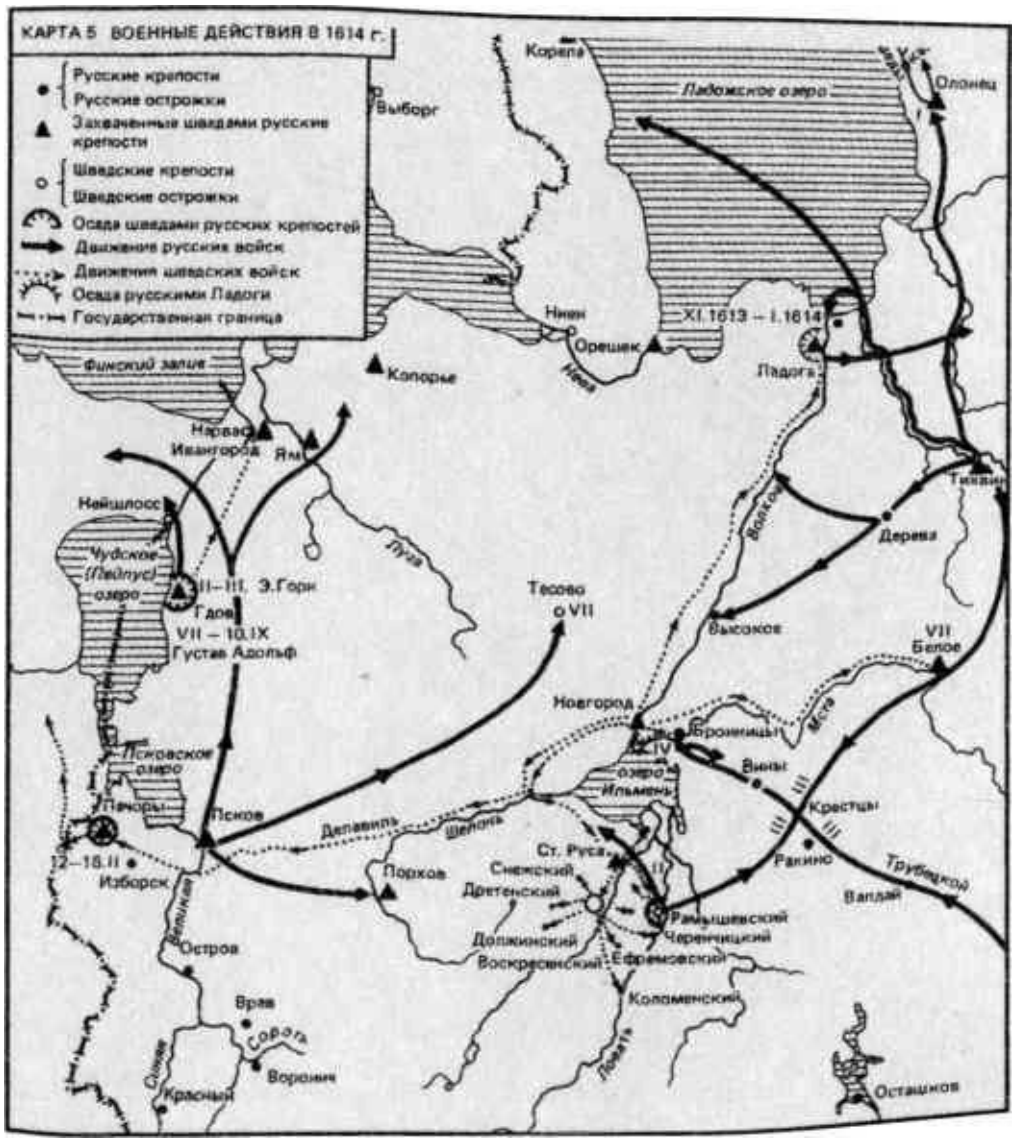
Гетман Станислав Жолкевский.

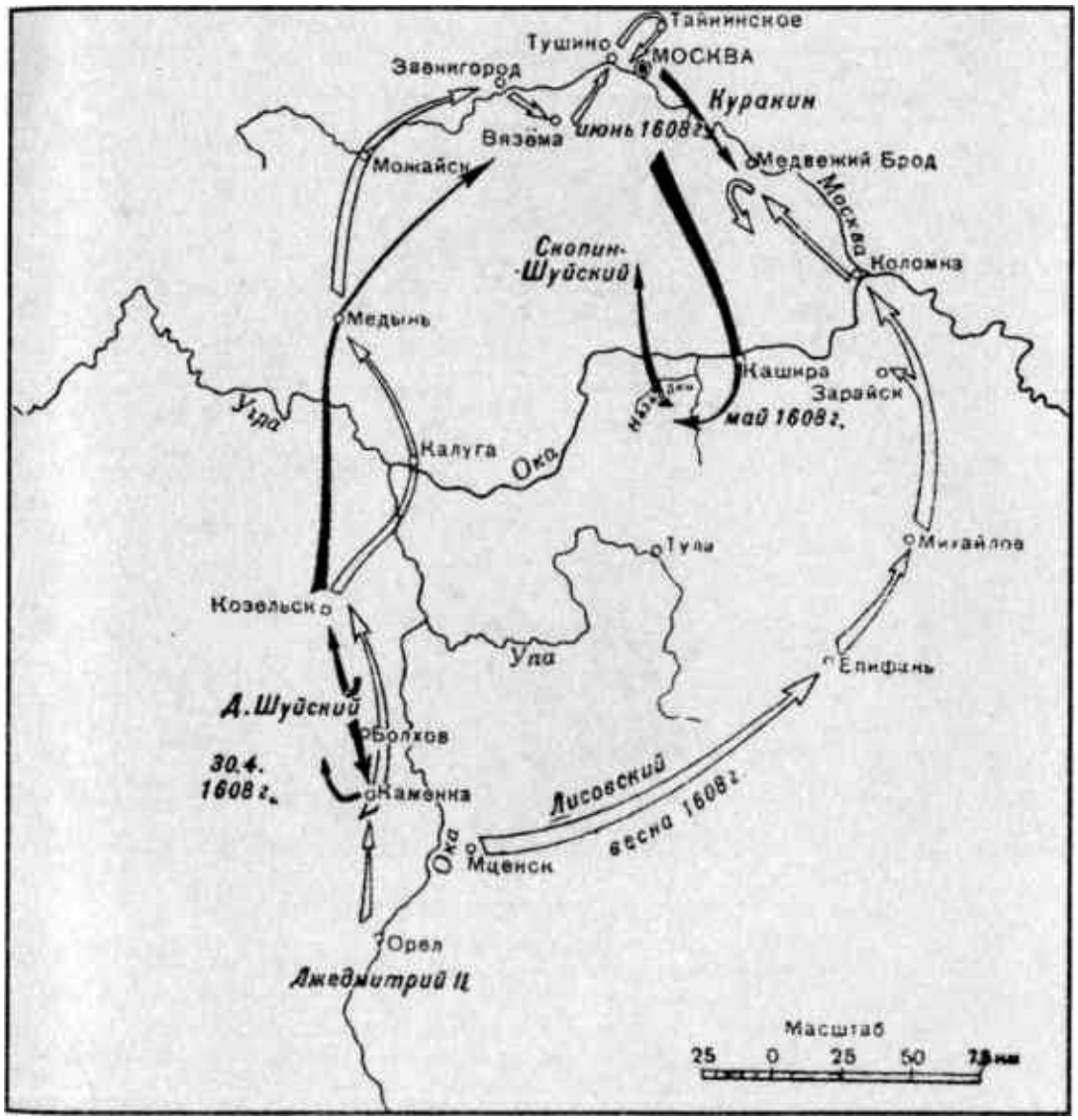
Фрагмент памятника Тысячелетию России в Новгороде Великом. Классический пример фальсификации истории — Дмитрий Пожарский прикрывает Михаила Романова мечом, а Кузьма Минин преподносит ему шапку Мономаха.

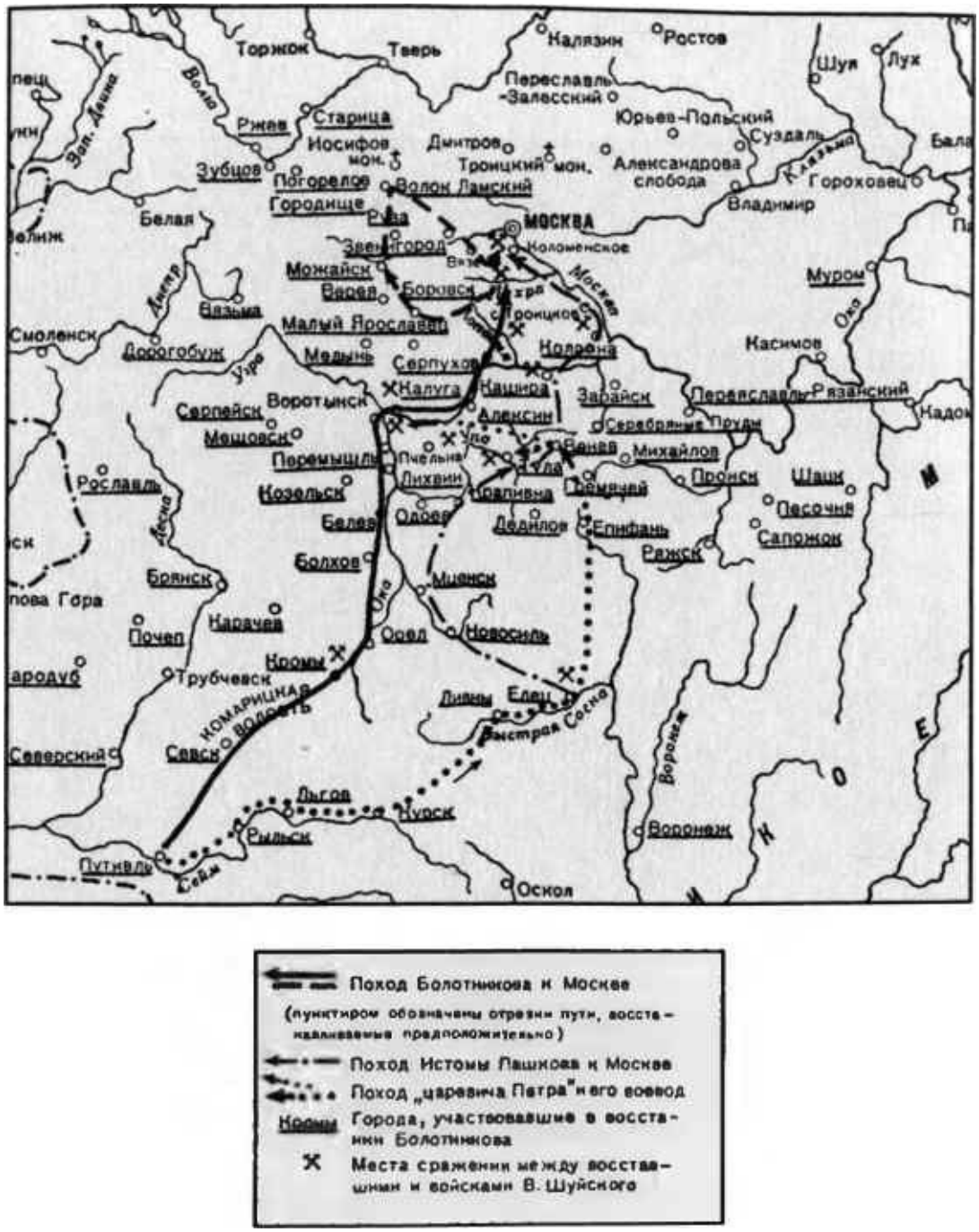
Москва и ее окрестности в начале XVII века.

Военные действия в 1614 г.

Поход Лжедмитрия II на Москву в апреле-июне 1608 г.

Походы Болотникова в 1606–1607 гг.

---

notes

Примечания

1

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

2

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348–349.

3

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 441.

4

Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 67–68.

5

Там же. С. 68.

6

Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

7

Калита — в Древней Руси кожаная сумка для денег, которую носили на ремне у пояса.

8

В 1781 г. императрица Екатерина II переименовала Хлынов в Вятку, а в 1934 г. большевики переименовали его в Киров.

9

Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2002. С. 261.

10

Ахметзянов Марсель, канд. филол. наук. «Турусы на колесах, или О новых фальсификациях в истории татарского народа». Журнал «Идель», 1993, № 5.

11

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986. С. 136.

12

Там же. С. 135–136, 137.

13

Цыбин В.М., Ашанин Е.А. История волжского казачества. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002.

14

Савельев Е.П. Древняя история казачества. С. 261.

15

Кусаинова Е.Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. С 108.

16

К XVII веку однодворцы становятся официально одной из категорий государственных крестьян.

17

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Кн. III. С. 144.

18

Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии. 1887 г., № 5.

19

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 313.

20

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С 250, 402, 403.

21

Там же. С. 403.

22

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 392–393.

23

Боплан Гийом (Guillaume le Vasseur de Beauplan) — инженер-строитель, автор «Описания Украйны», родом француз. Он служил более 17 лет в польской службе при королях Сигизмунде III и сыне его Владиславе IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера. Большую часть этого времени он провел в Малороссии, занимался здесь постройкою слобод и крепостей, в 1637 г. участвовал в сражении между поляками и казаками под Кумейками (возле Корсуня).

В своих разъездах по Украйне Боплан хорошо ознакомился с украинскими степями и течением Днепра (от Киева до Александровска, ныне г. Запорожье), произвел множество измерений и близко наблюдал как самих казаков, так крымцев и буджакских татар. Около 1649 г. вернулся на родину, во Францию, и в следующем году издал свою книгу: «Description d’Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, con tenues depuis les confins de la Moscovie jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs moeurs, faç ons de vivre et de faire la guerre». В 1660 г. вышло 2-е издание «Описание Украйны», а через два года оно появилось в латинском переводе, в известном сборнике «Geographia Blaviana», во 2-м томе.

Все сочинение делится на 7 глав: в 1-й («Описание Украйны») описаны физические свойства страны, города и замечательные места, в особенности Днепровские пороги, и затем нравы и обычаи запорожских казаков. Во 2-й главе («Описание Крыма») дается подробное описание Таврического полуострова, в 3-й («О крымских татарах») — описание их образа жизни, набегов и сражений с казаками и Польшей; в 4-й («Об украинских казаках») говорится о житье украинских казаков, их нравах и обычаях, а также о морских их походах и разорении ими малоазийских городов (по рассказам казаков); 5-я глава («Об избрании королей польских») посвящена рассказу об избрании польских королей, о составе сеймов, о коренных законах и правах королевских; в 6-й главе («О вольностях польского дворянства») указываются права и привилегии польских дворян; и, наконец, в 7-й («О нравах польского дворянства») описывается образ жизни поляков. Боплан, используя польские карты и лично снятые планы местностей, опубликовал три подробные карты Малороссии, которые неоднократно переиздавались в Европе и России.

24

Тоня — одна тяга невода.

25

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 71.

26

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С 75–76.

27

Исключение представляла только Литовская Русь, то есть русские княжества, входившие в состав Великого княжества Литовского. Там большей частью княжеств правили Гедиминовичи, то есть потомки великого князя Гедимина. Хотя в ряде княжеств, например в Верховском, правили Рюриковичи.

28

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Путь к трону» (М.: АСТ; Астрель, 2002).

29

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св. — Тр. Сергиевой Лавры, 1912. С 90.

30

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996. С. 53.

31

Григорий — это монашеское имя дворянина Юрия Отрепьева, но поскольку самозванец вошел в историю под именем Григория Отрепьева, то, чтобы не путать читателя, я буду называть его именно так.

32

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 46.

33

Письмо донских казаков к Лжедмитрию от 15 (25) ноября 1603 г. // Старина и Новизна. Кн. 14. С. 413.

34

Донские дела // Русская историческая библиотека. Т. XVIII СПб, 1898. Стр. 32.

35

Интересующихся подробностями этой занимательной истории я отсылаю к моей книге «Исторические портреты» (М.: Астрель; АСТ, Ермак, 2003).

36

Козляков В.Н. Марина Мнишек. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 12.

37

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С 410.

38

Валишевский К. Смутное время. М.: СП «Квадрат», 1993. С. 111.

39

В те годы Польша регулярно платила дань крымскому хану, что, впрочем, не спасало ее от татарских набегов. Подробнее см. *Широкорад А.Б.* Русско-турецкие войны. Минск Харвест, 2000.

40

Автор не понимает истинного смысла лозунга «за доброго царя» ибо в это словосочетание вкладывается не только христианское понимание, но и социальное понимание царя как мерила справедливости (*прим. ред.*).

41

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 138.

42

Исаак Масса — голландский купец, несколько лет прожил в Москве. Автор книги «Краткое известие о Московии».

43

Разин Е.А. История военного искусства. Материалы сайта http://militera.lib.ru/science/razin_ea/3/01.html

44

Разин Е.А. История военного искусства.

45

Александр и Михаил были причислены к лику святых за ратные подвиги, а вот Федор стал святым по недоразумению. В 1232 г. 12-летний Федор был отправлен отцом княжить в Новгород. В возрасте 15 лет он внезапно скончался на собственном бракосочетании. Похоронили его в Юрьевском монастыре под Новгородом. В 1614 г. шведы ограбили монастырь и вскрыли все захоронения, но в одном из гробов они увидели мумифицированные останки. Новгородскому митрополиту Исидору в той сложной обстановке было крайне нужно чудо, и он объявил, что мумия принадлежит Федору Ярославину. Почитание святого велось до 30-х годов XX века, пока «безбожные коммунисты» не провели исследования нетленных мощей. Выяснилось, что покойнику было не 15 лет, а минимум 35 лет, и он был отравлен мышьяком, который и способствовал мумификации трупа. Таким образом, святым оказался великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, в свое время преданный церковниками анафеме.

46

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 469.

47

Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русских редакций. М., 1869. С. 328.

48

Украйнные городки — это окраинные города России. Украйнами тогда называли окраины государства. Те же сибирские казаки в своих грамотах в Москву писали об амурской украйне и т. п. Термина «Украина» тогда еще вообще не было. Его постепенно введут поляки. Так на сеймах шляхту и казаков Малороссии презрительно называли — пришедший с украйны, то есть с окраины.

49

Разрядная книга 1650 года. Т. II. М., 1976. С. 225.

50

Цит. по: *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. С. 256–257.

51

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. С. 260.

52

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. М.: Мысль, 1990. С. 21.

53

Все наши историки считают, что Димитрий всерьез собирался воевать с Оттоманской империей. По мнению же автора, это было блефом, предназначенным для польского короля, римского папы, а также для внутреннего потребления.

54

Рокош (*польск*. Rokosz, буквально — бунт, мятеж) — в Речи Посполитой шляхетская конференция, направленная против короля. Самым крупным был рокош под руководством Й. Зебжидовского против короля Сигизмунда III в 1606–1607 гг.

55

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 463.

56

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. С. 62.

57

Там же. С. 156.

58

Сборник Русского исторического общества. Т. 137. С. 351–352.

59

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: 1937. С 153.

60

Попов А. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. С 339–340.

61

Вяземский дворянин Молчанов был участником убийства жены и сына Бориса Годунова.

62

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С. 23–24.

63

В боях с мятежниками под Москвой отличился князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

64

Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 117; *Зимин А.А., Королева Р.Г.* Документ Разрядного приказа // Исторический архив. Т. 8. М., 1953. С. 43.

65

Строганов Л.С. Александровская слобода в Смуту начала XVII в. Александров, 2002. С. 26.

66

Еще раз уточню, что воровскими казаками я назвал крестьян, убежавших от помещиков и никогда не бывавших на Днепре, Дону и Волге. Не следует их путать с «воровскими казаками» из документов XVII века, в число которых включили и донцов, и запорожцев.

67

Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С 273.

68

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. IV. С. 523.

69

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 140.

70

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С. 26.

71

Воинские повести Древней Руси / Сост. *Н.В. Понырко*. Ленинград: Лениздат, 1985. С 417.

72

Воинские повести Древней Руси. С. 422–423.

73

Картины былого Тихого Дона. М.: Граница, 1992. Т. 1. С. 52–53.

74

Литовские татары — потомки татар, поступивших на службу к великим литовским князьям в XV–XVI веках.

75

Имеются в виду не столько донские или запорожские казаки, сколько боевые холопы, крестьяне и посадские, ринувшиеся к Лжедмитрию II с целью поживы и именовавшие себя казаками.

76

Граф Якоб Делагарди — сын знаменитого шведского полководца Понтуса Делагарди и Софии Гюльденгельм, побочной дочери шведского короля Иоанна III.

77

Ныне г. Старая Ладога.

78

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С 622–623.

79

Там же. С. 623.

80

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб, 1836. Т. 2. С. 320.

81

Там же. С. 312.

82

Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 218.

83

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С. 41.

84

Польская хоругвь — нечто среднее между батальоном и полком.

85

Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской области.

86

Берсень — крыжовник.

87

Интересующихся историей Второго ополчения я отсылаю к моей книге «Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября». (М.: Вече, 2005).

88

Валишевский К. Смутное время. С. 285.

89

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986. С. 296–297.

90

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. С. 322.

91

Ту же цель при выборе Романова преследовали и бояре.

92

Автор, очевидно не знает, что у Глинки опера первоначально называлась «Иван Сусанин». Название было изменено по настоянию цензуры (*ред*.).

93

А.Л. Станиславский предположил, что это были около 400 запорожских казаков, которые пограбили русский север и теперь шли мимо Костромы на юг. (Гражданская война в России в XVII в. С. 68.).

94

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С 51. Далее также использованы материалы из данного исследования.

95

Там же. С 68.

96

Козляков В.Н. Марина Мнишек. С. 308.

97

Термин взят у Л.Н. Толстого. В начале романа «Война и мир» Пьер Безухов называет казнь герцога Энгиенста «государственной необходимостью».

98

При написании этой главы, как, впрочем, и всех последующих, автор использовал книгу А.Л. Станиславского «Гражданская война в России в XVII в.». М., 1990.

99

Имеются в виду отряды, действовавшие независимо от королевских войск.

100

Арсеньевские шведские бумаги // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. V. С. 23.

101

Здесь автор имеет в виду казацкий отряд И. Сунбулова, разбитый шведами и отступивший в Рахин острог.

102

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 287. Эта книга первый раз была издана в Швеции в 1671 г. Таким образом, Видекинд, описывая события 60-летней давности, обладал большим количеством документов и показаниями очевидцев.

103

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. С. 289–290.

104

Шнек — парусно-гребное судно средних размеров типа «река — море». Использовалось как в военных, так и в торговых целях.

105

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. С. 323–324.

106

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С. 113.

107

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 27.

108

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150.

109

Там же. С. 150–151.

110

Там же. С. 151.

111

В данном случае термин «запорожцы» я использую как метку, чтобы не путать с казаками, служившими у московских воевод В войске же Сагайдачного преобладали малороссийские казаки, а не запорожцы.

112

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 439.

113

Автор, давая такие хронологические рамки, сводит Смуту к интервенции, между тем как последняя являлась лишь составляющей частью того, что принято называть смутным временем, т. е. — это династический, экономический, социальный, политический кризис, сложившийся вместе.

114

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С. 207, 208.

115

Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси. М: Алгоритм, Эксмо, 2007. С 119.

116

Спризнаковский Вл. Этот непокорный Межаков // Вологодский комсомолец. 23 марта 1991.

117

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. С. 211. Здесь и далее использовано данное издание.

118

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 62.

119

Тут под азовцами подразумевается турецко-татарское население устья Дона.

120

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 62.

121

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 63.

122

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 64.

123

1 золотой рубль в XVII веке равнялся примерно 17 золотым рублям начала XX века.

124

Цит. по: *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. М.: Вече, 2002. С. 297.

При всем обилии книг по истории казачества одна из тем до сих пор остается «белым пятном». Это – роль казаков в Великой Смуте конца XVI – начала XVII века, то есть в единственный в истории казачества период, когда они играли ключевую роль в судьбе России.

Смутное время – наиболее мифологизированная часть отечественной истории. При каждом новом правителе чиновники от истории предлагают народу очередную версию событий. Не стало исключением и наше время.

В данной книге нарушаются все эти табу и стереотипы, рассказывается о казачестве как об одной из главных движущих сил Смуты.

Откуда взялись донские, запорожские и волжские казаки и почему они приняли участие в Смуте? Как появились новые «воровские» казаки? Боролся ли Болотников против феодального строя? Был ли Тушинский вор казачьим царем? Какую роль казаки сыграли в избрании на царство Михаила Романова и кто на самом деле убил Ивана Сусанина?

ISBN 978-5-699-24391-4
9 785699 243914 >